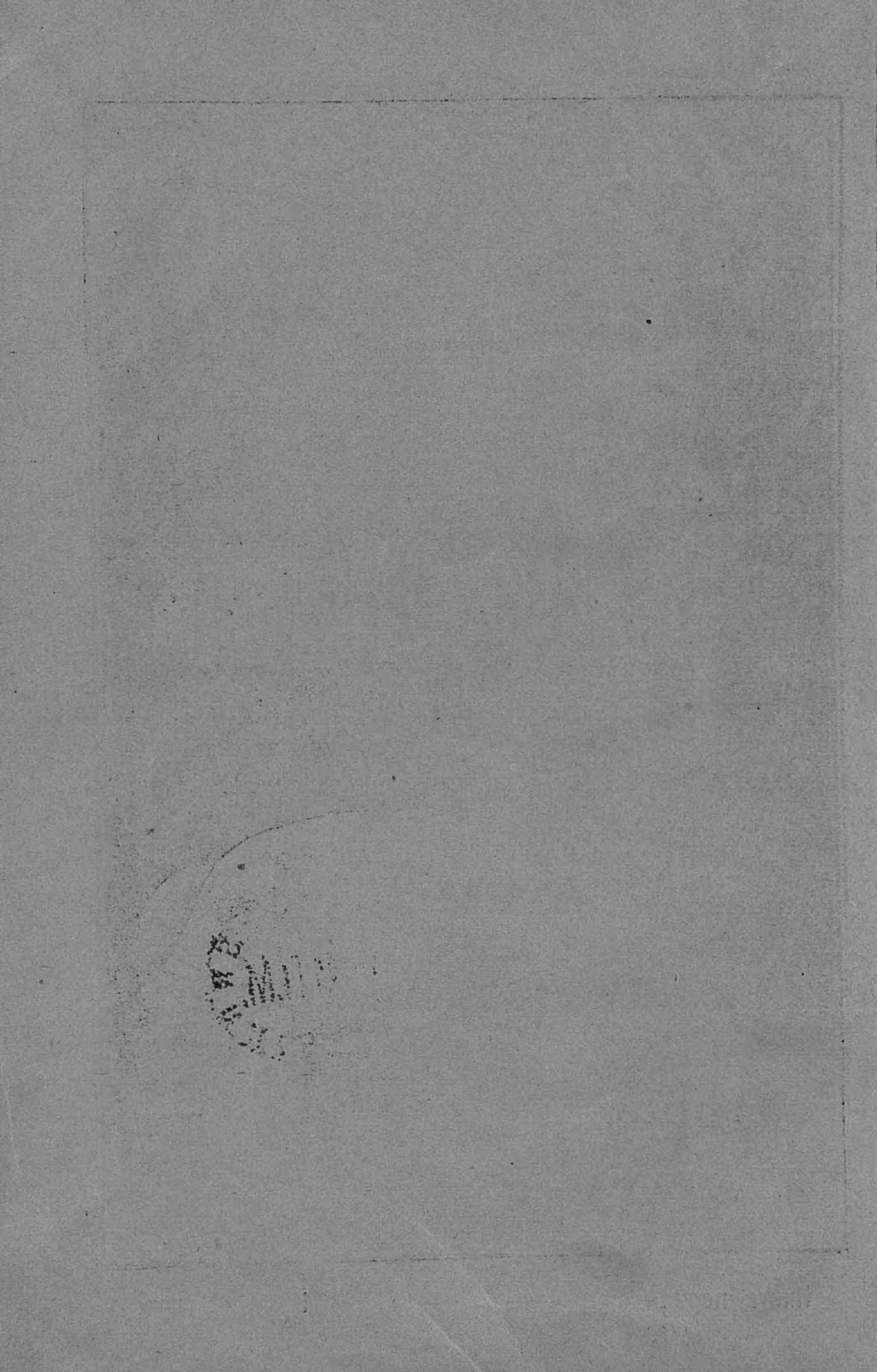
Русская
История
. . . . .
I кн.

Книга первая.

Цѣна 40 коп.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ
ОТЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
до **ПЕТРА ВЕЛИКАГО.**

На средства Издательскаго Общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Невскій, 132.
(Бывшая типографія А. Л. Катанскаго и К°).
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 декабря 1894 г.

Предлагая читателямъ хрестоматію, составленную изъ историческихъ повѣствованій русскихъ писателей, мы хотѣли устранить недостатокъ общій всѣмъ хрестоматіямъ, а именно отрывочность. Читатель только что заинтересовавшійся какимъ-либо описаніемъ, дѣйствующимъ лицомъ или сценой и, естественно, желающій знать дальнѣйшій ходъ разсказа, видитъ повѣствованіе внезапно прерваннымъ. Слѣдующій затѣмъ отрывокъ уже не имѣетъ отношенія къ содержанію предъидущаго.

Желая дать интересное и полезное чтеніе мы, къ избраннымъ нами отрывкамъ прибавили поясненія и связали самые отрывки краткимъ пересказомъ содержанія тѣхъ произведеній, изъ которыхъ дѣлаемъ заимствованія.

Для нагляднаго отдѣленія разсказа избраннаго нами писателя отъ нашихъ поясненій—разсказъ автора печатается крупнымъ шрифтомъ, а наши поясненія болѣе мелкимъ. При выборѣ произведеній и отрывковъ изъ нихъ мы имѣли цѣлью представить читателю рядъ картинъ былой русской жизни, познакомить его съ историческими дѣятелями и вообще съ лицами, какія бывали въ то время, которое описывается въ романѣ или повѣсти. Всё это мы задумали представить въ послѣдовательности «по временамъ и лѣтамъ».

Помѣщая отрывки избранныхъ нами произведеній, мы съ особымъ вниманіемъ старались избѣжать повторенія разсказа объ одномъ и томъ-же событіи, или объ историческомъ лицѣ въ одно и тоже время его жизни.

Книга наша дастъ читателю возможность ознакомиться съ ходомъ и развитіемъ русской жизни, получить многія историческія свѣдѣнія въ видѣ живыхъ разсказовъ, производящихъ впечатлѣнія на чувства и врѣзывающихся въ памяти.

Настоящая *первая книга* хрестоматіи заключаетъ въ себѣ разсказы отъ начала семнадцатаго вѣка потому, что лишь съ этого времени въ нашей литературѣ можно найти послѣдовательный рядъ художественныхъ историческихъ повѣствованій.

ИЗЪ РОМАНА

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

М. Н. Загоскина.

Около трехсотъ лѣтъ тому назадъ для Россіи было самое тяжкое время,—время безначалія, а съ нимъ всяческихъ бѣдъ и напастей для государства.

Когда скончался царь Өеодоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго, царственная линія дома Рюрика прекратилась. Престолъ царей Московскихъ достался Борису Годунову, который достигъ его не по праву рожденія, не выборомъ народа, а своей хитростью и ловкостью. Поэтому народъ не могъ его такъ почитать, какъ привыкъ почитать своихъ исконныхъ и наслѣдственныхъ царей. Къ этому еще присоединился темный слухъ, что онъ былъ причиной убіенія младшаго сына Іоанна Грознаго, малолѣтняго царевича Димитрія Іоанновича.

Царь Борисъ былъ очень даровитъ и уменъ и, начиная царствовать, желалъ народу всякаго блага. Но скоро онъ увидѣлъ, что его не любили; сталъ подозрительнѣе и суровѣе; притомъ ему ничто не удавалось. Въ то время случился неурожай, отъ него голодъ такой страшный, что питались падалью и сѣномъ; потомъ явилась моровая язва; безпріютные голодные люди разбойничали по дорогамъ.

Наконецъ разнесся слухъ, что царевичъ Димитрій не убитъ, а спасся чудомъ и живетъ у Польскаго короля Сигизмунда; скоро слухъ этотъ произвелъ волненіе; называвшійся царевичемъ Димитріемъ, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ Григорія Отрепьева, собралъ войско Поляковъ и Донскихъ казаковъ и пошелъ на Москву. Царь Борисъ не выдержалъ всѣхъ бѣдъ и умеръ. Самозванецъ хотя и воцарился, однако черезъ годъ былъ убитъ по замыслу князя Василія Ивановича Шуйскаго, который самъ завладѣлъ престоломъ. Но и онъ царствовалъ недолго. Во время его царствованія явился еще другой самозванецъ, прозванный Тушинскимъ воромъ—по имени села Тушина, гдѣ онъ сначала расположился со своимъ войскомъ близъ Москвы.

Полки его состояли изъ всякаго сброда; король Польскій помогалъ и ему также, какъ и первому самозванцу, послалъ съ нимъ своего вельможу, Сапѣгу, и далъ тридцать тысячъ войска, Поляковъ и Литовцевъ.

Они подступили къ Троице-Сергіевой лаврѣ и осаждали ее 16 мѣсяцевъ. Защитники этой знаменитой русской святыни иноки и міряне выказали непреоборимое мужество. Ихъ было всего тысячи двѣ человѣкъ; и хотя, подъ конецъ они были изнурены голодомъ, но выдержали осаду. Войска же Тушинскаго вора должны были отступить, а онъ самъ бѣжалъ.

Василій Шуйскій былъ царемъ ничтожнымъ и слабымъ. Безпорядки, безначаліе, междоусобицы продолжались; недовольный народъ волновался; враги Шуйскаго ловко пользовались этимъ и наконецъ дошло до того, что царя насильно постригли.

Теперь необходимо надо было рѣшить, кто будетъ царемъ; и вотъ въ это время король Польскій предложилъ въ цари Русскіе своего сына, королевича Владислава. Въ Россіи многіе на это согласились и присягнули ему на вѣрность. Но король Сигизмундъ скоро измѣнилъ своему намѣренію и рѣшилъ присоединить Россію къ Польшѣ, а самому царствовать въ обоихъ государствахъ, обративъ еще всѣхъ Русскихъ въ католичество. Онъ подступилъ съ этой цѣлью къ Смоленску; были такіе среди русскихъ бояръ, которые держали его сторону. Патріархъ Гермогенъ въ это печальное, ужасное для Россіи время проявилъ всю силу и все величіе своей души. По всей Россіи онъ разсылалъ грамоты, возбуждая къ мужеству, вѣрѣ и благоразумію.

Романъ Загоскина «*Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году*» живо представляетъ намъ годы смутнаго времени.

Въ числѣ цѣловавшихъ крестъ королевичу Владиславу былъ бояринъ знатнаго рода, Юрій Милославскій. Онъ былъ очень молодъ, мудрыхъ совѣтниковъ у него не было и онъ вѣрилъ въ то, что Россіи нуженъ царь, что избраніе новаго царя положитъ конецъ бѣдамъ Русской земли, и что, если нѣтъ своего царевича, хорошимъ царемъ для Россіи можетъ быть королевичъ Владиславъ, только, конечно, если приметъ православіе.

Въ 1612 году Юрій Милославскій ѣхалъ по большой дорогѣ въ Нижній Новгородъ объявить о томъ, что королевичъ Владиславъ собирается вступить на престолъ Московскій. Его послалъ съ грамотами польскій вельможа панъ Гонсѣвскій къ боярину Истомѣ Туренину. Съ Юріемъ Милославскимъ ѣхалъ его вѣрный слуга Алексѣй. Они заблудились, когда поднялась мятель, и нашли въ снѣгу и отогрѣли полузамерзшаго казака-запорожца Киршу, который, придя въ себя, нашелъ дорогу и добрался вмѣстѣ со своими спасителями до постоялаго двора. Народу тамъ было много и очень было тѣсно, но разсказы Кирши разогнали нѣсколько человѣкъ; онъ такъ ихъ напугалъ, что они, едва дождавшись, чтобы прошла мятель, съѣхали со двора.

Еще вторые пѣтухи не пропѣли, какъ вдругъ двѣ тройки примчались къ постоялому двору. Густой паръ валилъ отъ лошадей, и въ то время, какъ изъ саней вылѣзало нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ шубы, усталые кони, чувствуя близость ночлега, взрывали копытами глубокій снѣгъ и храпѣли отъ нетерпѣнія.

— Гей, отпирайте проворнѣй!.. раздался подъ окномъ грубый голосъ. Да ну же, поворачивайтесь,—не то ворота вонъ!

Пока хозяйка вздувала огонь, а хозяинъ слѣзалъ съ полатей, нетерпѣніе вновь пріѣхавшихъ дошло до высочайшей степени; они стучали въ ворота, бранили хозяина, а особливо одинъ, который, испорченнымъ русскимъ языкомъ, примѣшивая ругательства на чистомъ польскомъ, грозился сломить хозяину шею. На постояломъ дворѣ всѣ, кромѣ Юрія, проснулись отъ шума. Наконецъ ворота отворились и толстый полякъ, въ провожаніи двухъ казаковъ, вошелъ въ избу. Казаки, войдя, перекрестились на иконы; а полякъ, не снимая шапки, закричалъ сиповатымъ басомъ:

— Гей, хозяинъ! Что у тебя здѣсь за челядь? Вонъ всѣ отсюда!.. Ей вы, оглохли что-ль! Вонъ, говорятъ вамъ!

Молчаливый проѣзжій приподнялъ голову и, взглянувъ хладнокровно на поляка, опустилъ ее опять на изголовье. Алексѣй и Кирша вскочили; послѣдній, протирая глаза, глядѣлъ съ примѣтнымъ удивленіемъ на пана, который, сбросивъ шубу, остался въ одномъ кунтушѣ, опоясанномъ богатымъ кушакомъ.

Еслибъ нужно было живописцу изобразить воплощенную не гордость, которая, къ несчастію, бываетъ иногда порокомъ людей великихъ, но глупую спѣсь—неотъемлемую принадлежность душъ мелкихъ и ничтожныхъ,—то, списавъ самый вѣрный портретъ съ этого проѣзжаго, онъ достигъ бы совершенно своей цѣли. Представьте себѣ четвероугольное туловище, которое едва могло держаться въ равновѣсіи на двухъ короткихъ и кривыхъ ногахъ; величественно закинутую назадъ голову, въ превысокой косматой шапкѣ; широкое, багровое лице; огромные, оловяннаго цвѣта, круглые глаза; вздернутый носъ, по-

хожій на луковицу, и безконечные усы, которые не опускались къ низу и не подымались вверхъ, но въ прямомъ, стоячемъ направленіи, казалось, защищали надутыя щеки, разрумяненыя природою и частымъ употребленіемъ горѣлки. Спѣсь, чванство и глупость, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражались въ каждой чертѣ лица его, въ каждомъ движеніи и даже въ самомъ голосѣ, который, переходя безпрестанно изъ охриплаго баса въ сиповатый дискантъ, изображалъ попеременно: то надменную волю знаменитаго вельможи, увѣреннаго въ безусловномъ повиновеніи; то неукротимый гнѣвъ грознаго повелителя, коего приказанія не исполняются съ должной покорностью.

Между тѣмъ, какъ этотъ проѣзжій отдавалъ казакамъ какія-то приказанія на польскомъ языкѣ, Кирша не переставалъ на него смотрѣть. На лицѣ запорожца изображались попеременно совершенно противоположныя чувства: сначала, казалось, онъ удивился и, смотря на странную фигуру поляка, старался что-то припомнить; потомъ презрѣніе изобразилось въ глазахъ его; черезъ минуту они заблистали веселостью и почти въ то же время, при встрѣчѣ съ гордымъ взглядомъ поляка, изъявляли глубочайшую покорность, которую однакожъ трудно было согласить съ насмѣшливой улыбкою, едва замѣтною, но не менѣе того выразительною.

— Ну, что-жъ вы стали?—сказалъ панъ грознымъ басомъ, оборотясь снова къ Алексѣю и Киршѣ.—Иль не слышали?.. Вонъ отсюда!

Повелительный голосъ поляка представлялъ такую странную противоположность съ наружностію, которая возбуждала чувство, совершенно противное страху, что Алексѣй, не думая повиноваться, стоялъ какъ вкопаный, глядѣлъ во всѣ глаза на пана и кусалъ губы, что-бъ не лопнуть со смѣху.

— Цо то есть!—завизжалъ дискантомъ полякъ.—Ахъ, вы москали, да знаете ли кто я?

— Не гнѣвайся, ясновельможный панъ,—сказалъ съ низкимъ поклономъ Кирша;—мы съ просонья не разсмотрѣли твоей милости. Дозволь намъ хотя въ уголку остаться. Вотъ лишь разсвѣнетъ, такъ мы и въ дорогу.

— А это что за неучъ растянулся на скамьѣ?—продолжалъ панъ, взглянувъ на молчаливаго прохожаго.—Гей, ты, олухъ!

Незнакомый приподнялся, но вмѣсто того, чтобы встать, сѣлъ на скамью и спросилъ хладнокровно у поляка, чего онъ требуетъ?

— Пошелъ вонъ изъ избы!

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— И ты еще смѣешь разсуждать! Вонъ, говорятъ тебѣ!

— Слушай, полякъ,—сказалъ незнакомый твердымъ голосомъ:—постоялый дворъ не для тебя одного выстроенъ, а если тебѣ тѣсно, такъ убирайся самъ отсюда.

— Цо то есть?—заревѣлъ полякъ.—Почекай, москаль, почекай. Гей, хлопцы, вытолкайте вонъ этого грубіяна!

— Вытолкать? Меня?.. Попытайтесь,—отвѣчалъ незнакомый, приподымаясь медленно со скамьи.—Ну, что-жъ вы стали, молодцы?—продолжалъ онъ, обращаясь къ казакамъ, которые, не смѣя тронуться съ мѣста, глядѣли съ изумленіемъ на богатырскій ростъ проѣзжаго.—Что, ребята, видно я не по васъ?

— Рубите этого разбойника!—закричалъ полякъ, пятясь къ дверямъ. Рубите въ мою голову!

— Нѣтъ, господа честные, прошу у меня не буянить, сказалъ хозяинъ.—А ты, добрый человѣкъ, никакъ забылъ, что хотѣлъ чѣмъ-свѣтъ ѣхать? Слышишь, вторые пѣтухи поютъ!

— И впрямь пора запрягать,—сказалъ торопливо проѣзжій и, не обращая никакого вниманія на поляка и казаковъ, вышелъ вонъ изъ избы.

— Ага! Догадался!—сказалъ полякъ, садясь въ передній уголъ.—Счастливъ ты, что унесъ ноги, а не то бы я съ тобою перевѣдался. Нѣхъ ихъ вшицы дьябли везмо! Какіе здѣсь буяны! Видно, не были еще въ передѣлѣ у пана Лисовскаго.

— Пана Лисовскаго?—повторилъ Кирша.—А ваша милость его знаетъ?

— Какъ не знать!—отвѣчалъ полякъ, погладивъ съ важностью свои усы.—Мы съ нимъ пріятели: побратались на ратномъ полѣ, вмѣстѣ били москалей.

— И вѣрно подъ Троицкимъ монастыремъ?—прервалъ запорожецъ.

Полякъ поглядѣлъ пристально на Киршу и, поправя свою шапку, продолжалъ важнымъ голосомъ:—Да, да, подъ Троицкимъ монастыремъ, изъ котораго москали не смѣли днемъ и носу показывать!

— Прошу не погнѣваться,—возразилъ Кирша: я самъ служилъ въ войскѣ гетмана Сапѣги, который стоялъ подъ Троицею, и, помнится, русскіе колотили насъ порядкомъ; бывало какъ случится: то днемъ, то ночью. Вотъ, напримѣръ, помнишь, ясновельможный панъ, какъ однажды поутру, на монастырскомъ капустномъ огородѣ?.. Что это ваша милость изволитъ вертѣться? Иль не ловко сидѣть?

— Ничего, ничего...—отвѣчалъ полякъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Какъ теперь гляжу,—продолжалъ Кирша: на этомъ огородѣ лихая была схватка, и панъ Лисовскій одинъ за десятерыхъ работалъ.

— Да, да,—прервалъ полякъ,—онъ дрался какъ чертъ! Я смѣло это могу говорить потому, что не отставалъ отъ него ни на минуту.

— Такъ поэтому, ясновельможный, ты былъ свидѣтелемъ, какъ онъ наткнулся на одного молодца, который, во время драки, словно заяцъ, притаился между грядъ, и какъ панъ Лисовскій отпотчивалъ этого труса нагайкою?

Оловянные глаза поляка завертѣлись во всѣ стороны, а багровый носъ засверкалъ какъ уголь.

— Какъ нагайкой?—вскричалъ онъ.—Кто нагайкой?.. Это вздоръ!.. Этого никогда не было!

— Помилуй, какъ не было!—продолжалъ Кирша.—Да объ этомъ все войско Сапѣги знаетъ. Этотъ трусишка служилъ въ регаментѣ Лисовскаго товарищемъ и, помнится, прозывался... да, точно такъ... паномъ Копычинскимъ.

— Неправда, не вѣрьте ему!—закричалъ полякъ, обращаясь къ казакамъ... Это клевета!.. Копычинскаго не только Лисовскій, но и самъ чертъ не смѣлъ бы ударить нагайкою: онъ никого не боится!

— Да что-жь за нелегкая угораздила его завалиться между грядъ въ то время, какъ другіе дрались?

— Что? Какъ что?... Да кто тебѣ сказалъ, что я лежалъ между грядъ?

— Ага! Такъ это ты, ясновельможный? Прошу покорно, чего злые люди не выдумаютъ! Вѣдь точно говорятъ, что Лисовскій тебя поколотилъ, и что еслибъ на другой день ты не бѣжалъ въ Москву, то онъ, для острастки другихъ, непремѣнно бы тебя повѣсилъ.

— Какой вздоръ, какой вздоръ!—прервалъ полякъ, стараясь казаться равнодушнымъ. Да что съ тобою говорить! Гей, хозяинъ, что у тебя есть? Я хочу поужинать.

— Ахти, кормилецъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—да у меня ничего, кромѣ хлѣба, не осталось.

— Какъ ничего?

— Видитъ Богъ, ничего!.. Была корчага каши, толокно и горшокъ щей, да все проѣзжіе поѣли.

— Быть не можетъ, чтобъ у тебя ничего не осталось. Гей, Нехорошко,—продолжалъ онъ, взглянувъ на одного изъ казаковъ, пошарь-ка въ печи: не найдешь ли чего нибудь!

Казакъ отодвинулъ заслонку и вытащилъ жаренаго гуся.

— Цо то есть? — закричалъ полякъ. — Ахъ ты, лайдакъ! Какъ же ты говорилъ, что у тебя нѣтъ съѣстнаго?

— Да это чужое, родимый,—сказала хозяйка.—Этого гуся привезъ съ собою вотъ тотъ баринъ, что спитъ на печи.

— А кто онъ? Полякъ?

— Нѣтъ, кормилецъ, кажись русскій.

— Москаль?... Такъ давай сюда!

Алексѣй хотѣлъ было вступиться за право собственности своего господина; но одинъ изъ казаковъ далъ ему такого толчка, что онъ едва устоялъ на ногахъ.

— Разбуди своего барина,—шепнулъ Кирша; онъ лучше нашего управится съ этимъ буяномъ.

Пока Алексѣй будилъ Юрія и объявлялъ ему о насильственномъ завладѣніи гуся, полякъ, снявъ шапку, расположился спокойно ужинать. Юрій слѣзъ съ печи, спряталъ за пазуху пистолетъ и, отдавъ потихоньку приказаніе Алексѣю, который въ ту же минуту вышелъ изъ избы, подошелъ къ столу.

— Добраго здоровья!—сказалъ онъ, поклонясь вѣжливо пану.

Полякъ, не переставая ѣсть, кивнулъ головою и показалъ молча на скамью. Юрій сѣлъ на другомъ концѣ стола и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ: по вкусу ли ему жареный гусь?

— Какъ проголодаешься, такъ все будетъ вкусно,—отвѣчалъ полякъ.—А что, этотъ гусь твой?

— Мой, панъ.

— Нечего сказать, вы, москали, догадливѣе насъ: всегда съ запасомъ ѣздите. Правда, намъ это и не нужно; для насъ, поляковъ, нѣтъ ничего завѣтнаго.

— Конечно, панъ, конечно, Да что-жь ты пересталъ? Кушай на здоровье!

— Не хочу; я сытъ.

— Не совѣстись, покушай!

— Нѣтъ, ѣшь самъ, если хочешь.

— Спасибо: я не привыкъ кормиться ничьими объѣдками, да не люблю, чтобъ и другіе не доѣдали. Кушай, панъ!

— Я ужь тебѣ сказалъ, что не хочу.

— Не прогнѣвайся: ты сейчасъ говорилъ, что для поляковъ нѣтъ ничего завѣтнаго, то-есть: у нихъ въ обычаѣ брать чужое, не спросясь хозяина... Быть можетъ. А мы, русскіе, хлѣбосолы, любимъ потчивать: у всякаго свой обычай. Кушай, панъ!

— Да что-жь ты присталъ въ самомъ дѣлѣ!?..

— И не отстану до тѣхъ поръ, пока не съѣшь всего гуся.

— Какъ всего?

— Да, всего!—повторилъ Юрій,—вынимая пистолетъ. Прошу покорно: принялся ѣсть, такъ ѣшь.

— Цо то есть!?—завизжалъ полякъ.—Гей, хлопцы!

Быстрымъ движеніемъ руки, Юрій, подвинувъ впередъ столъ, притиснулъ къ стѣнѣ поляка и, обернувшись назадъ, закричалъ казакамъ:

— Стойте, ребята! Ни съ мѣста!

Эти слова были произнесены такимъ повелительнымъ голосомъ, что казаки, которые хотѣли броситься на Юрія, остановились.

— Слушайте, товарищи, продолжалъ Юрій: если кто изъ

васъ тронется съ мѣста, пошевелитъ однимъ пальцемъ, то я въ тотъ же мигъ размозжу ему голову! А ты, ясновельможный, прикажи имъ выдти вонъ: я угощаю одного тебя.—Ну, что-жъ ты молчишь? Слушай, полякъ! Я никогда не божился понапрасну; а теперь побожусь, что ты не успѣешь перекреститься, если они сейчасъ не выйдутъ. Долго-ль мнѣ дожидаться?—прибавилъ онъ, направляя дуло пистолета прямо въ лобъ поляку.

— Іезусъ, Марія!—закричалъ полякъ, стараясь спрятать подъ столъ свою обритую голову.—Ступайте вонъ!.. Ступайте вонъ!..

— Эй, ребята, убирайтесь!—сказалъ Кирша.—А не то этотъ бояринъ какъ-разъ влѣпитъ ему пулю въ лобъ: онъ шутить не любитъ.

— Ступайте вонъ, злодѣи! Ступайте вонъ!—продолжалъ кричать полякъ, закрывая руками глаза, чтобъ не видѣть конца пистолета, который въ эту минуту казался ему длиннѣе крѣпостной пищали. Казаки, выходя вонъ, повстрѣчались съ незнакомымъ проѣзжимъ, который, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на это странное угощеніе, сталъ потихоньку распрашивать хозяина.

— Теперь, Кирша,—сказалъ Юрій, между тѣмъ какъ я стану угощать дорогого гостя, возьми свою винтовку и посматривай, чтобъ эти молодцы не воротились. Ну, панъ, прошу покорно! Да поторапливайся: мнѣ некогда дожидаться!

Полякъ, не отвѣчая ни слова, принялся ѣсть, а Юрій, не перемѣняя положенія, продолжалъ его потчивать. Бѣдный панъ спѣшилъ глотать цѣлыми кусками, давился. Нѣсколько разъ принимался онъ просить помилованія, но Юрій оставался непреклоннымъ, и умоляющій взоръ поляка встрѣчалъ всякій разъ роковое дуло пистолета, взведенный курокъ и грозный взглядъ, въ которомъ онъ ясно читалъ свой смертный приговоръ.

— Позволь хоть отдохнуть!... пропищалъ онъ наконецъ, задыхаясь.

— И, полно, панъ! Мнѣ некогда дожидаться, доѣдай!..

— Смѣлѣй, панъ Копычинскій, смѣлѣй!—сказалъ Кирша. Ты видишь, немного осталось. Что робѣть—то хуже... Ну,

вотъ и дѣло съ концомъ!—промолвилъ онъ, когда полякъ проглотилъ послѣдній кусокъ.

— И, кстати ли? прервалъ Юрій. Угощать, такъ угощать! Тамъ въ печи долженъ быть пирогъ. Кирша, подай-ка его сюда!

— Взмилуйся!—завопилъ полякъ—отчаяннымъ голосомъ. Не могу, якъ пана Бога кохамъ, не могу.

— Что, панъ, будешь ли впередъ непрошенный кушать за чужимъ столомъ?—сказалъ незнакомый проѣзжій.—Спасибо тебѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію, спасибо, что проучилъ этого наглеца! Да будетъ съ него; брось этого негодяя! У насъ на Руси лежачихъ не бьютъ. Дай мнѣ свою руку!.. Молодецъ! Авось ли Богъ приведетъ намъ еще встрѣтиться. Быть можетъ, ты поймешь тогда, что присяга, вынужденная обманомъ и силою, ничтожна предъ Господомъ, и что умереть за вѣру православную и святую Русь честнѣе, чѣмъ жить подъ ярмомъ иновѣрца и носить позорное имя раба иноплеменныхъ. Прощай, хозяинъ! Вотъ тебѣ за постой,—промолвилъ онъ, бросивъ на столъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Не надо, кормилецъ!—сказалъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ. Мы и такъ довольны.

Незнакомый поглядѣлъ съ удивленіемъ на хозяина; но, не отвѣчая ничего, пожалъ руку Юрію, перекрестился, вышелъ изъ избы и чрезъ минуту промчался шибкою рысью мимо постоялаго двора.

Межъ тѣмъ полякъ успѣлъ выбраться изъ-за стола и пробирался къ дверямъ. Юрій остановилъ его.

— Не уходи, панъ, сказалъ онъ; я сейчасъ ѣду, и ты можешь остаться и буянить здѣсь на просторѣ, сколько хочешь. Прощай, Кирша!

— Нѣтъ, бояринъ, прошу не прогнѣваться,—сказалъ запорожецъ: я по милости твоей гляжу на свѣтъ Божій, и не отстану отъ тебя до тѣхъ поръ, пока ты самъ меня не прогонишь.

— По мнѣ пожалуй! Но пѣшій конному не товарищъ.

— Да у меня есть на что купить лошадь.

— А я продамъ, — сказалъ хозяинъ. — Знатный конь! Не много храмлетъ, а шагистъ; и хоть ему за десять, а такой строгій, что только держись. Ну, вѣришь ли Богу: еслибъ онъ

не окривѣлъ, такъ я бы съ нимъ ни за что въ свѣтѣ не разстался!

— Добро, добро!—прервалъ Кирша.—Лишь бы только онъ дотащилъ меня до перваго базара.

— Мы поѣдемъ шагомъ,—сказалъ Юрій,—такъ ты успѣешь насъ догнать. Прощай, панъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ поляку, который, не смѣя пошевелиться, сидѣлъ смирнехонько на лавкѣ.—Впередъ знай, что не всѣ москали сносятъ спокойно обиды, и что есть много русскихъ, которые, уважая храбраго иноземца, не попустятъ никакому забіякѣ, хотя бы онъ былъ и полякъ, ругаться надъ собою. А всего лучше вспоминай почаще о жареномъ гусѣ. До забоченья, ясновельможный панъ! (Часть, I, гл. IV).

Затѣмъ Юрій Милославскій уѣхалъ со своимъ слугою. Вдругъ, неожиданно для нихъ ихъ догоняетъ Кирша на прекрасной лошади съ извѣстіемъ, что за ними погоня. Не успѣли они отъѣхать отъ постоялаго двора, говорилъ Кирша, какъ пріѣхали сотни двѣ казаковъ со своимъ полковымъ командиромъ Тишкевичемъ. Ему Копычинскій нажаловался на Юрія Милославскаго, увѣрилъ, что онъ врагъ полякамъ и везетъ большую казну въ Нижній Новгородъ.

Не успѣлъ онъ разсказать этого, какъ прискакали поляки. Съ опасностью для своей жизни Кирша отдалъ свою лошадь Юрію, лошадь котораго была убита, заставилъ его ускакать, а самъ съ неимовѣрнымъ трудомъ ушелъ тоже отъ рукъ поляковъ. Случайно набрелъ онъ на помѣстье богатаго и грознаго боярина Кручины Шалонскаго, у котораго по пути долженъ былъ пристать и Юрій Милославскій съ порученіемъ отъ того же пана Гонсѣвскаго.

Случайно узналъ Кирша, что дочь Шалонскаго, Анастасія Тимофѣевна, невѣста пана Гонсѣвскаго, заболѣла отъ тоски, потому что полюбила въ бытность свою въ Москвѣ Юрія Милославскаго, даже не зная его имени. Кирша выдаетъ себя за колдуна, добивается возможности видѣть молодую боярышню и увѣряетъ ее, что она любима взаимно. Это была правда, и дочь Шалонскаго выздоравливаетъ отъ такого извѣстія. Юрій, встрѣчая въ Москвѣ у Спаса-на Бору Анастасію Тимофеевну, тоже полюбилъ ее, не подозрѣвая, что она дочь боярина, къ которому онъ теперь ѣхалъ.

Въѣзжая во дворъ Кручины Шалонскаго, онъ увидѣлъ, что готовится пиръ. Это ждали поляковъ съ паномъ Тишкевичемъ во главѣ. Скоро они пріѣхали и вмѣстѣ съ Копычинскимъ, который разсказалъ про исторію съ гусемъ, но совершенно не такъ, какъ было въ самомъ дѣлѣ, не подозрѣвая, что Милославскій находится въ одной съ нимъ

комнатѣ. Юрій обнаружилъ его ложь, и самъ панъ Тишкевичъ первый посмѣялся надъ лгуномъ и благородно отнесся къ Милославскому.

Между тѣмъ Юрій увѣрился, что Кручина Шалонскій держитъ сторону польскаго короля Сигизмунда и радуется тому, что Смоленскъ уже взятъ. Двѣ эти новости больно его поразили. За столомъ онъ отказался пить за здоровье Сигизмунда, изъ чего возникла ссора между Юріемъ и Шалонскимъ. Эту ссору, хотя и уладилъ панъ Тишкевичъ, но бояринъ Кручина все-таки рѣшилъ погубить Юрія Милославскаго и поручилъ своему слугѣ, разбойнику Омляшу, когда на слѣдующій день поѣдетъ Юрій въ Нижній, устроить засаду, взять его живого и привезти къ нему.

Объ этомъ тоже провѣдалъ Кирша и вторично спасаетъ отъ смерти молодого боярина и тутъ же передаетъ ему вѣсточку отъ Анастасіи Тимофеевны, причемъ въ душѣ Юрія смѣшалась радость отъ извѣстія о ней и горесть, что она дочь Шалонскаго. Вслѣдъ затѣмъ онъ благополучно достигаетъ Нижняго Новгорода и видитъ, какой измѣнникъ бояринъ Истома Туренинъ, къ которому послалъ его панъ Гонсѣвскій, какъ онъ прикидывается вѣрнымъ Россіи и православію, а между тѣмъ совершенно преданъ Сигизмунду.

Заря еще не занималась; все спало въ Нижнемъ-Новѣгородѣ; во всѣхъ домахъ и среди опустѣлыхъ его улицъ царствовала глубокая тишина, и только изрѣдка на боярскихъ дворахъ ночные сторожа, стуча сонною рукою въ чугунныя доски, прерывали молчаніе ночи. Въ этотъ часъ, посвященный всеобщему покою, какой-то человѣкъ высокаго роста, закутанный съ ногъ до головы въ черный охабень, пробирался, какъ ночной тать, вдоль по улицѣ, стараясь не примѣтнымъ образомъ держаться какъ можно ближе къ заборамъ домовъ. Казалось, малѣйшій шорохъ пугалъ его: онъ останавливался, робко посматривалъ вокругъ себя и наконецъ, подойдя къ калиткѣ дома боярина Туренина, тихо стукнулъ кольцомъ. Подождавъ нѣсколько времени, онъ повторилъ этотъ знакъ и, когда услышалъ, что кто-то подходитъ къ калиткѣ, то, свистнувъ два раза, отошелъ прочь. Черезъ минуту вышелъ на улицу человѣкъ небольшаго роста съ фонаремъ; высокій незнакомецъ, снявъ почтительно свою шапку, открылъ голову, обвязанную полотномъ, на которомъ примѣтны были кровавыя пятна. Они поговорили съ полчаса между собою; потомъ человѣкъ небольшаго росту, въ которомъ не трудно было

узнать хозяина дома, вошелъ опять на дворъ, а незнакомецъ пустился скорыми шагами по улицѣ, ведущей внизъ горы.

Темноголубыя небеса становились часъ-отъ-часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ: „Умремъ за вѣру православную и святую Русь!“ Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности и все ожило въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ!—вскричалъ Алексѣй, вскочивъ съ своей постели. Онъ подбѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ уже его господинъ.—Чтобъ это значило?—продолжалъ онъ.—Къ заутрени что-ль?.. Нѣтъ, это не благовѣстъ! Точно... бьютъ въ набатъ!.. Ну, вотъ и народъ зашевелился!.. Глядь-ка, бояринъ, всѣ бѣгутъ сюда!.. Экъ ихъ высыпало!.. Да этакъ скоро и на улицу не продерешься!

— Одѣвайся, Юрій Дмитричъ,—сказалъ Истома-Туренинъ, войдя въ ихъ покой.—Пойдемъ посмотрѣть, что тамъ еще этотъ глупый народъ затѣваетъ?

Въ двѣ минуты Милославскій и слуга его были уже совсѣмъ одѣты. Они съ трудомъ могли выйдти за ворота дома: вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кипѣла народомъ.

— Тише, дѣтушки, тише!—говорилъ, запыхавшись, одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ руки.—Дайте духъ перевести!

— Ну, отдохни, дѣдушка,—сказалъ одинъ изъ внучатъ;—да только поскорѣе, а то какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ лобному мѣсту.

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Миничъ;—подхватилъ другой внукъ.—Ну, что, отдохнулъ ли, родимый?

— Ухъ, батюшки!.. Погодите!.. Вовсе уморился!

— Напрасно, дѣдушка, ты не остался дома.

— Что ты, дитятко, побойся Бога! Остаться дома, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ животъ свой положить за матушку святую Русь!.. Да если бы и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ-бы приползъ на городскую площадь.

— Постой-ка!.. Да вотъ и батюшка! — сказалъ первый внукъ.—Втроемъ-то мы тебя и на рукахъ донесемъ.

Сынъ и двое внучатъ, подхватя на руки старика, пустились почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что-жь ты отстаешь, жена,—сказалъ, пріостановясь, небольшаго роста, но плотный посадскій, обратясь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ усталости, бѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Задохнулась, Терентій Никитичъ... Видитъ Богъ, задохнулась!

— Вотъ то-то же! И зачѣмъ тебя нелегкая понесла! Сидѣла бы дома на печи...

— И, батюшка! Да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда идти на супостатовъ.

— И ты пойдешь, Терентій Никитичъ?

— А какъ же? развѣ я не такой же православный, какъ и всѣ?..

— А ребятишки-то наши! На кого ихъ покинешь?.. Вѣдь малъ-мала меньше!

— Да, жаль, что маленьки! Правда, старшему двѣнадцать годковъ, такъ онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка!.. Ты хочешь?..

— А что-жь? Не подыметъ рогатины, такъ съ ножемъ пойдетъ: авось хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправитъ,—и то бы слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлынувъ рѣкою изъ поперечной улицы, увлекла съ собою посадскаго и жену его. Какъ бурное море шумѣлъ и волновался народъ на городской площади; бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные — всѣ тѣснились вокругъ лобнаго мѣста, на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ

болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: „Вотъ Козьма Миничъ! Глядите, вонъ онъ!“ И человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади, шумъ отдалялся, глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и чрезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане Нижегородскіе!—такъ началъ безсмертный Мининъ. Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю Русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане Нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?.. Отвѣтствуйте, граждане Нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ!—загремѣли тысячи голосовъ. Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!..

— И такъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!.. Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго; едва излѣчившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане Нижегородскіе, хотите ли имѣть его главою? Любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій?

— Хотимъ, хотимъ! Онъ любъ намъ!—воскликнулъ народъ, волнуясь часъ-отъ-часу болѣе.

— Граждане и братіи!—продолжалъ Мининъ. Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе на небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все злато и серебро; а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю! продолжалъ онъ, бросивъ на лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряною монетою. И пусть выступитъ желающій купить мой домъ, — съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду, а я самъ, мы всѣ, вся кровь наша—земскому дѣлу и всей землѣ Русской?

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь!—загремѣли безчисленные голоса. Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую! воскликнулъ весь народъ.

Въ эту минуту общаго восторга, разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и Печерскій архимандритъ Ѳеодосій, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на лобное мѣсто. Раздался громкій благовѣстъ. Іереи запѣли соборомъ: „Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины“, и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когда-жь, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: „Господи Боже нашъ, Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ...“, народъ палъ ницъ, зарыдалъ и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: „да спасетъ Господь царство Русское!“ По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святою водой усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: „Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огонь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами, и посрамится врагъ нечестивый и воз-

радуются сердца православныхъ! Воины Христовы, не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи, грядите во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена! Кто противъ васъ? Кто противъ Господа силъ?"

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земного усыпленія. Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго, чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ Русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное чувство! Оно слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, непостигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ лобнаго мѣста возвышались горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи, мѣшокъ мѣдной монеты—подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Нова-города и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно эти дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшилось.

Старинный нашъ знакомецъ, Алексѣй, находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніями вокругъ лобнаго мѣста. Обшаривъ свои карманы и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ монетъ, онъ снималъ уже съ себя серебряный крестъ, какъ вдругъ кто-то, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Нѣтъ, братъ, не разставайся съ отцовскимъ благословеніемъ: я положу и за тебя и за себя.

— А, это ты, Кирша!—сказалъ Алексѣй.—Какъ, и ты хочешь класть?

— Да, товарищъ! Вотъ въ этомъ мѣшкѣ все, что я на-

копилъ; да Богъ съ нимъ! Жаль только, что мало!.. Эге, любезный, ты все еще ревешь! Полно, братъ; что ты разхныкался, словно малый ребенокъ!

— А ты самъ развѣ не плачешь?—отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? Я? Вотъ вздоръ какой!—вскричалъ запорожецъ, утирая рукавомъ свои глаза.—А что ты думаешь,—продолжалъ онъ,—никакъ въ самомъ дѣлѣ? Кой прахъ! Что это, братъ Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ въ Запорожской Сѣчи гулять и веселиться: пьешь, бывало, безъ просыпу цѣлую недѣлю, и хоть нельзя сказать, чтобъ было очень весело, а пляшешь и поешь съ утра до вечера. Теперь же, ну вѣришь ли Богу, такъ сердце отъ радости выскочить и хочетъ, а вовсе не до пѣсенъ: все бы плакалъ... Да и всѣ также, на кого не посмотришь... Что за диво такое!

Въ самомъ дѣлѣ, все многолюдное собраніе народа составляло въ эту минуту одно благочестивое семейство: не слышно было громкихъ восклицаній; проливая слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ, всѣ съ братскою любовію обнимали другъ друга... Но кто этотъ отверженный? Кто стоитъ поодаль отъ всей толпы, съ померкшимъ взоромъ, съ отчаяньемъ на челѣ, блѣдный, полумертвый, какъ преступникъ, идущій на казнь, какъ блудный сынъ, взирающій издалека на пирующихъ своихъ братьевъ?.. Ахъ, это Юрій Милославскій! Это тотъ, кто отдалъ бы тысячу жизней за то, чтобъ воскликнуть вмѣстѣ съ другими: „Умремъ за вѣру православную и святую Русь!“ Не смотря на приглашеніе боярина Истомы, который, заливаясь слезами, кричалъ громче всѣхъ: „идемъ къ матушкѣ Москвѣ“,—Юрій не хотѣлъ подойти вмѣстѣ съ нимъ къ лобному мѣсту. Онъ не видѣлъ Минина, не слышалъ словъ его; но видѣлъ общій восторгъ народа, видѣлъ радостныя слезы, усердныя мольбы всѣхъ русскихъ, и какъ отступникъ отъ вѣры отцовъ своихъ, не смѣлъ молиться вмѣстѣ съ ними. Ему казалось, что каждый гражданинъ Нижегородскій, проходя мимо его, готовъ былъ сказать: „Презрѣнный рабъ Владислава, чего ты хочешь отъ свободныхъ сыновъ Россіи?.. Бѣги, не оскверняй своимъ присутствіемъ сіе священное торжество вѣры и любви къ отечеству! Ты не Рус-

скій, ты не сынъ Милославскаго!“ Тутъ вспомнилъ Юрій послѣднія слова умирающаго своего родителя. Благословляя его охладѣвшею уже рукою, онъ сказалъ: „Юрій, держись вѣры православной; не своди дружбы съ врагами нашего отечества и не забывай, что Милославскіе всею грудью стояли за правду и святую Русь!“

— Такъ!—вскричалъ несчастный юноша,—присутствіе мое при семъ торжествѣ есть оскверненіе святыни! Я не могу, я не долженъ оставаться здѣсь долѣе!

Онъ поспѣшилъ оставить площадь; но на каждомъ шагу встрѣчались ему толпы гражданъ, несущихъ свои имущества; вездѣ раздавались поздравленія, на всѣхъ лицахъ сіяла радость. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился наконецъ въ одномъ отдаленномъ предмѣстьи, и, не видя никого вокругъ себя, сѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ воротъ небольшой хижины. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько женщинъ и почти столѣтній старикъ сѣли возлѣ него.

— Какъ это, господинъ честной, — сказалъ онъ, — ты здѣсь, а не на площади?

— Я сейчасъ оттуда,—отвѣчалъ Юрій.

— И я на старости ходилъ. Слава Богу, кой-какъ дотащился; теперь готовъ умереть хоть завтра! Да и пора костямъ на покой!

— Ты, я думаю, очень старъ, дѣдушка?—спросилъ Юрій, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Да, молодецъ, безъ малаго годовъ сотню прожилъ, и на всемъ вѣку не бывалъ такъ радостенъ, какъ сегодня. Благодареніе Творцу Небесному, очнулись наконецъ православные!.. Эхъ, жаль! Кабы Господь продлилъ дни бывшаго воеводы нашего, Дмитрія Юрьевича Милославскаго, то-то былъ бы для него праздникъ!.. Дай Богъ ему царство небесное, столбовой былъ русскій бояринъ!.. Ну, да если не здѣсь, такъ тамъ онъ вмѣстѣ съ нами радуется!

— Я слышала, дѣдушка,—сказала одна изъ женщинъ,— что у него есть сынъ.

— Какъ же. Помнится, Юрій Дмитріевичъ! Если пошелъ по батюшкѣ, то вѣрно будетъ нашимъ гостемъ и въ Москвѣ

съ Поляками не останется. Нѣтъ, дѣтушки! *Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!*

— Ахти,—вскричала одна изъ женщинъ,—что это съ молодцомъ сдѣлалось? Никакъ онъ полоумный... Смотри-ка, дѣдушка, какъ онъ отъ насъ пустился бѣжать! Прямехонько къ Волгѣ... Ахъ, Господи, Боже мой! Долго ли до грѣха: какъ съ дуру то нырнетъ въ воду, такъ и поминай какъ звали!

Какъ громомъ пораженный послѣдними словами старика, Юрій, не видя ничего передъ собою, не зная самъ, что дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой улицѣ, ведущей къ Волгѣ. Въ ушахъ его раздавались слова умирающаго отца; ему казалось, что его преслѣдуютъ, что кто-то называетъ его по имени, что множество голосовъ повторяютъ: „Вотъ онъ! Вотъ Милославскій!“ Вся кровь застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему послышалось, что вслѣдъ за нимъ прогремѣлъ ужасный голосъ: „Да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!“ Волосы его стали дыбомъ, смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ Волги, на краю утесистаго берега, застроеннаго обширными сараями.

Солнце было уже высоко, когда Милославскій очнулся; подлѣ него стоялъ Алексѣй.

— Слава тебѣ Господи!—вскричалъ онъ, замѣтивъ, что Юрій пришелъ въ себя.—Ну, перепугалъ ты меня, бояринъ! Что это съ тобой сдѣлалось?

— Гдѣ я?—спросилъ Милославскій, взглянувъ съ удивленіемъ вокругъ себя.

— На берегу Волги. Какъ помиловалъ тебя Господь, Юрій Дмитричъ? И что съ тобою сдѣлалось? Мнѣ сказали на площади, что ты пошелъ внизъ подъ гору, я за тобой слѣдомъ; гляжу: сидишь смирнехонько подлѣ какого-то старичка; вдругъ какъ будто бы тебя чѣмъ обожгло: какъ вскочишь, да ударишься бѣжать! Я за тобой, а ты пуще! Я ну кричать: „Постой Юрій Дмитричъ, постой, не бѣги!“ А ты пуще... Ну, вѣришь ли, осипъ кричавши: „куда, бояринъ, куда?“ Гляжу, прямо къ Волгѣ... Сердце у меня замерло!.. Да, слава Богу, что тебя обморокъ ошибъ, прежде чѣмъ ты успѣлъ добѣжать

до рѣки. И то бѣда: ужъ оттиралъ, оттиралъ тебя, и водой прыскалъ, и виномъ теръ,—на силу-то очнулся. Да что это, бояринъ, съ тобою попритчилось?

— Такъ, Алексѣй, ничего! Теперь мнѣ лучше. Но скажи... мнѣ помнится, я слышалъ чей-то голосъ... Кто возлѣ меня предавалъ проклятію измѣнника?

— Какого измѣнника, бояринъ? Я ничего не слышалъ.

— Ничего?.. А что за народъ толпится вокругъ этихъ сараевъ?.. О чемъ они говорятъ?.. Чу! Слышишь? Они называютъ меня по имени.

— И, нѣтъ, Юрій Дмитричъ: это тебѣ чудится! Развѣ не видишь, сюда складываютъ все, что Нижегородцы нанесли на площадь.

— На площадь?... Я также былъ на площади?

— Какъ же, бояринъ!

Юрій провелъ рукою по глазамъ и, какъ будто-бъ пробудившись отъ глубокаго сна, сказалъ:

— Да, да, теперь я вспомнилъ!.. Мы остановились здѣсь у боярина Истомы-Туренина...

— Да, Юрій Дмитричъ, и, чай, онъ ждетъ тебя къ обѣду.

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги и только что хотѣлъ идти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ:

— Здравствуй, бояринъ! Милости просимъ! Добро пожаловать къ намъ въ Нижній-Новгородъ!

Милославскій невольно вздрогнулъ и, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну вотъ, не отгадалъ ли я,—продолжалъ незнакомецъ: Богъ привелъ намъ опять увидѣться.

— Такъ это ты!—вскричалъ Алексѣй.—Я было и на площади призналъ тебя, да боялся вклепаться. Ну, Кузьма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровья, красно ты говоришь!

— Какъ,—сказалъ Юрій,—ты тотъ самый знаменитый гражданинъ?..

— И, бояринъ! Я просто гражданинъ Нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ

граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ, отдавали свои имущества? На мнѣ хоть это платье осталось, а другой послѣднюю одеженку притащилъ на площадь: такъ мнѣ ли хвастаться, бояринъ!

— Но развѣ не ты первый?..

— Ну, да... я первый заговорилъ—такъ что-жь?.. Велико дѣло!.. Нельзя же всѣмъ разомъ говорить. Не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой, такъ третій... А скажи-ка, бояринъ, ужь не хочешь ли и ты пристать къ намъ? Ты цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу, а душа-то въ тебѣ все-таки русская.

— Къ несчастью, ты говоришь правду!—сказалъ со вздохомъ Юрій.

— А почему-жь къ несчастью? Скажи мнѣ, легко-ль тебѣ было присягать польскому королевичу?

— Ахъ!.. Видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего-жь ты это сдѣлалъ?

— Для того, что былъ увѣренъ и теперь еще... да, и теперь еще надѣюсь, что этою жертвою мы спасемъ отъ гибели наше отечество.

— Вотъ видишь ли: все-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасенку, бояринъ. Одинъ мужичекъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него было три сына: меньшой, думая, что онъ одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ; между тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ, и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды и чуть было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ, или, лучше сказать, пасынокъ; онъ не просилъ помощи, да и самъ не думалъ спасать утопающаго отца, а разсчитывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какая придется ему часть изъ отцовскаго наслѣдія. Какъ ты думаешь, бояринъ, хоть меньшему сыну и не за что сказать спасибо, а по мнѣ все-таки честнѣе быть имъ, чѣмъ пасынкомъ?

Юрій молча пожалъ руку Минина, который продолжалъ:

— Чему дивиться, что ты связалъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ, когда вся Москва сдѣлала тоже самое. Да вотъ

хоть, напримѣръ, князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій изволилъ мнѣ сказывать, что сегодня у него въ дому сберутся здѣшніе бояре и старшины, чтобъ выслушать гонца, который присланъ къ намъ съ предложеніемъ отъ пана Гонсѣвскаго. И какъ ты думаешь, кто этотъ довѣренный человѣкъ злѣйшаго врага нашего?.. Сынъ бывшаго воеводы Нижегородскаго боярина Милославскаго.

— Да это господинъ мой!—вскричалъ Алексѣй.

— Какъ! Такъ это ты, Юрій Дмитричъ?—сказалъ Мининъ, снявъ почтительно свою шапку и устремивъ на Милославскаго взоръ, исполненный душевнаго состраданія.—Ну, жаль мнѣ тебя! Кому другому, а тебѣ куда должно быть тяжело, бояринъ!

— Я исполню долгъ свой, Кузьма Миничъ,—отвѣчалъ Юрій. Я не могу поднять оружія на того, кому клялся въ вѣрности; но никогда руки мои не обагрятся кровію единовѣрцевъ; и если междоусобная война неизбѣжна, то... тутъ Милославскій остановился; глаза его заблистали... Да!—продолжалъ онъ,—я далъ обѣтъ служить вѣрой и правдой Владиславу; но есть еще клятва предъ которою ничто всѣ обѣщанія и клятвы земныя... Такъ! Самъ Господь ниспославъ мнѣ эту мысль: она оживила мою душу!..

Въ самомъ дѣлѣ, давно уже лицо Милославскаго не выражало такой твердой рѣшимости и спокойствія. Вся бодрость его возвратилась.

— Прощай, почтенный гражданинъ!—сказалъ онъ Минину. Я спѣшу теперь въ домъ боярина Туренина и черезъ нѣсколько часовъ явлюсь вмѣстѣ съ нимъ предъ лицомъ сановниковъ Нижегородскихъ, въ числѣ которыхъ надѣюсь увидѣть и тебя. Повторяю еще разъ: я исполню долгъ мой; но... прошу тебя—не осуждай меня прежде времени! (Часть II, гл. IV).

~~~~~~

Прошло нѣсколько времени. Междоусобица внутренняя и война съ поляками продолжалась. Князь Пожарскій принялъ начальство надъ войсками, въ то время, какъ сильное количествомъ польское войско, подъ начальствомъ гетмана Ходкевича, подступило къ Москвѣ. Ополченіе русское достигло Троице-Сергіевской лавры 1 августа 1612 года.
~~~~~~

Кирша, разставшись съ Юріемъ Милославскимъ въ Нижнемъ Новгородѣ, пропадалъ неизвѣстно гдѣ. Наконецъ онъ опять появился на тѣхъ большихъ дорогахъ, гдѣ въ усадьбѣ боярина Шалонскаго прикидывался колдуномъ, а въ густыхъ лѣсахъ, по дорогѣ въ Нижній Новгородъ, спасалъ Юрія Милославскаго отъ западни и погони.

Кирша ѣхалъ не одинъ; съ нимъ была ватага избранныхъ удальцовъ такихъ же, какъ онъ. Случайно онъ встрѣтилъ Алексѣя, слугу Милославскаго, изнуреннаго, оборваннаго, голоднаго, и узналъ отъ него грустную новость: Омляшъ, оказалось, пріѣхалъ тоже въ Нижній и скрывался у князя Туренина; Юрію Милославскому не удалось отъ него уйдти. Алексѣй сказалъ Киршѣ, что его баринъ убитъ. Однако это была неправда. Удалой и хитрый Кирша провѣдалъ, что Милославскій живъ и находится въ заточеніи у боярина Шалонскаго, который съ нимъ и Турениныmъ скрывается въ Муромскихъ лѣсахъ на своемъ хуторѣ, такъ какъ его хоромы были подожжены и сгорѣли.

Кирша съ необычайной своей ловкостью нашелъ и освободилъ полумертваго Милославскаго и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Троицкую лавру.

~~~~~~~~~~

Троицкая лавра святого Сергія, эта священная для всѣхъ русскихъ обитель, показавшая неслыханный примѣръ вѣрности, самоотверженія и любви къ отечеству, была во время Междуцарствія первымъ, по богатству и великолѣпію своему, монастыремъ въ Россіи; ибо древнее достояніе князей русскихъ, первопрестольный градъ Кіевъ, со своей знаменитой Печерской лаврой, принадлежалъ полякамъ. Обитель Троицкая, основанная около половины четырнадцатаго столѣтія Радонежскимъ чудотворцемъ преподобнымъ Сергіемъ близь протока, называемаго Кончурой, отстоитъ отъ Москвы не далѣе шестидесяти четырехъ верстъ. Хотя въ 1612 году великолѣпная церковь святого Сергія, высочайшая въ Россіи колокольня, двѣ башни прекрасной готической архитектуры и много другихъ зданій не существовали еще въ Троицкой лаврѣ; но высокія стѣны, восемь огромныхъ башень, соборы: Троицкій съ позлащенной кровлей, и Успенскій, съ пятью главами, четыре другія церкви, обширныя монастырскія строенія, многолюдный посадъ, большіе сады, тѣнистыя рощи, свѣтлые пруды, гористое живописное мѣстоположеніе—все плѣняло взоры путешественника, все поселяло въ душѣ его непреодолимое желаніе посвятить нѣсколько часовъ уединенной молитвѣ и
~~~~~~~~~~

поклониться смиренному гробу основателя этой святой и знаменитой обители.

Въ описываемую нами эпоху, Троицкая лавра походила болѣе на укрѣпленный замокъ, чѣмъ на тихое убѣжище миролюбивыхъ иноковъ. Разставленныя по стѣнамъ и башнямъ пушки, множество людей ратныхъ, вооруженные слуги монастырскіе, а болѣе всего поврежденныя ядрами стѣны и обширныя пепелища, покрытыя развалинами домовъ, находившихся внѣ ограды, напоминали каждому, что этотъ монастырь въ недавнемъ времени выдержалъ осаду, которая останется навсегда въ лѣтописяхъ нашего отечества непостижимой загадкой, или, лучше сказать, явнымъ доказательствомъ могущества и милосердія Божія. Тридцать тысячъ войска польскаго подъ предводительствомъ извѣстныхъ своей воинской доблестью и звѣрскимъ мужествомъ пановъ: Сапѣги и Лисовскаго, не успѣли взять приступомъ монастыря, защищаемаго горстью людей, изъ которыхъ большая часть въ первый разъ взялась за оружіе; въ теченіе шести недѣль, болѣе шестидесяти осадныхъ орудій, гремя день и ночь, не могли разрушить простыхъ кирпичныхъ стѣнъ монастырскихъ. Упованіе на Господа и любовь къ отечеству превозмогли всю силу многочисленнаго непріятеля: простые крестьяне стояли твердо, какъ посѣдѣвшіе въ бояхъ воины, бились съ ожесточеніемъ и гибли какъ герои. Никто не хотѣлъ окончить жизнь на своей постели; едва дышущіе отъ ранъ и болѣзней, не могущіе уже сражаться воины, иноки и слуги монастырскіе приползали умирать на стѣнахъ святой обители отъ вражескихъ пуль и ядеръ, которыя сыпались градомъ на беззащитныя ихъ головы. Начальники осажденнаго войска, князь Долгоруковъ и Голохвастовъ, готовясь, по словамъ лѣтописца, „на трапезѣ кровопролитной испить чашу смертную за отечество“, цѣловали крестъ надъ гробомъ святого Сергія: „сидѣть въ осадѣ безъ измѣны“,—и сдержали свое слово. Простоявъ болѣе шестнадцати мѣсяцевъ подъ стѣнами лавры, воеводы польскіе, покрытые стыдомъ, бѣжали отъ монастыря, который не даромъ называли въ рѣчахъ своихъ „каменнымъ гробомъ“, ибо обитель святого Сергія была дѣйствительно обширнымъ

гробомъ для большей части войска и могилой ихъ собственной воинской славы.

Въ одно прекрасное утро, передъ ранней обѣдней человѣкъ пять слугъ монастырскихъ, собравшись въ кружокъ, отдыхали на лугу, подлѣ святыхъ воротъ лавры. Одинъ изъ нихъ, который, судя по его усталому виду и запыленному платью, только что пріѣхалъ съ дороги, разсказывалъ что-то съ большимъ жаромъ; всѣ слушали его со вниманіемъ, кромѣ одного высокаго и молодцоватаго дѣтины. Не принимая, повидимому, никакого участія въ разговорѣ, онъ смотрѣлъ пристально вдоль Ростовской дороги, которая, огибая Терентьевскую рощу, терялась вдали между полей, густыхъ рощъ и разсыпанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ селеній.

— Полно, такъ ли, братъ Суета?—сказалъ одинъ изъ слугъ монастырскихъ, покачавъ головой.—И тебя къ нему допустили?

— Какъ-же, братецъ!—отвѣчалъ разскащикъ, напоминающій своимъ огромнымъ ростомъ преданія о могучихъ витязяхъ древней Россіи.—Стану я лгать! Я своеручно отдалъ ему грамоту отъ нашего архимандрита; говорилъ съ нимъ лицомъ къ лицу, и онъ безъ малаго словъ десять изволилъ перемолвить со мной.

— А мнѣ такъ не удалось посмотрѣть на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго,—сказалъ этотъ же служитель: я былъ въ отлучкѣ, какъ онъ стоялъ у насъ въ лаврѣ. Что, братъ Суета, правда ли, что онъ молодецъ собою?

— Какъ бы тебѣ сказать?.. Росту не очень большого и въ плечахъ узенекъ,—отвѣчалъ Суета, кинувъ гордый взоръ на собственныя свои богатырскія плечи;—но за то куда благообразенъ собою!.. А что за взглядъ! Ахъ ты, Господи, Боже мой... Повѣрите-ль, ребята: какъ я къ нему подходилъ, гляжу, кой прахъ, — мужиченокъ небольшой, ну, вотъ не больше тебя,—прибавилъ Суета, показавъ на одного молодого парня средняго роста;—а какъ онъ выступилъ впередъ, да взглянулъ, такъ мнѣ показалось, что онъ цѣлой головой меня выше! Вы знаете, товарищи, я дѣтина не робкой и силка есть, а еслибъ пришлось мнѣ на ратномъ полѣ схватиться съ кня-

земъ Пожарскимъ, такъ, что грѣха таить, не побожусь, статься можетъ, и я бы сбрендилъ.

— Что ты, Суета, помилуй!.. Ты для почину цѣлый полкъ Ляховъ одинъ остановилъ и человѣкъ двадцать супостатовъ перекрошилъ своимъ бердышомъ, такъ статочное ли дѣло, чтобъ ты сробѣлъ одного человѣка?

— Да слышишь ли, ты, голова: онъ на другихъ-то людей вовсе не походитъ! Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ сѣлъ на коня; какъ подлетѣлъ соколомъ къ войску, когда оно, войдя въ Москву, остановилось у Арбатскихъ воротъ; какъ показалъ на кремль и соборные храмы, и что тогда было въ его глазахъ и на лицѣ!.. Такъ я тебѣ скажу, и взглянуть-то страшно! Подлѣ его стремени ѣхалъ Козьма Миничъ Сухорукъ... Ну, братъ, и этотъ молодецъ! Не такъ грозенъ, какъ князь Пожарскій, а нашего поля ягода — за себя постоитъ!

— А что слышно о Полякахъ?

— Вѣстимо что: одни сидятъ въ кремлѣ, да выглядываютъ изъ-за стѣнъ, какъ сычи; а другіе съ гетманомъ Ходкевичемъ, какъ говорятъ, близехонько отъ Москвы.

— Такъ скоро быть большая схватка будетъ?

— Видно что такъ. Жаль только, что наша сила поубавилась: измѣнникъ Заруцкій въ Коломнѣ, да и князя-то Трубецкаго войско не больно надежно, такой сбродъ! Они-жъ, говорятъ, осерчали за то, что Нижегородцы не пошли къ нимъ въ таборы; а по мнѣ, такъ дѣло и сдѣлали: что имъ якшаться съ этими разбойниками? Вся Понизовская сила, что пришла съ княземъ Пожарскимъ, истинно христолюбивое войско, не налюбуешься! А какъ посмотришь на дружины князя Трубецкого, такъ бѣжалъ бы прочь, безъ оглядки: только и думаютъ, какъ бы гдѣ поналиться да ограбить кого бы ни было, чужихъ или своихъ, все равно. Есть, правда, и у нихъ ребята знатные, да сволочи много.

— А не попадались ли тебѣ на московской дорогѣ шиши? Говорятъ они вездѣ шатаются?

— Какъ же! Они и меня останавливали верстахъ въ тридцати отсюда; но лишь только я вымолвилъ, что ѣду изъ

Троицы, къ князю Пожарскому, тотчасъ отпустили, да еще на дорогу стаканчикъ вина поднесли.

— Вотъ что! Такъ они вовсе не разбойники?

— Какіе разбойники!.. Правда, ихъ держитъ въ рукахъ какой-то приходскій священникъ села Кудинова, отецъ Еремѣй; безъ его благословенья они никого не тронутъ; а онъ, дай Богъ ему здоровье, стоитъ въ томъ: рѣжь какъ хочешь Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, а православныхъ не тронь!.. Да что тамъ такое? Посмотрите-ка, что это Мартьяшъ уставился?.. Глазъ не спускаетъ съ ростовской дороги.

— А кто его знаетъ?—отвѣчалъ одинъ изъ служителей.—Мы слушаемъ твои разсказы, а онъ вѣдь глухъ; такъ можетъ статься отъ бездѣлья по сторонамъ глазѣетъ.

— Нѣтъ, братъ Данила,—сказалъ Суета,—не говори: онъ даромъ смотрѣть не станетъ; подлинно Господь умудряетъ юродивыхъ! Мартьяшъ глухъ и нѣмъ, а кто лучше его справлялъ службу, когда мы бились съ Поляками? Бывало какъ онъ стоитъ сторожемъ, такъ и думушки не думаешь; спи себѣ вдоволь: муха не прокрадется.

Вдругъ Мартьяшъ вскочилъ, схватилъ за руку Суету и, заставивъ его встать, показалъ пальцемъ на ростовскую дорогу.

— Ну, такъ и есть!—вскричалъ Суета.—Видите ли, ребята?

— Да,—сказалъ Данило,—по большой дорогѣ ѣдутъ казаки. Пойти, сказать старшинамъ.

— Постой, вотъ никакъ всѣ они выѣхали изъ-за рощи... Да ихъ наврядъ будетъ человѣкъ тридцать; изъ чего дѣлать тревогу?

— А если это только передовые?—сказалъ одинъ изъ служителей.

— И, нѣтъ,—продолжалъ Суета;—тамъ дальше никого не видно. Видите-ль? Мартьяшъ усѣлся опять на прежнее мѣсто и вовсе на нихъ не смотритъ, такъ вѣрно ужь опасаться нечего, какіе-нибудь проѣзжіе или богомольцы.

— Да, такъ и должно быть,—сказалъ Данило.—Посмотрите, впереди казаковъ ѣдетъ какой-то бояринъ... Вотъ сняли шапки и молятся на соборы... Видно какой-нибудь Понизовскій дворянинъ ѣдетъ къ намъ на богомолье.

Читатели наши, безъ сомнѣнья, уже догадались, что бояринъ, ѣдущій въ сопровожденіи казаковъ, былъ Юрій Дмитричъ Милославскій. Когда они доѣхали до святыхъ воротъ, то Кирша, спѣша возвратиться подъ Москву, попросилъ Юрія отслужить за него молебенъ преподобному Сергію и, подаря ему коня, отбитаго у польскаго наѣздника, и литовскую богатую саблю, отправился далѣе по московской дорогѣ. Милославскій, подойдя къ монастырскимъ служителямъ, спросилъ, можетъ ли онъ видѣть архимандрита?

— Врядъ ли, бояринъ,—отвѣчалъ Суета: я сейчасъ былъ у него въ палатахъ, онъ что-то прихворнулъ и лежитъ въ постели; а если у тебя есть какое дѣло, то можешь переговорить съ отцемъ келаремъ.

— Авраамiемъ Палицынымъ?

— Да, бояринъ; онъ вчера прiѣхалъ изъ-подъ Москвы и ныньче же, послѣ трапезы, опять туда ѣдетъ.

— Не можетъ ли кто нибудь изъ васъ проводить меня въ его келью?

— Пожалуй, я провожу,—сказалъ Суета.—А ты, братъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Алексѣю, отведи коней въ гостинницу.

— А гдѣ бы достать чего-нибудь перекусить, любезный?—спросилъ Алексѣй.

— Ужь тамъ тебя накормятъ; благодаря Бога изъ Сергіевской лавры ни одинъ еще богомолецъ голодный не уходилъ.

Юрій, идя вслѣдъ за Суетою, замѣтилъ, что и внутри монастыря большая часть строеній была повреждена, и хотя множество рабочихъ людей занято было поправкой оныхъ, но на каждомъ шагу встрѣчались слѣды опустошеній и долговременной осады, выдержанной обителью.

— Вотъ въ этихъ палатахъ живалъ прежде отецъ Авраамій,—сказалъ Суета, указавъ на небольшое двухъэтажное строеніе, прислоненное къ оградѣ.—Да, видишь, какъ ихъ злодѣи Ляхи отдѣлали: насквозь гляди! Теперь онъ живетъ вотъ въ той связи, что за соборами, не просторнѣе другихъ старцевъ; да онъ, Богъ съ нимъ, не привередливъ: была-бъ

у него только келья въ сторонѣ, чтобъ не мѣшали ему молиться, да писать, такъ съ него и довольно.

— А что онъ пишетъ?

— Богъ вѣсть! Послушникъ его Ѳиногенъ мнѣ сказывалъ, что онъ пишетъ какое-то сказаніе объ осадѣ нашего монастыря, и будто бы въ немъ говорится что-то и обо мнѣ; да я плохо вѣрю: иная рѣчь о нашихъ воеводахъ, князѣ Долгоруковѣ да Голохвастовѣ—ихъ дѣло боярское; а мы люди малые, что о насъ писать? Сюда, бояринъ, на это крылечко.

Пройдя длиннымъ корридоромъ до самаго конца зданія, они остановились и Суета, постучавъ въ небольшую дверь, сказалъ въ полголоса:

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго.

— Аминь!—отвѣчалъ кто-то пріятнымъ и звучнымъ голосомъ внутри кельи.

— Теперь ступай, бояринъ,—сказалъ Суета, отворяя дверь.

Юрій взошелъ въ небольшую келью съ однимъ окномъ. Въ лѣвомъ углу стояла деревянная скамья съ такимъ же изголовьемъ; въ правомъ налой, надъ которымъ теплилась лампада передъ Распятіемъ и двумя образами; къ самому окну приставленъ былъ большой ничѣмъ не покрытый столъ; вдоль одной стѣны, на двухъ полкахъ, стояли книги въ толстыхъ переплетахъ и лежало нѣсколько свитковъ. Передъ столомъ, на скамьѣ, сидѣлъ старецъ въ простой черной ряскѣ и разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ толстую тетрадь, которая лежала передъ нимъ на столѣ. Приходъ Юрія не прервалъ его занятія; онъ взялъ перо, поправилъ нѣсколько словъ и прочелъ вслухъ: „Въ сей бо день гетманъ Сапѣга и Лисовскій со всѣми полки своими, польскими и литовскими людьми, и съ русскими измѣнники, побѣгоша къ Дмитрову, никѣмъ же гонимы, но десницею Божіей...“ Тутъ онъ написалъ еще нѣсколько словъ, всталъ съ своего мѣста и, благословя подошедшаго къ нему Юрія, спросилъ ласково: какую онъ имѣетъ до него надобность?

— Отецъ Авраамій, — отвѣчалъ со смиреннымъ видомъ Юрій,—я имѣю до тебя немаловажную просьбу.

— Садись, молодецъ, и говори, чего ты отъ меня хочешь.

Кроткій и вмѣстѣ величественный видъ старца, его блестящіе умомъ и исполненные добросердечія взоры, пріятный, благозвучный голосъ, а болѣе всего, извѣстныя всѣмъ Русскимъ, благочестіе и пламенная любовь къ отечеству, все возбуждало въ душѣ Юрія чувство глубочайшаго почтенія къ сему безсмертному сподвижнику добродѣтельнаго Діонисія. Помолчавъ нѣсколько времени, Милославскій сказалъ робкимъ голосомъ:

— Отецъ Авраамій, я не смѣю надѣяться, что ты исполнишь мою просьбу.

— Говори смѣло, чадо мое,—отвѣчалъ старецъ;—намъ ли многогрѣшнымъ отвергать просьбы нашихъ братьевъ, когда мы сами ежечасно, какъ малыя дѣти, прибѣгаемъ съ суетными мольбами къ общему Отцу нашему!

— Я хочу, продолжалъ Милославскій, ободренный ласковой рѣчью Авраамія, умереть свѣту и, при помощи твоей, изъ воина земного, сдѣлаться воиномъ Христовымъ.

Старецъ поглядѣлъ на Юрія и спросилъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ:

— Ты желаешь поступить въ обитель нашу послушникомъ?

— Да, отецъ Авраамій, и если Господь Богъ сподобитъ, а вы, благочестивые наставники, удостоите меня принять образъ иноческій... то всѣ желанія мои исполнятся.

Авраамій покачалъ головой и, взглянувъ съ соболѣзнованіемъ на Юрія, сказалъ:

— Въ столь юные годы... на утрѣ жизни твоей!.. Но точно ли, мой сынъ, ты ощущаешь въ душѣ своей призваніе Божіе? Я вижу на твоемъ лицѣ слѣды глубокой скорби, и если ты, не вынося съ душевнымъ смиреніемъ тяготѣющей надъ главой твоей десницы Всевышняго, движимый единымъ отчаяніемъ, противнымъ Господу, спѣшишь покинуть отца и матерь, а, можетъ быть, супругу и дѣтей, то жертва сія недостойна Господа: не горесть земная и отчаяніе ведутъ къ Нему, но чистое покаяніе и любовь.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери,—сказалъ Юрій;—я сирота!

— Но кто ты, юноша?

— Юрій Милославскій.

— Сынъ покойнаго боярина Милославскаго?

— Да, сынъ его.

Старецъ устремилъ испытующій взоръ на Юрія и, послѣ короткаго молчанія, сказалъ, съ примѣтнымъ удивленіемъ:

— И ты, сынъ Димитрія Милославскаго, желаешь, наряду съ безсильными старцами, съ изувѣченными и немогущими сражаться воинами, посвятить себя единой молитвѣ, когда вся кровь твоя принадлежитъ отечеству? Ты, юноша, въ цвѣтѣ лѣтъ твоихъ, желаешь, сложивъ спокойно руки, смотрѣть, какъ тысячи твоихъ братьевъ, умирая за вѣру отцевъ и святую Русь, утучняютъ своей кровью родныя поля московскія?

— И такъ, отецъ Авраамій, ты отвергаешь мою просьбу?

— Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, не я!.. Взгляни вокругъ себя, вопроси эти полуразрушенныя стѣны, пожженые дома, могилы иноковъ, падшихъ въ кровавой битвѣ съ врагомъ вѣры православной и если ихъ безмолвный отвѣтъ не напомнитъ тебѣ долга твоего, то ты не сынъ Димитрія! Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, не здѣсь твое мѣсто: оно въ рядахъ храбрыхъ дружинъ нижегородскихъ, подъ стѣнами оскверненнаго присутствіемъ злодѣевъ кремля! Сынъ мой, свѣтла предъ Господомъ жизнь праведника, но вѣнецъ мученика есть верхъ его благости и милосердія! Иди стяжать сію нетлѣнную награду! Ступай, умри вѣрнымъ защитникомъ православной греческой церкви и достойнымъ сыномъ добродѣтельнаго Димитрія!

Юрій, потупивъ глаза, стоялъ какъ преступникъ предъ своимъ судьей и не отвѣчалъ ни слова.

— Ты молчишь,—продолжалъ Авраамій;—колеблешься?.. Да проститъ тебя Господь: ты наругался надъ моими сѣдинами, ты обманулъ меня! Юноша, ты не сынъ Милославскаго!

— Ахъ, отецъ Авраамій,—промолвилъ едва слышнымъ голосомъ Юрій,—я не могу поднять мечъ на защиту моей родины!

— Не можешь?

— Я цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу...

— Несчастный!..

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; наконецъ Авраамій сказалъ, какъ будто бы нехотя:

— Юрій Дмитричъ, ты, можетъ быть, не знаешь, что святѣйшій Гермогенъ разрѣшилъ всѣхъ православныхъ отъ сей богопротивной присяги?

— Но я цѣловалъ крестъ добровольно. Отецъ Авраамій, не вынужденная клятва тяготитъ мою душу; нѣтъ, никто не понуждалъ меня присягать польскому королевичу, и тайный, неотступный голосъ моей совѣсти твердитъ мнѣ ежечасно: горе клятвопреступнику! Такъ, отецъ мой, Юрій Милославскій долженъ остаться слугой Владислава; но инокъ, умершій для свѣта, служитъ единому Богу!

— И отечеству, бояринъ,—прервалъ съ жаромъ Авраамій. Мы не иноки Западной церкви и, благодаря Всевышняго, переставая быть мірянами, не перестаемъ быть Русскими. Вспомни, Юрій Дмитричъ, гдѣ умерли благочестивые иноки Пересвѣтъ и Ослябя!.. Но, я слышу благовѣстъ... Пойдемъ, сынъ мой, станемъ молить угодника Божія, да просіяетъ истина для очей нашихъ и да подастъ тебѣ Господь силу и крѣпость для исполненія святой Его воли!

По окончаніи литургіи и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ врагомъ, Авраамій, подведя Юрія ко гробу преподобнаго Сергія, сказалъ торжественнымъ голосомъ:

— Бояринъ Юрій Дмитричъ Милославскій, желаешь ли ты отречься отъ міра и всѣхъ прелестей его?

— Желаю!—отвѣчалъ твердымъ голосомъ Юрій.

— Не ищешь ли ты укрыться въ обители нашей отъ заботъ, трудовъ и опасностей, тебѣ по рожденію и сану предстоящихъ? Не избираешь ли ты часть сію, дабы избѣжать заслуженнаго наказанія, или по всякому другому, единственно земному побужденію?

— Нѣтъ!

— Не обѣщался ли ты предъ Господомъ имѣть попеченія о земномъ благѣ отца, матери, супруги и дѣтей?

— Я сирота... и не былъ никогда женатъ.

— И такъ, да будетъ по желанію твоему, бояринъ Милославскій! Я принимаю здѣсь, при гробѣ преподобнаго Сергія, твой обѣтъ: посвятить себя на всю жизнь покаянію, посту и

молитвѣ. Преклони главу твою... Рабъ Божій, Юрій, съ сего часу ты не принадлежишь уже міру, и я, именемъ Господа, разрѣшаю тебя отъ всѣхъ клятвъ и обѣщаній мірскихъ. Встань, послушникъ старца Авраамія, отнынѣ ты долженъ слѣпо исполнять волю твоего пастыря и наставника. Ступай въ станъ князя Пожарскаго, ополчись оружіемъ земнымъ противъ общаго врага нашего и, если Господь не благоволитъ украсить чело твое вѣнцемъ мученика, то, по окончаніи брани, возвратись въ обитель нашу для принятія ангельскаго образа и служенія Господу не съ оружіемъ въ рукахъ, но въ духѣ кротости, смиренія и любви.

— И такъ,—воскликнулъ Юрій, обливаясь слезами,—я снова могу сражаться за мою родину! Ахъ, я чувствую, ничто не тяготитъ моей совѣсти! Душа моя спокойна!.. Отецъ Авраамій, ты возвратилъ мнѣ жизнь!

— Возблагодаримъ за сіе Господа и святыхъ угодниковъ Его!—сказалъ старецъ, преклоня колѣна вмѣстѣ съ Юріемъ.

Послѣ усердной и продолжительной молитвы Авраамій Палицынъ, прощаясь съ Юріемъ, сказалъ:

— Отдохни сегодня, Юрій Дмитричъ, въ нашей обители, а завтра, чѣмъ свѣтъ, отправься къ Москвѣ. Стой крѣпко за правду; не попускай нечестивыхъ осквернить святыню храмовъ православныхъ; сражайся какъ сынъ Милославскаго, но щади безоружнаго врага, не проливай напрасно крови человѣческой. Ступай, сынъ мой!—промолвилъ Авраамій, обнимая Юрія.—Да предъидетъ предъ тобой Ангелъ Господень и да сопутствуетъ тебѣ благословеніе старика, который,—Всевышній да проститъ ему сіе прегрѣшеніе,—любитъ свою земную родину почти такъ же, какъ должны бы мы всѣ любить одно небесное отечество наше!

На другой день, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ, Юрій, въ сопровожденіи Алексѣя, выѣхалъ изъ лавры и пустился по дорогѣ, ведущей къ Москвѣ. (Часть III, гл. V).

Между тѣмъ по всѣмъ дорогамъ буйствовали разночинцы, вооруженные кто чѣмъ могъ, розыскивали приверженцевъ Поляковъ и по своему расправлялись съ ними. Отецъ Еремѣй, священникъ села Кудинова, повидимому, имъ сочувствовалъ, принималъ у себя и даже не всегда удерживалъ ихъ отъ безчинствъ.

На такихъ-то разбойниковъ набрели Милославскій со своимъ Алексѣемъ. Польское вооруженіе молодого боярина заставило ихъ думать, что онъ тоже принадлежитъ къ польской партіи. Юрій назвалъ себя. Это имя остановило бы всѣхъ, кому дорого все русское. Отца Юрія Милославскаго очень почитали въ этой сторонѣ, но разбойники не повѣрили и привели Милославскаго съ Алексѣемъ къ отцу Еремѣю. Священникъ по сходству съ покойнымъ отцемъ сейчасъ призналъ Юрія и принялъ его съ почетомъ. Въ это самое время остальная шайка разбойниковъ ворвалась, принеся съ собой дочь Шалонскаго, Анастасію, и требуя ея смерти, какъ дочери ненавистнаго всѣмъ союзника Поляковъ. Анастасія была безъ памяти. Когда она очнулась, волненію ея и Юрія не было конца.

~~~~~~

— Остановитесь, сказалъ отецъ Еремѣй, заслонивъ собой Анастасію: я приказываю вамъ!..

Но неистовые крики заглушили слова священника. Быстрѣе молніи роковая вѣсть облетѣла все селеніе, въ одну минуту изба наполнилась вооруженными людьми, весь церковный погостъ покрылся народомъ и тысячи голосовъ, осыпая проклятіями Гонсѣвскаго, повторяли:

— На висѣлицу невѣсту еретика!

— Да выслушайте меня, дѣтушки!—сказалъ священникъ, успѣвъ наконецъ возстановить тишину вокругъ себя.—Развѣ я стою за нее? Я только говорю, чтобъ вы подождали до завтра.

— Нѣтъ, батька, возразилъ Бычура, выдавай намъ ее сейчасъ, а то будетъ поздно: вишь она опять обмерла!.. Гдѣ ей дожить до завтра!..

— Ребята,—вскричалъ Юрій,—не берите на душу этого грѣха! Она невинна: отецъ невинно выдавалъ ее замужъ.

— Все равно!—подхватилъ одинъ пьяный мужикъ съ всклоченною бородою и сверкающими глазами.—Этотъ жидъ Гонсѣвскій посадилъ на колъ моего брата... На висѣлицу ее!

— Онъ отрубилъ голову отцу моему!—вскричалъ другой.

— Разстрѣлялъ безъ суда пятерыхъ нашихъ товарищей!—промолвилъ третій.

— Тащите ее!—заревѣла вся толпа.
~~~~~~

— Друзья мои!—продолжалъ Юрій, ломая въ отчаяніи свои руки.—Ради Бога!.. Если вы хотите кого-нибудь казнить, такъ умертвите меня.

— Что ты, бояринъ, развѣ мы разбойники?—сказалъ Бычура.—Ты православный и стоишь за нашихъ, а она дочь предателя, еретичка и невѣста злодѣя нашего Гонсѣвскаго.

— Такъ попытайтесь-же взять ее!—вскричалъ Юрій, вынимая свою саблю.

— Безумный!—сказалъ священникъ, схвативъ его за руку.—Иль ты о двухъ головахъ?.. Слушайте, ребята, — продолжалъ онъ:—я присудилъ повѣсить за разбой Сеньку Звѣрева; вамъ всѣмъ его жаль,—ну, такъ и быть: не троньте эту дѣвчонку, которая и такъ чуть жива, и я прощу вашего товарища.

— Нѣтъ, батька!—сказалъ Бычура.—Если Звѣревъ виноватъ, то мы не стоимъ за него: дѣлай съ нимъ, что тебѣ угодно; а намъ подавай невѣсту пана Гонсѣвскаго!

— Да, да!—вскричала вся толпа.—Мы изъ твоей воли не выступаемъ, Еремѣй Аѳанасьевичъ: казни кого хочешь, а еретичку намъ выдавай!

Юрій съ ужасомъ замѣтилъ, что твердость священника поколебалась: въ его смущенныхъ взорахъ ясно изображались нерѣшимость и боязнь. Онъ видѣлъ, что распаленная виномъ и мщеніемъ буйная толпа начинала уже забывать все повиновеніе, и одинъ грозный видъ и всѣмъ извѣстная исполинская его сила удерживали въ нѣкоторыхъ границахъ главныхъ зачинщиковъ, которые, понукая другъ друга, не рѣшались еще употребить насиліе; но этотъ страхъ не могъ продолжаться долго. Снаружи крикъ бѣшенаго народа умножался ежеминутно, и нѣсколько уже разъ имя священника произносилось съ ругательствомъ и угрозами. Взоры его становились часъ-отъ-часу мрачнѣе, онъ поглядывалъ съ состраданіемъ то на Юрія, то на безчувственную Анастасію; но вдругъ лицо его прояснилось, онъ схватилъ за руку Милославскаго и сказалъ въ полголоса:

— Готовъ ли ты пуститься на все, чтобъ спасти эту несчастную?

— На все, отецъ Еремѣй!

— Если такъ—она спасена! Ну, дѣтушки,—продолжалъ онъ, обращаясь къ толпѣ,—видно васъ не переспоришь: быть по вашему! Только не забудьте, ребята, что она такая же крещеная, какъ и мы, такъ намъ грѣшно будетъ погубить ея душу. Возьмите ее бережненько, да отнесите за мной въ церковь, тамъ она скорѣй очнется! Дайте мнѣ только время исповѣдать ее, приготовить къ смерти; а тамъ дѣлайте, что хотите.

— Ну вотъ, что дѣло, то дѣло, батька,—сказалъ Бычура,—въ этомъ съ тобой никто спорить не станетъ. Ну-ка, ребята, пособите мнѣ отнести ее въ церковь!.. Да выходите же вонъ изъ избы!... Экъ они набились—не продерешься! Ступай-ка, отецъ Еремѣй, передомъ: ты скорѣй ихъ пораздвинешь.

Минуты черезъ двѣ въ избѣ не осталось никого, кромѣ Юрія, Алексѣя и сѣнной дѣвушки, которая, заливаясь горькими слезами и вычитая всѣ добродѣтели своей боярышни, вопила голосомъ. Милославскій, несмотря на обѣщаніе отца Еремѣя, былъ также въ ужасномъ положеніи; онъ ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, какъ человѣкъ, лишенный разсудка; поперемѣнно, то хватался за свою саблю, то, закрывъ руками глаза, бросался въ совершенномъ отчаяніи на скамью и плакалъ какъ ребенокъ. Алексѣй не смѣлъ утѣшать его и, наблюдая глубокое молчаніе, стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдругъ двери вполовину отворились и небольшого роста старичекъ, въ которомъ, по заглаженнымъ назадъ волосамъ и длинной косѣ, не трудно было узнать приходскаго дьячка, махнулъ рукою Милославскому, и когда Алексѣй хотѣлъ идти за своимъ господиномъ, то шепнулъ ему, чтобъ онъ остался въ избѣ. Юрій вышелъ съ своимъ проводникомъ на церковный погостъ и, пробираясь осторожно вдоль забора, подошелъ къ паперти. Входя на лѣстницу, онъ оглянулся назадъ: вокругъ всей ограды, подлѣ пылающихъ костровъ, сидѣли кучами вооруженные люди; ихъ неистовыя восклицанія, буйные разговоры, звѣрскій хохотъ, съ коимъ они указывали по временамъ на висѣлицу, вокругъ которой разведены были также огни и толпился народъ, все это вмѣстѣ составляло картину столь отвратительную, что

Юрій невольно содрогнулся и поспѣшилъ, вслѣдъ за дьячкомъ, войдти во внутренность церкви. Передъ иконостасомъ теплилась одна лампада, а въ трапезѣ, подлѣ налоя, во всемъ облаченіи, стоялъ отецъ Еремѣй и трепещущая Анастасія.

— Скорѣй, Юрій Дмитричъ, скорѣй!—сказалъ священникъ, идя къ нему навстрѣчу.—Становись подлѣ своей невѣсты!

— Моей невѣсты?—повторилъ съ ужасомъ Юрій.

— Да. Это одинъ способъ спасти ее! Слышишь ли, какъ бѣснуются эти буйныя головы? Малѣйшее промедленіе будетъ стоить ей жизни. Еще разъ спрашиваю тебя, хочешь ли спасти ее?

— Хочу!—сказалъ рѣшительно Юрій, и отецъ Еремѣй, снявъ съ руки Анастасіи два золотыхъ перстня, началъ обрядъ вѣнчанія. Юрій отвѣчалъ твердымъ голосомъ на вопросы священника, но смертная блѣдность покрывала лицо его; крупныя слезы сверкали сквозь длинныхъ рѣсницъ потупленныхъ глазъ Анастасіи; голосъ дрожалъ, но живой румянецъ пылалъ на щекахъ ея и горячая рука трепетала въ ледяной и, какъ мраморъ, безчувственной рукѣ Милославскаго.

Между тѣмъ нетерпѣніе палачей несчастной Анастасіи дошло до высочайшей степени.

— Что-жь это? Батька издѣвается что-ль надъ нами?—вскричалъ наконецъ Бычура.—Гдѣ видано держать два часа на исповѣди? Кабы насъ, такъ онъ успѣлъ бы уже давно десятка два отправить. Послушайте, ребята: войдемте въ церковь; при людяхъ исповѣдывать нельзя, такъ ему придется нехотя кончить.

— А что ты думаешь?.. И впрямь!.. Въ церковь, такъ въ церковь!.. Пойдемте, ребята!—закричали товарищи Бычуры, и вслѣдъ за нимъ хлынули всей толпой на паперть.

— Вотъ-те разъ!—сказалъ Бычура, остановясь въ недоумѣніи:—вѣдь двери-то заперты!..

— Такъ что-жь? Ну, ка, товарищи, понапремъ!—вскричалъ Матерой,—авось съ петлей соскочитъ.

Вдругъ двери церковныя съ шумомъ отворились и отецъ Еремѣй, въ полномъ облаченіи, устремивъ сверкающій взглядъ на буйную толпу, предсталъ предъ нее, какъ грозный ангелъ Господень.

— Богоотступники! — воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ.—Какъ дерзнули вы силою врываться въ храмъ Господа нашего?.. Чего хотите вы отъ служителя алтарей, нечестивые святотатцы?

— Отецъ Еремѣй,—отвѣчалъ Бычура рѣзкимъ голосомъ, посматривая на присмирѣвшихъ своихъ товарищей,—вѣдь ты самъ обѣщалъ выдать намъ невѣсту Гонсѣвскаго?

— И сдержалъ-бы мое обѣщаніе, еслибъ могъ выдать вамъ невѣсту нашего злодѣя.

— А почему-жь ты не можешь?

— Ея здѣсь нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—Ребята, что-жь это?..

— Да, здѣсь нѣтъ никого, кромѣ Юрія Дмитріевича Милославскаго и законной его супруги, боярыни Милославской! Вотъ они!—прибавилъ священникъ, показывая на новобрачныхъ, которые въ вѣнцахъ, и держа другъ друга за руку, вышли на паперть и стали возлѣ своего защитника.

— Православные, — продолжалъ отецъ Еремѣй, не давая образумиться удивленной толпѣ,—вы видите они обвѣнчаны, а кого Господь сочеталъ на небеси, тѣхъ на землѣ человѣкъ разлучить не можетъ!

— Да,—вскричалъ Юрій,—ничто не разлучитъ меня съ моей супругой, и если вы жаждете упиться ея неповинной кровью, то умертвите и меня вмѣстѣ съ нею!

— Слышите-ль, православные? Вы не можете погубить жены, не умертвя вмѣстѣ съ нею мужа, а я посмотрю, кто изъ васъ осмѣлится поднять руку на друга моего, сподвижника князя Пожарскаго и сына знаменитаго боярина Дмитрія Юрьевича Милославскаго?

Глубокое молчаніе распространилось по всей толпѣ, которая безпрестанно увеличивалась отъ прибѣгающаго со всѣхъ сторонъ народа.

— Какъ вы думаете, товарищи?..—промолвилъ наконецъ Бычура.

— Не знаемъ-ста, какъ ты!..—отвѣчалъ Наливайко.

— Вишь батька-то за нихъ стоитъ грудью,—прибавилъ Матерой.

На всѣхъ лицахъ замѣтно было какое-то сомнѣніе и недовѣрчивость. Всѣ молча поглядывали другъ на друга, и въ эту рѣшительную минуту одно удачное слово могло усмирить всѣ умы, точно такъ же какъ одно буйное восклицаніе—превратить снова весь народъ въ безжалостныхъ палачей. Уже нѣсколько пьяныхъ мужиковъ съ звѣрскими рожами готовы были подать первый знакъ къ убійству, но отецъ Еремѣй предупредилъ ихъ намѣреніе.

— Ну, что-жь вы задумались, православные!—воскликнулъ онъ, принимая изъ рукъ дьячка кружку съ виномъ.—За мной, дѣтушки!.. Да здравствуютъ новобрачные!

Два или три голоса повторили поздравленіе, но вся толпа молчала.

— А чтобъ было чѣмъ выпить за ихъ здоровье,—продолжалъ отецъ Еремѣй,—бояринъ жалуетъ вамъ бочку вина, ребята!

— Да здравствуютъ новобрачные!—закричали сотни голосовъ.

— А я,—прибавилъ священникъ,—на радости прощаю Звѣрева и выдаю изъ собственной моей казны по пяти алтынъ на человѣка.

— Ура!—заревѣлъ весь народъ.—Многія лѣта боярынѣ Милославской!... Да здравствуютъ молодые!

— Спасибо, ребята! Сейчасъ велю вамъ выкатить бочку вина, а завтра приходите за деньгами. Пойдемъ, бояринъ,—промолвилъ отецъ Еремѣй въ полголоса:—пока они будутъ пить и веселиться, намъ зѣвать не должно... Я велѣлъ осѣдлать коней вашихъ и приготовить лошадей для твоей супруги и ея служительницы. Васъ провожать будетъ Темрюкъ: онъ парень добрый и вѣрно теперь во всемъ селѣ одинъ одинехонекъ не пьянъ; хоть онъ и крестился въ нашу вѣру, а все еще придерживается своего басурманскаго обычая,—вина не пьетъ.

Когда они вошли въ избу и сѣнная дѣвушка узнала, что ея госпожа не должна уже ничего опасаться, то совсѣмъ бы обезумѣла отъ радости, еслибъ ей не объявили, что боярышня ея вышла замужъ за Милославскаго. Это извѣстіе тотчасъ расхолодило ея восторгъ.

— Какъ,—вскричала она,—Анастасія Тимоѳеевна обвѣнчалась?.. Ну, хороша свадебка!.. Безъ помолвки, безъ дѣвишника!.. Ахъ, Боже мой!.. Что, еслибъ Власьевна это узнала?.. Ахъ ты моя родимая, сиротка ты безталанная! Некому было тебя, горемычную, и повеличать передъ свадьбою!..

— И, голубушка,—сказалъ священникъ,—до величанья ли имъ было! Ты, чай, слышала, какія ей на площади напѣвали свадебныя пѣсенки! Ну, бояринъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію,—куда-жь ты теперь поѣдешь съ твоей супругою?.. Чай, въ стану у князя Пожарскаго жить боярынямъ не пристало!.. Не худо, еслибъ ты отвезъ на время свою супругу въ Хотьковскій монастырь; онъ близехонько отсюда, и вѣрно игуменья не откажетъ дать пріютъ боярынѣ Милославской.

— Она родная моя тетка,—сказала Анастасія.

— Такъ и думать нечего,—въ добрый часъ бояринъ! У меня на душѣ будетъ легче, какъ вы уѣдете... Не то, чтобъ я боялся... однако все-жь лучше... лукавый силенъ... Поѣзжайте съ Богомъ!

— Отецъ Еремѣй,—сказалъ Юрій,—чѣмъ я могу возблагодарить тебя?..

— Не за что, Юрій Дмитричъ! Я взысканъ былъ милостью твоего покойнаго родителя и, служа его сыну, только что выплачиваю старый долгъ. Но вотъ, кажется и Темрюкъ, готовъ! Онъ проведетъ васъ задами; хоть васъ никто не посмѣетъ остановить, однако-жь лучше не ѣхать мимо церкви. Дай вамъ, Господи, совѣтъ и любовь, во всемъ благое поспѣшеніе, несчетные годы и всякаго счастья! Прощайте!

Молодые и служители ихъ, проѣхавъ задними воротами на огороды, въ сопровожденіи Темрюка, добрались потихоньку до околицы и выѣхали изъ села Кудинова. (Часть III, гл. V).

Юрій Милославскій отвезъ жену свою въ Хотьковскій монастырь, гдѣ игуменьей была тетка Анастасіи, а самъ отправился съ отрядомъ войска и подъ начальствомъ Пожарскаго на войну съ Поляками. Война эта окончилась полной побѣдой нашихъ; Поляки, засѣвшіе въ кремлѣ, наконецъ сдались. Юрій оправился отъ раны, отдался думамъ о своемъ несчастіи, о двойномъ обѣтѣ, имъ произнесенномъ — монашества и

вѣрности своей женѣ. Авраамій Палицынъ разрѣшилъ его колебаніе и соединилъ Милославскаго съ Анастасіей на счастіе и вѣрность.

Полная побѣда надъ Поляками была 22 октября 1612 года, а на слѣдующій 1613 годъ былъ наконецъ избранъ свой Русскій царь изъ дома Романовыхъ, 16-лѣтній Михаилъ Θеодоровичъ, сынъ митрополита Филарета, будущаго патріарха, а прежде постриженія боярина Θеодора Никитича Романова.

ИЗЪ РОМАНА

Вс. С. Соловьева

„ЖЕНИХЪ ЦАРЕВНЫ“.

При воцареніи Михаила Θеодоровича смуты и безпорядки не малое еще время продолжались. Поляки, несмотря на свое пораженіе, не хотѣли уступить и все еще мечтали о Русскомъ царствѣ, если не для короля Сигизмунда, то хоть для его сына, королевича. Шведы ворвались въ Россію съ сѣвера, заняли Новгородъ и Псковъ съ принадлежащими къ этимъ городамъ областями. Разбойники и самозванцы одни за другими тревожили государство.

Юный царь созывалъ соборы, во всемъ совѣтывался со своими боярами и съ матерью своей, женщиной весьма разумной, инокиней Мареой. Война со Шведами скоро прекратилась. Разбойники по немногу усмирялись. Черезъ пять лѣтъ послѣ воцаренія Михаила Θеодоровича былъ возвращенъ изъ польскаго плѣна его отецъ, митрополитъ Филаретъ, и избранъ патріархомъ. Во всѣхъ распоряженіяхъ онъ помогалъ своему вѣнценосному сыну. Съ Поляками былъ заключенъ вѣчный миръ. Внутренняя безурядица тоже мало по малу приходила въ порядокъ и спокойствіе наступило въ Россіи на долгіе годы.

И отецъ и мать Михаила Θедоровича были люди необычайной крѣпости, твердой воли, большого разума; про нихъ говорили: „нашла коса на камень“. Близкіе родственники полагали, что не добромъ кончится бракъ Θедора Никитича—жена ему не уступитъ, онъ передъ нею не согнется—пойдутъ бѣды всякія, раздоры, ненависть...

Но ничего этого никто не видѣлъ. Ни Θедоръ Никитичъ, ни боярыня его изъ избы сору не выносили. Чтó было между ними и какъ они поладили—осталось ихъ тайной. Не дали они потѣшиться надъ собою языкамъ людскимъ, разошлись втихомолку для Божьго дѣла. Она стала инокиней, онъ—инокомъ.

Но не таковы они были люди, чтобы ограничить свою жизнь четырьмя стѣнами тѣсной кельи...

На рукахъ строгой, разумной и честолюбивой матери воспитывался Михаилъ.

Өедоръ Никитичъ, превратясь въ Филарета, служилъ великія службы своей родинѣ. Выносилъ онъ польскую неволю, не дрогнулъ и спокойно ждалъ лучшаго времени.

Инокиня выростила сына и—невиднаго, неслышнаго отрока, о которомъ никто не думалъ, котораго мало кто зналъ,—посадила на престолъ Московскій. Народъ его выбралъ по Божьему соизволенію. Да,—народъ, да, конечно, въ избраніи его былъ виденъ перстъ Божій; но первымъ орудіемъ Божьей воли все же была эта сильная волей и разумная инокиня. Не будь у юнаго Михаила такой матери,—быть можетъ иная выпала бы ему доля!

Дождался Филаретъ Никитичъ лучшихъ временъ, вернулся онъ изъ тяжкой, долгой неволи и оказался истиннымъ распорядителемъ судебъ Россіи. Наложилъ онъ свою могучую руку, свою несокрушимую волю на всѣ дѣла, крѣпко ухватилъ онъ новосозданный престолъ своего сына и въ трудное время, среди едва утихнувшей бури, оставившей неисчислимые слѣды разрушенія, держалъ этотъ престолъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ его поставленнымъ на твердую, непоколебимую почву.

Сынъ оказался не совсѣмъ въ отца и въ мать. Онъ склоненъ былъ больше слушаться своего сердца, чѣмъ разума. Мягкаго характера, богобоязненный, безъ отцовской и материнской опоры и поддержки никакъ не могъ бы онъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Но мать воспитала въ немъ послушнаго сына, и не способенъ онъ былъ выйти изъ родительской воли.

Онъ былъ вѣрнымъ эхомъ отца и матери, и въ концѣ концовъ, отходя въ иной міръ, оба они съумѣли таки вложить въ него, не смотря на всю мягкость его характера, не смотря на его невольное стремленіе слушаться своего сердца, тѣ разумные, твердые взгляды, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться какъ царь и какъ человѣкъ.

Потомъ, уже безъ нихъ, не разъ готовъ онъ былъ дрогнуть и отступиться отъ какого нибудь серьезнаго рѣшенія,

но всегда, въ такихъ случаяхъ, вставали передъ нимъ, какъ живые, родители, и онъ явственно . . . . . слышалъ ихъ голосъ и оставался, какъ и въ прежніе юные дни, послушнымъ этому знакомому голосу. Оба они умерли, но духъ ихъ жилъ у Московскаго престола, жилъ и дѣйствовалъ.

Нерѣдко случалось, что Михаилъ Θеодоровичъ, принявъ какое-нибудь рѣшеніе, давая соглашеніе на какую нибудь мѣру строгости, чувствовалъ себя очень неловко: его чуткая совѣсть начинала упрекать его въ жестокости. Но строгій голосъ отца звучалъ надъ нимъ:

„Или забылъ ты, чему я училъ тебя? Я, патріархъ, служитель Божій, не смущался такимъ дѣломъ, не боялся, что меня назовутъ жестокимъ. Я говорилъ тебѣ, что вѣнецъ Мономаха, возложенный на твою голову, принуждаетъ тебя ко многому. Ты долженъ себя забыть, забыть все и помнить только о томъ, что твоя первая обязанность—величіе и крѣпость твоей родины, что для этой крѣпости все тебѣ разрѣшается. Если ты исполнишь великій долгъ свой,—тебѣ простится многое, не исполнишь его, поступишься чѣмъ, хотя бы ради добраго чувства,—и все съ тебя взыщется сторицею“...

Вслушивался царь Михаилъ въ слова эти, и замолкали всѣ его сомнѣнія, и крѣпло сердце, будто одѣваясь желѣзной бронею...

„Чти отца твоего и матерь твою и долголѣтенъ будешь на землѣ“...

Святое исполненіе этой заповѣди обѣщало царю Михаилу долголѣтіе,—и вотъ, когда, въ нестарые еще годы, онъ уже чувствовалъ приближеніе не только старости, но и смерти,—смущало его это обѣтованіе. Какъ ни искалъ онъ въ глубинѣ души своей и въ тайникахъ своей памяти какой нибудь вины противъ заповѣди,—не находилъ онъ ее.

По совѣсти, съ чистымъ сердцемъ, па духу, могъ онъ сказать, что былъ вѣрнымъ, почтительнымъ сыномъ, что хоть и трудно ему приходилось порою отъ крутого отцовскаго и материнскаго нрава, и тяготила, иной разъ, долгая отеческая опека,—онъ оставался непреклоннымъ. Никакія искушенія не отвлекали его, хоть на мигъ одинъ, отъ исполненія ве-

ликой заповѣди,—а долголѣтія видно нѣтъ, видно все же, хоть и не знаетъ чѣмъ, а провинился онъ!

Онъ не зналъ, этотъ первый царь новаго царскаго дома, что ему уготовано иное великое долголѣтіе, именно то долголѣтіе, обѣтованіе котораго и звучитъ въ словахъ заповѣди Божіей. Заповѣдь обмануть не можетъ. Она говоритъ о долголѣтіи въ потомствѣ, о крѣпости на землѣ того, кто строитъ домъ свой на твердой основѣ лучшихъ отеческихъ преданій.

Страдалъ, болѣлъ, и видимо приближался къ преждевременной смерти царь Михаилъ, но престолъ Русскій, устроенный, укрѣпленный патріархомъ для сына, получалъ съ годами все больше и больше твердости, и являлъ несомнѣнные признаки обѣтованнаго долголѣтія.

Царь Михаилъ, вѣрный и послушный сынъ отца своего, не забывая отцовскихъ совѣтовъ и вслушиваясь постоянно въ родительскій голосъ, неустанно работалъ надъ закрѣпленіемъ того, что составляло истинныя основы для долголѣтія его рода...

И все шло хорошо. Милость Божія была надъ царемъ и надъ Россіей. Оправлялось, мало по малу, государство отъ такихъ бѣдъ, отъ такого разгрома, перенести которые, казалось, было совсѣмъ невозможно. Бывало временами очень трудно, грозили всякія опасности, но тяжкое время проходило, являлись новыя обстоятельства и несли съ собою успокоеніе, надежду.

А тутъ вотъ, въ это послѣднее время, вдругъ со всѣхъ сторонъ стали надвигаться черныя тучи, будто вдругъ разомъ исчезли прежнія удачи.

Бываетъ такая полоса въ жизни каждаго человѣка—и ни золотой тронъ, ни высшее могущество, ни всѣ богатства міра не могутъ избавить человѣка отъ такой полосы! Нахлынетъ волна—и ничего съ ней не подѣлаешь! Одна за другой идутъ бѣды...

— Божье испытаніе!—давно ужь говоритъ себѣ благочестивый царь и прибавляетъ въ своихъ мысляхъ: Не испытываетъ Господь сверхъ силъ,—надо быть твердымъ, надо не падать духомъ.

Но легко это сказать себѣ, легко понять всю необходимость этого, да трудно, подчасъ невозможно, совладать со своею слабостью. Коли и духъ бодръ, — плоть немощна. (Часть II, гл. XII).

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ царствовалъ 32 года. Сношенія съ иностранцами стали еще чаще, чѣмъ прежде. Михаилъ Ѳеодоровичъ приглашалъ ихъ на службу, приглашалъ, какъ учителей ремеслъ и искусствъ и даже старался породниться съ однимъ изъ иностранныхъ дворовъ. Онъ задумалъ одну изъ дочерей своихъ, царевну Ирину Михайловну, выдать замужъ за Датскаго королевича Вальдемара. Вальдемаръ пріѣзжалъ съ этой цѣлью въ Москву два раза. Въ первый разъ дѣло не сладилось оттого, что королевичъ не хотѣлъ перейти въ православную вѣру. Незадолго до кончины Михаила Ѳеодоровича Вальдемаръ пріѣхалъ вторично.

Женщины того времени проводили всю жизнь свою въ теремахъ; ихъ согласія или участія въ такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ выборъ мужа, не спрашивалось. Царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ даже не говорили о распоряженіяхъ на счетъ ея судьбы. Она провѣдала объ этомъ совершенно случайно вотъ какимъ образомъ: царица Евдокія Лукьяновна сказала приближенной своей, княгинѣ Хованской, о пріѣздѣ королевича.

Ранній зимній вечеръ ужь давно наступилъ, и въ царицыномъ теремѣ, по всѣмъ покоямъ и переходамъ, зажглись огни. Мама царевны Ирины Михайловны, княгиня Марья Ивановна Хованская, сидѣла у себя въ опочивальнѣ. Она только-что пришла отъ царицы, послѣ долгой и весьма важной бесѣды, и теперь крѣпко пораздумалась. На некрасивомъ и уже давно поблекшемъ лицѣ ея, освѣщенномъ однако большими и добрыми, голубыми глазами, читалось необычное смущеніе.

Женщина она была спокойная, разсудительная; ко всему, что творилось вокругъ нея, въ этомъ обширномъ человѣческомъ муравейникѣ, носившемъ названіе царскаго терема, она относилась всегда безъ волненія и рѣдко что принимала къ сердцу. Но сегодняшняя бесѣда съ царицей Евдокіей Лукьяновной выходила изъ ряду вонъ. Было надъ чѣмъ подумать и чѣмъ смутиться.

Княгиня временами начинала даже шептать что-то почти вслухъ, съ недоумѣніемъ качала головою и разводила руками.

Низенькая дубовая дверь опочивальни скрипнула.

— Кто тамъ?—очнувшись спросила Марья Ивановна.

— Это я, матушка-княгинюшка... дозволишь войти на малую минутку, али недосугъ тебѣ? — послышался знакомый голосъ.

— Войди, ничего, войди, Настасья Максимовна!—сказала княгиня.

Дверь отворилась и пропустила небольшую, плотную, еще не старую женщину. Это была одна изъ царицыныхъ постельницъ, пользовавшаяся, не смотря на свой не слишкомъ важный чинъ и всѣмъ вѣдомое худородство, большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ теремѣ.

— Что скажешь, матушка?.. присядь-ка!—указала княгиня рядомъ съ собою на низенькую скамью, покрытую мягкимъ стеганымъ тюфячкомъ.

— Спасибо, княгинюшка, разсаживаться-то не досугъ— гдѣ ужь тутъ, дѣлъ-то съ этими негодными людишками полонъ ротъ, отъ заутрени до заутрени не справиться... я всего на одно слово зашла...

— Что такое, Настасья Максимовна, али по терему неладно?

— Да все—Машутка; то есть вотъ никакого, никакого съ ней сладу... моченьки моей нѣту съ этой дѣвчонкой!—проговорила Настасья Максимовна съ такимъ негодованіемъ, какого даже нельзя было и ожидать отъ ея дышавшей добродушіемъ фигуры.

— Что же такое еще натворила твоя Машутка? разбила, али попортила что-нибудь царевнино?—съ невольной улыбкой спросила княгиня.

— Какое тамъ разбила! Этимъ стала бы я тебя тревожить! не мое дѣло ея черепки считать... Во сто кратъ хуже, княгинюшка!.. Ты, вѣдь, отъ царицы... заперщись съ нею была... о дѣлѣ какомъ, видно, толковали... Вотъ вхожу я въ царицыну опочивальню—ныньче-то мой нарядъ—да какъ вошла, вижу: занавѣсы-то... у двери, за которой ты заперщись съ

государыней... занавѣсы-то будто и шевелятся... Кошка, думаю, забралась,—ну какъ, неровенъ часъ, да государыню-то ночью напугаетъ! Тихимъ шагомъ я къ занавѣскѣ—анъ глядь, то не кошка, а Машутка негодница притаилась. Я ее за ухо и вытащила.—Ты что это, молъ, дрянь-дѣвчонка, говорю, какъ это ты сюда забралась, что это ты, говорю, за государыней подслушиваешь? да тебя за такія дѣла убить, говорю, мало! А она-то: глядитъ на меня своими безстыжими глазищами и хоть-бы сморгнула.—Воля твоя, говоритъ, убей ты меня, Настасья Максимовна, а подслушивать у меня и въ мысляхъ не было, да ничего и не слыхала. Какъ сюда, говоритъ, забѣжала, сама не вѣдаю—дверьми обозналась. Вижу, говоритъ, государынина опочивальня, духъ у меня захватило со страху, а тутъ дверь—скрипъ, я и за занавѣску... Вѣдь, вишь, что выдумала!.. и не сморгнетъ... я ее держу за ухо, крѣпко держу, а она во всѣ глаза на меня, ровно истуканъ какой... Ну, сама посуди, княгинюшка, ну что-жь съ этимъ зельемъ теперь дѣлать?!..

Княгиня задумалась.

— А можетъ дѣвчонка и не вретъ,—сказала она,—бѣсъ въ ней сидитъ, это вѣрно; ровно коза она скачетъ, ровно волчокъ вертится... Можетъ и точно—забѣжала зря въ опочивальню, да со страху, какъ ты вошла, за занавѣску и спряталась... мудренаго тутъ нѣтъ...

Настасья Максимовна вся такъ и побагровѣла.

— Ну... и ты, княгинюшка, вмѣстѣ съ царевной ее покрываешь!—воскликнула она, разводя руками.

— Не покрываю, а вѣдь что же... не убивать же ее, сиротинку! Ну, накажи ее какъ знаешь...

— Что мнѣ ее наказывать, ухо-то у нея я крѣпко подержала, а только силъ съ нею нѣту, отъ рукъ она отбилась; какъ что—сейчасъ къ царевнѣ, а та за нее горой... Но только, ежели я на такомъ подслушиваніи ее накрыла — могу ли я умолчать передъ тобою? Должна я о томъ тебѣ доложить али нѣтъ?

— Вѣстимо, какъ не сказать... Ну, вотъ, я Машутку и поспрошаю... тамъ видно будетъ...

— Да только ты не вѣрь ей, княгинюшка, не вѣрь ни единому ея слову... вся она изолгалась и стыда въ ней нѣту ни на волосъ!

— Теперь-то гдѣ-жь она?

— Гдѣ, какъ не у царевны.

— Такъ вотъ я и пойду.

У княгини мелькнуло въ мысли: „А ну что́ коли и впрямь Машутка подслушала да Иринушкѣ передала!.. Не дай Богъ!“

Встревоженная этой мыслью, царевнина ма̀ма поднялась со скамьи и быстро вышла изъ опочивальни.

Княгиня Марья Ивановна какъ можно тише подошла къ покою царевны: постаралась какъ можно неслышнѣе отворить дверь и заглянуть такъ, чтобы ея появленіе не сразу замѣтили. Однако, не смотря на это, она не увидѣла и не услышала рѣшительно ничего подозрительнаго.

Царевна Ирина сидѣла за большими пяльцами и при свѣтѣ двухъ толстыхъ восковыхъ свѣчей была, повидимому, прилежно занята рукодѣліемъ. Возлѣ нея въ почтительной и скромной позѣ стояла стройная дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Увидавъ входившую княгиню, эта дѣвочка еще больше опустила глаза и все нѣсколько блѣдное, хотя хорошенькое лицо ея стало очень жалкимъ. Княгиня прямо подошла къ дѣвочкѣ.

— Ты чего это здѣсь? Что дѣлаешь?

Та подняла на нее большіе темносѣрые глаза, въ которыхъ ясно читались не только робость, но и настоящій страхъ. Она ничего не отвѣтила. Но за нее отвѣтила царевна.

— Это я, мамушка, позвала ее, учу рукодѣлью. Я работаю, а она смотритъ, перенимаетъ.

— Нечего сказать, много переиметъ,—хороша рукодѣльница! Да и ты, царевна, что за мастерица! Ежели дѣвчонкѣ и впрямь рукодѣльничать охота, такъ пускай у мастерицъ и обучается. Избаловала ты совсѣмъ Машутку, со всѣхъ сторонъ только жалобы на нее и слышу.

Дѣвочка опять опустила глаза и такъ и застыла совер-

шеннымъ олицетвореніемъ скромности и испуга. Между тѣмъ княгиня продолжала:

— Ну, да не о рукодѣліяхъ теперь! А вотъ ты скажи-ка мнѣ, Машутка, была ты, этакъ съ полчаса тому времени, въ государыниной опочивальнѣ?

Дѣвочка вскинула было глаза на княгиню; но опять опустила ихъ и молчала.

— Что-жь—языкъ у тебя есть, отвѣчай коли спрашиваютъ!..

Дѣвочка едва слышно отвѣтила:

— Была...

— А! была!.. какъ же ты смѣла?.. какимъ путемъ туда попала?!

— Не знаю...—скорѣй вздохнула, чѣмъ сказала дѣвочка.

— Какъ не знаю! Какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать! кто же знаетъ?—крикнула княгиня.

Но тутъ царевна пришла на помощь своей любимицѣ.

— Мамушка, да не запугивай ты ее, — произнесла она милымъ, ласкающимъ голосомъ, поднимаясь съ мѣста и, подойдя къ княгинѣ, обняла ее.—Ужь она мнѣ въ своей винѣ повинилась... Ну что же ей и отвѣчать-то, коли и впрямь не знаетъ, какъ она забѣжала?! Это и со мной вѣдь по сю пору случается—разыграешься, бѣжишь, словно на крыльяхъ летишь, словно несетъ кто тебя, и двери будто сами собою передъ тобою отворяются. Ну, вотъ и забѣжала, перепугалась. Ужь ты не казни ее, не брани, она не нарочно—и впредь такого не сдѣлаетъ...

Говоря это, царевна прижалась своей нѣжной горячей щечкой къ дряблой, покрытой бѣлилами щекѣ княгини.

— Заступница, баловница!—произнесла та съ полупечальной улыбкой и тихонько отстраняясь. — А у двери за занавѣской зачѣмъ была?—обратилась она къ дѣвочкѣ.

Та теперь уже не стояла съ опущенными глазами, а глядѣла ими прямо въ глаза княгини, глядѣла пристальнымъ, смущающимъ взглядомъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать и который такъ раздражалъ Настасью Максимовну.

— За занавѣской-то зачѣмъ?—произнесла она, и голосъ ея уже дрожалъ отъ страха.—Не то что за занавѣску, а и

подъ кровать, куда попало спрячешься отъ Настасьи Максимовны, вѣдь она вотъ ухо-то мнѣ какъ! — закончила, она, поднося руку къ своему красному и даже нѣсколько припухшему уху.

— Ухо-то посмотри, мамушка, — вѣдь это что же такое, вѣдь этакъ Настасья Максимовна ей когда нибудь совсѣмъ оторветъ уши!—сказала царевна.—Вѣдь не впервые это, такъ какъ же тутъ не прятаться отъ нея?

— Настасья Максимовна женщина не злая, даромъ драть за уши не станетъ, строго сказала княгиня.—Ну, и что же, долго ты, Машутка, за занавѣской стояла?

— Какой же долго, когда она вслѣдъ за мной пришла. Какъ вбѣжала я, не успѣла опомниться, слышу — шаги, а шаги ея я всегда за три покоя узнаю, оглядѣлась — куда мнѣ, вижу занавѣска—я и шмыгъ. Притаилась. А она такъ прямо и идетъ на меня, занавѣску-то отдернула, а меня за ухо и вывела, — медленно, съ небольшой запинкой, но уже безъ особой робости объясняла Машутка и все продолжала, не мигая, прямо смотрѣть въ глаза княгини, такъ что той стало неловко отъ этого взгляда. Неловко, и въ то же время все ея сердце, вся ея раздраженность быстро утихали, можетъ быть подъ вліяніемъ этого же взгляда. Вѣдь это она первая обратила вниманіе на бойкую, смышленую дѣвочку-сиротку. Она приставила ее для мелкихъ услугъ къ своей царевнѣ и до сихъ поръ, не смотря на всѣ Машуткины провинности и на частыя на нее жалобы, миловала ее и жалѣла.

Что же теперь съ ней дѣлать? Докладывать государынѣ о томъ, что постельница поймала ее въ опочивальнѣ у двери, гдѣ она подслушивала? Плохо придется Машуткѣ, вѣдь за такое дѣло, вѣдь за подслушиванье словъ государыниныхъ ее надо не только выгнать навсегда изъ терема, но придется сослать куда-нибудь подальше, въ какой ни на есть строгій женскій монастырь... и конецъ тамъ Машуткѣ на вѣки вѣчные! А, можетъ, она и безъ вины виновата, можетъ и впрямь все такъ, какъ она объясняетъ?!.. на то похоже. Вѣдь, кабы долго она тамъ была притулившись у двери, кабы могла подслушать всю бесѣду, то, конечно, успѣла бы уже передать

о ней царевнѣ и въ такомъ разѣ, сейчасъ вслѣдъ за такимъ извѣстіемъ, развѣ Иринушка могла бы быть спокойной?! А вотъ она спокойна. Какъ ни всматривается въ свою воспитанницу княгиня Марья Ивановна, ничего не замѣчаетъ въ ней особеннаго. Нѣтъ, рѣшительно все такъ и было, какъ объясняетъ Машутка: ничего она не подслушала, не успѣла. А что бѣгаетъ дѣвчонка ровно бѣлены объѣлась, такъ этому предѣлъ положить надо. Да авось теперь уймется, ишь ухо-то!—раздуло его... и впрямь ручки у Настасьи Максимовны не бархатныя...

Княгиня сдѣлала строгое, серьезное лицо и обратилась къ провинившейся:

— Слушай ты меня, озорница!—на сколько могла суровымъ голосомъ объявила она, — выдрали тебя за ухо, да мало, ну ужь Богъ съ тобою, по глупости твоей на сей разъ еще вина тебѣ прощается, не доложу я о ней государынѣ, пощажу я тебя. Только слушай ты меня и на носу у себя заруби: коли ежели еще разъ что нибудь такое случится — кончено, только и жизни твоей! Въ тотъ же день, слышь — въ тотъ же часъ тебя здѣсь не будетъ и куда тебя увезутъ, и куда тебя дѣнутъ—про то никто даже и не узнаетъ... не ты первая, не ты послѣдняя, чай сама понимать можешь, не малолѣтокъ вѣдь ужь, что́ за такое дѣло бываетъ...

Царевна улыбалась. Машутка тихонько подошла, склонилась, поймала и поцѣловала руку княгини.

— Смотри ты у меня, смотри! — погрозила та сердито отдергивая руку. А сама думала:

„Сиротинка вѣдь, безъ отца, безъ матери, не будь меня, заклевали бы ее, давно бы заклевали, такъ что и званья ея не осталось бы на бѣломъ свѣтѣ“. И княгинѣ вдругъ стало не то жаль дѣвочки, не то пріятно, что жизнь этой дѣвочки и ея счастье—ея, княгининыхъ, рукъ дѣло.

— Не прохлаждайся ты тутъ, и ты, царевна, не балуй ее черезъ мѣру.

— Чѣмъ же я ее балую?—отозвалась царевна,—посмотри-ка вотъ, мамушка, хорошо вотъ эти цвѣтики вышли?

Она отшпилила платокъ, прикрывавшій часть работы и

показывала хитро расшитыя шелками и бисеромъ чудныя „травы“.

— Ужь на что лучше, красота!—разглядывала съ видомъ знатока княгиня.

— Такъ вѣдь это кто вышилъ: не я, а Машутка. Вотъ отъ сихъ поръ и до сихъ — это все она! — звонко смѣялась царевна, въ то время какъ дѣвочка скромно стояла въ сторонкѣ и только искоса, однимъ глазкомъ, взглядывала то на царевну, то на княгиню.

— Ишь ты, ну что-жъ, ничего, коли такъ: всякая дѣвица всякаго званія должна быть искусна на рукодѣлія, настоящее это наше женское дѣло, истое наше художество. Такъ вотъ ты бы, Машутка, и работала побольше, а бѣготню эту и шалости всякія пора оставить, не такіе ужь твои годы!..

Съ этими словами, вспомнивъ, что навѣрное кто нибудь уже ждетъ ее для всякихъ распоряженій на слѣдующій день, княгиня вышла отъ царевны.

~~~~~~~~~

Въ одно мгновеніе Маша преобразилась. Скромно опущенные глаза ея раскрылись во всю величину и загорѣлись бойкимъ огонькомъ. Уже начавшій округляться станъ ея выпрямился. Блѣдныя щеки подернулись легкимъ румянцемъ. Тонкія ноздри прямого, нѣсколько коротенькаго, задорнаго носика расширились будто у звѣрька, желающаго удостовѣриться чутьемъ—насколько удалилась грозившая опасность.

Но своему чутью, своимъ тонкимъ ноздрямъ Маша, очевидно, не довѣрялась: съ большою легкостью и граціей, въ два-три неслышныхъ прыжка она очутилась у двери, осторожно пріотворила ее и стала прислушиваться.

— Ушла!—наконецъ шепнула она, оборачиваясь къ царевнѣ и тихонько притворяя за собою дверь.

Ирина, уже сѣвшая снова за пяльцы, подняла свою хорошенькую, юную головку, зардѣлась вся какъ маковъ цвѣтъ и вздохнула.

— Эхъ, Маша,—сказала она,—грѣхъ-то какой мы съ тобой затѣяли! да и оторопь беретъ—вѣдь вотъ ты ужь и
~~~~~~~~~

попалась, вѣдь мамушка не шутитъ: того и жди пропадешь ты изъ-за меня...

Маша кинулась къ царевнѣ, припала къ ея колѣнямъ и стала цѣловать ея руки.

— Царевна, золотая моя, ненаглядная,—восторженно говорила она, заглядывая въ глаза Ирины,—не говори такъ, какой тутъ грѣхъ, а коли и грѣхъ—не твой онъ, а мой... И за меня не бойся—не пропаду, не загубитъ меня Настасья Максимовна; вывернусь, выкручусь, кругомъ пальца обведу Настасью Максимовну... не на таковскую напала...

— Шустра ты больно, Машуня, много берешь на себя...—опять вздохнула царевна,—ну, да ужь разсказывай: что́ ты провѣдала, о чемъ у двери-то услышала?..

„Матушки мои, стыдъ-то какой, какимъ дѣломъ занимаюсь!"—невольно подумала царевна, и совсѣмъ смутилась; но любопытство, даже нѣчто гораздо болѣе серьезное, чѣмъ любопытство, заставило ее забыть всѣ упреки совѣсти и жадно слушать.

— Сказала, вѣдь, я тебѣ, царевна, что узнаю всю правду—начала Маша,—вотъ и узнала. Совсѣмъ ужь рѣшено это дѣло: выдаютъ тебя за королевича и королевичъ ужь на Москвѣ, изъ-за моря пріѣхалъ!

Ирина даже схватилась за сердце—такъ оно вдругъ у нея застучало.

— Вѣрно-ли? кто-жь это сказалъ?—едва слышно прошептала она.

— Государыня-царица говорила, вотъ-те Христосъ, своимъ вотъ этимъ ухомъ у замочной дырочки слышала! о томъ онѣ съ княгиней-то и толковали.

Ирина стыдливо потупилась и то блѣднѣла, то краснѣла.

— Машуня, да какъ же это?—наконецъ произнесла она,—вѣдь онъ не нашъ... вѣдь онъ басурманъ... басурманской вѣры?!.

— А ужь этого я не знаю!—развела Маша руками,—вотъ и княгиня тоже говорила, все спрашивала государыню—какъ такое быть можетъ, чтобы итти тебѣ за басурмана...

— Что-же матушка-то, государыня?

— Плачетъ она—вотъ что!—отрѣзала Маша.

— Пла-ачетъ?!

— Да еще какъ плачетъ-то!.. заливается! княгиня-то ее все утѣшала... ну а потомъ что́ было я не знаю... вошла это Максимовна, да меня за ухо и вытащила... я отъ нея... съ ухомъ-то... да къ тебѣ... едва дождалась, едва утерпѣла, пока боярышни ушли и мы однѣ остались, а тутъ вонъ... и княгиня...

Ирина сильно задумалась и сама не знала она, что́ такое творится съ нею: и страшно, и радостно что-то, и духъ захватываетъ, и ничего она понять не можетъ... Вѣдь ужь не впервой слышитъ она о королевичѣ этомъ, вѣдь ужь давно-давно, когда она была совсѣмъ еще несмышленочкомъ, прозвучало передъ нею имя это непонятное, таинственное, и сразу почему-то запало въ сердце, почему-то испугало, почему-то смутило—и съ тѣхъ поръ не выходило изъ памяти... Вольмаръ-королевичъ!

По зимнимъ долгимъ вечерамъ, въ жарко натопленномъ покойчикѣ, у горячей лежанки, старушки много всякихъ чудныхъ сказокъ разсказывали маленькимъ царевнамъ. Были въ тѣхъ сказкахъ добрые и храбрые царевичи-королевичи, были въ нихъ красныя дѣвицы-царевны, и манили тѣ сказки въ свой міръ заколдованный, за тридевять земель, въ тридесятыя царства, и тайна благоуханнымъ цвѣткомъ раскрывающейся любви, непонятная и невѣдомая, все же хоть еще трепетно и заманчиво сказывалась дѣтскому сердцу.

А теперь вотъ и на яву будто начинаетъ твориться волшебная сказка. Изъ тридесятаго царства, изъ-за моря пріѣхалъ королевичъ... и пріѣхалъ онъ за нею, за царевной Ириной... Посадитъ онъ ее на коня богатырскаго и увезетъ... куда? зачѣмъ? по какому праву?.. отчего это такъ нужно?!.

А видно такъ нужно, видно есть у королевича право, потому что чувствуетъ она всѣмъ своимъ существомъ, что надъ нею творится что-то особенное, роковое, неизбѣжное, что пришла какая-то великая, могучая сила—и вотъ-вотъ захватитъ ее—и увлечетъ... на счастье или на горе?.., Охъ, какъ бьется сердце, какъ душа замираетъ, будто земля раз-

верзлась подъ ногами, и такъ и тянетъ, такъ вотъ и тянетъ туда, въ эту отверзтую бездну...

— Машуня, какъ-же быть-то теперь?

— А такъ вотъ и быть, что я стану все, какъ есть все разузнавать про королевича—и какъ что́ узнаю—такъ въ тотъ-же часъ и къ тебѣ, царевна... Матушки! никакъ опять кто-то идетъ... такъ и есть!

Маша замолчала, опустила глаза. . . . (Часть I, гл. III).

Шила въ мѣшкѣ не утаишь: Машутка никому не проболталась, а на слѣдующее утро, невѣдомо какимъ образомъ, весь теремъ, отъ боярынь до дурки Афимки, зналъ, что пріѣхалъ изъ Датской земли королевичъ и что тотъ королевичъ—женихъ царевны Ирины Михайловны.

Во дворцѣ дѣлались самыя спѣшныя приготовленія къ пріему дорогого гостя. Приготовленія были веселыя—весь дворцовый людъ сразу оживился и какъ-бы встряхнулся. Теченіе однообразной жизни было нарушено, явился животрепещущій интересъ, ожидались самыя разнообразныя впечатлѣнія, зрѣлища, событія.

Во всѣхъ углахъ шли разговоры и разсказы о новопріѣзжихъ, которымъ былъ отведенъ обширный дворъ въ кремлѣ. Стольники, дворяне, стряпчіе, дьяки, стрѣлецкіе начальники на „крыльцѣ постельномъ“, бояре, окольничьи, думные и ближніе государевы люди „въ верху“, въ „передней“, безчисленная прислуга и стражники все это толковало:

— А людей-то съ королевичемъ много, цѣлое войско...

— Что́ ты?!

— Вѣрно говорю — самъ видѣлъ какъ во дворъ они въѣзжали... и все нѣмцы, кургузые, на головѣ перья болтаются, во всякомъ оружіи, съ мечами, ножами и пищалями...

— Ишь ты! ну а самъ королевичъ-то каковъ?

— Да нешто ты не видалъ его въ третьемъ году-то, какъ онъ пріѣзжалъ съ посольствомъ?

— То-то что не привелось... да полно, тотъ-ли это самый королевичъ?

— А то какой-же—вѣстимо тотъ самый; тогда наѣхалъ для прилики, въ послахъ будто, высмотрѣлъ все, ну вотъ теперь и совсѣмъ къ намъ. Ничего, ладный парень, только изъ себя жидокъ больно, безбородый;—вотъ какъ въ наше платье одѣнется, да бороду отпуститъ—тогда ничего, видъ знатный получитъ...

— А не слыхалъ, когда его крестить будутъ?

— Крестить-то?

— А то какъ-же! вѣдь онъ басурманъ, нѣмецъ, некрещеный, такъ развѣ царевну за нехристя можно отдать—ты какъ объ этомъ думаешь? а?

— Это точно что нельзя...

Всюду и между всѣми разговоръ кончался вопросомъ о крещеніи королевича—и тутъ не было никакихъ разногласій. Всѣ, отъ людей важныхъ и чиновныхъ до послѣдняго стрѣльца, *знали*, что такъ какъ королевичъ—басурманъ, то долженъ креститься въ православную вѣру и что иначе отдать за него царевну невозможно. Для лицъ не столь близкихъ къ царю и незнакомыхъ съ обстоятельствами дѣла все казалось яснымъ: пріѣхалъ, окрестятъ его—и обвѣнчается онъ съ царевной. Людямъ, посвященнымъ въ дѣло, было *нѣчто* извѣстно, *нѣчто*, повидимому, очень важное, но и они все-же отлично понимали, что иначе быть не можетъ: королевичъ *долженъ* креститься.

Встрѣча Датскому королевичу Вальдемару была приготовлена въ Грановитой палатѣ. Холодное, но ясное январьское солнце врывалось въ небольшія окна и озаряло сводчатую обширную палату, причудливо расписанную пестрыми узорами и полную своеобразной красоты. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, окруженный ближними боярами, въ сопровожденіи думнаго дьяка, медленно вошелъ въ открытыя рындами двери. Тяжелой поступью, пройдя палату, поднялся онъ по устланнымъ краснымъ сукномъ ступенямъ и съ видимымъ удовольствіемъ помѣстился на своемъ царскомъ мѣстѣ.

Когда всѣ собравшіеся въ Грановитой палатѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, наступило нѣсколько минутъ полной тишины и ожиданія. Взгляды всѣхъ обратились къ две-

рямъ. Бояринъ князь Львовъ, человѣкъ осанистый и важный, мягкій въ походкѣ и движеніяхъ, съ поклономъ подошелъ къ красивому отроку, царевичу Алексѣю Михайловичу. Тотъ поднялся со своего мѣста, послѣдовалъ за княземъ и оба остановились посреди палаты, у столпа.

Между рындами, соявшими по обоимъ сторонамъ дверей, произошло нѣкоторое, едва уловимое, движеніе—и двери медленно, безшумно стали отворяться. (Часть I, гл. IV).

Спокойное достоинство, съ которымъ вошелъ королевичъ Вальдемаръ, сопровождаемый нѣсколькими лицами своей свиты, показывало, что онъ отлично владѣетъ собою и что, несмотря на юные его годы, его не легко заставить смутиться и растеряться. Хорошаго средняго роста, стройный, широкоплечій, въ богатомъ темнаго бархата костюмѣ, не скрывавшемъ, а напротивъ, показывавшемъ крѣпкія и красивыя формы его тѣла, онъ производилъ впечатлѣніе здоровья, свѣжести и энергіи. Это впечатлѣніе еще усиливалось при взглядѣ на его молодое лицо съ блестящими глазами и смѣлымъ, веселымъ выраженіемъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по палатѣ, онъ остановился, увидя двинувшагося ему навстрѣчу князя Львова, рядомъ съ которымъ былъ царевичъ. Князь Львовъ, подойдя къ новоприбывшему, низко ему поклонился и, взявъ за руку царевича, „явилъ“ его гостю. Царевичъ спросилъ Вальдемара о здоровьѣ и, пока толмачъ переводилъ, они обмѣнялись ласковыми улыбками, а затѣмъ, въ сопровожденіи князя Львова, направились къ государеву мѣсту.

Теперь князь Львовъ долженъ былъ „явить“ королевича царю и, когда это было исполнено, Михаилъ Θеодоровичъ поднялся, сошелъ со своего мѣста, подалъ королевичу руку и также спросилъ его о здоровьѣ. При этомъ царь пристально и безцеремонно всматривался въ гостя. Осмотръ этотъ очевидно удовлетворилъ его—королевичъ, со времени своего пребыванія въ Москвѣ, два года тому назадъ, возмужалъ, окрѣпъ и представлялъ изъ себя уже не юношу, а вполнѣ сло-

жившагося человѣка. И этотъ человѣкъ пришелся царю еще больше по нраву, чѣмъ прежній юноша.

„Слава тебѣ, Господи!“—мысленно сказалъ царь, съ облегченіемъ вздохнувъ всей грудью.

Чтó думалъ и чувствовалъ королевичъ—трудно было рѣшить глядя на его свѣжее лицо, по которому быстро скользнула и тотчасъ же исчезла добродушная усмѣшка,—одно можно было утверждать, что онъ не смутился подъ пристальнымъ взглядомъ великаго государя, что онъ, вѣроятно, такъ же смѣло, какъ на царя, глядѣлъ и на свою будущность въ этой чуждой, невѣдомой странѣ, гдѣ все должно было ему казаться необычнымъ и дикимъ. Когда толмачъ перевелъ ему слова царя, онъ поклонился, поблагодарилъ и передалъ поклонъ отъ короля, отца своего, государю и царевичу.

Вальдемара посадили съ почетомъ близъ царскаго мѣста и тогда датскіе послы, пріѣхавшіе съ королевичемъ, Пассбиргъ и Билленъ, стали говорить рѣчь. Рѣчь эту толмачъ перевелъ такими словами: „Его королевское величество, во имя св. Троицы, послалъ своего любительнаго сына Вальдемара—Христіана, графа Шлезвигъ—Голштинскаго къ его царскому величеству, чтобъ ему, по царскаго величества хотѣнію и прошенію, *законъ принять* съ царскаго величества дочерью Ириною Михайловною. Король проситъ, чтобъ его царское величество изволилъ для большей вѣрности и укрѣпленія договора о сватаньѣ крестнымъ цѣлованіемъ при его королевскихъ послахъ укрѣпить и письмо дать; также принять и почитать королевскаго сына какъ своего сына и зятя, а король накрѣпко наказалъ сыну своему царское величество какъ отца почитать, достойную честь и службу воздавать“.

Когда слова эти были выслушаны, поднялся думный дьякъ Григорій Львовъ и отвѣтилъ отъ имени царя:

— Желаемъ, чтобы всесильный Богъ великое и добронačатое дѣло къ доброму совершенью привелъ; хотимъ съ братомъ нашимъ, его королевскимъ величествомъ, быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, а королевича Вальдемара Христіанусовича хотимъ имѣть въ ближнемъ присвоеніи, добромъ пріятельствѣ и почитать, достойную честь ему воздавать, какъ есть своему государскому сыну и зятю.

Датскимъ посламъ, по наказу царскому, объявили, что на сихъ дняхъ они будутъ „въ отвѣтѣ“ съ боярами и дьяками, пока же они получили приглашеніе, вмѣстѣ съ королевичемъ, къ обѣденному царскому столу, до котораго оставалось ужъ немного времени. (Часть I, гл. V).

Но увидать самое царевну, для которой онъ пріѣхалъ, королевичу Вальдемару конечно не удавалось, какъ онъ ни ломалъ себѣ голову— нельзя ли это устроить. Между тѣмъ онъ думалъ о ней со всѣмъ жаромъ молодости и любопытства; приближенные его постоянно о ней говорили, что она по слухамъ прекрасна собою. Свидѣться съ нею нечего было и думать, пока не будетъ рѣшена свадьба. Большое препятствіе было въ томъ, что королевичъ и на этотъ разъ не хотѣлъ креститься въ православную вѣру, а царь не могъ ему уступить и выдать свою дочь за иновѣрца. Въ переговорахъ шло долгое время.

Царевна тоже не переставала мечтать о королевичѣ и ей хотѣлось его увидѣть. Но если бы и возможно было проникнуть въ теремъ кому нибудь, то совершенно тайно и съ большой опасностью.

Стѣны московскихъ теремовъ, а царскаго въ особенности, если бы кто поразспросилъ ихъ и умѣлъ ихъ слушать, могли разсказать не мало удивительныхъ исторій, доказывающихъ пылкость воображенія, хитрость, изворотливость и поразительную смѣлость теремныхъ затворницъ. Чего никогда и въ голову бы не пришло женщинѣ, поставленной въ иныя условія жизни и не лишенной извѣстной свободы, то не только приходило въ голову, но и тотчасъ же исполнялось, со всею силою женской страстности, русскими затворницами.

. . . .

. . . .

Конечно, въ старомъ русскомъ теремѣ выростало достаточное количество женщинъ, неспособныхъ на борьбу и поэтому осужденныхъ безропотно подчиняться всѣмъ требованіямъ обычаевъ. Такія женщины по большей части жили день за днемъ мелочно и суетно. Если онѣ и стра-

дали, то страданія ихъ были безсознательны, какъ страданія животныхъ, рожденныхъ и выросшихъ въ клѣткѣ, не знающихъ, что есть иная жизнь, что гдѣ-то, далеко, шумитъ дремучій лѣсъ со своимъ привольемъ, со своею вѣчной, манящей тайной.

Но бывали тогда и другого рода женщины, а именно такія, что глядѣли на свою трудную, мало радостную жизнь, какъ на подвигъ.

„Темна женская наша доля,—говорили онѣ въ отвѣтъ на ропотъ и слезы прибѣгавшихъ подъ ихъ защиту и за ихъ совѣтомъ,—не даромъ про долюшку эту жалобныя пѣсни сложены; а все-жь таки не слѣдъ намъ роптать, гнѣвить Господа Бога! Все мы должны претерпѣть ради души спасенія. Счастье-то да радости не здѣсь, а тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзней и воздыханій... Да и здѣсь не все-жь таки горе одно. Коли ты за мужемъ—будь ему вѣрной, покорной женою, душу свою положи за него да за дѣтушекъ, живи, дыши ими—и охъ, какъ дышаться-то легко тогда будетъ! Ну, а коли нѣту у тебя ни мужа, ни дѣтушекъ—живи для Бога, молись Ему, отдай себя дѣламъ добрымъ“...

Подъ вліяніемъ такихъ женщинъ,—а ихъ было не мало,—развивалось и крѣпло истинное благочестіе, глубокая и непреоборимая вѣра. Эта вѣра, со всѣми ея дарами, не только давала возможность жить, но и наполняла повидимому однообразную и темную жизнь богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и свѣтомъ. Эта вѣра творила иной разъ чудеса, поднимала русскую женщину изъ ея приниженности и безотвѣтности; она-то охранила ее отъ вырожденія, пронесла „живою“ сквозь вѣка испытаній и открыла ей широкую, плодотворную будущность.

И пока русская женщина крѣпка въ вѣрѣ, пока она живетъ, чувствуя себя подъ отеческимъ Божіимъ окомъ и, не забывая о земныхъ своихъ задачахъ, въ лучшія минуты стремится къ небесной отчизнѣ,—она не погибнетъ, не выродится въ уродливое, болѣзненно-преступное созданіе, а разцвѣтая

все краше и краше, будетъ красою и радостью человѣчества!..

Однако среди безсильныхъ, отупѣвшихъ существъ, способныхъ только на животныя проявленія, поскольку это имъ разрѣшалось, среди женщинъ, богатыхъ вѣрою, терпѣніемъ и сознательными семейными добродѣтелями—всегда встрѣчались еще и женщины третьяго рода:—живыя, страстныя и безпокойныя натуры.

Онѣ ужь такъ рождались—живыми, страстными и безпокойными, теремное воспитаніе не могло уничтожить ихъ природныхъ, врожденныхъ особенностей — жизнь въ заперти только портила ихъ, превращала ихъ въ хитрыхъ, лживыхъ, способныхъ на всякое тайное преступленіе ради достиженія своихъ цѣлей.

Русская дѣвица того времени, принадлежавшая къ этому третьему виду, едва придя въ возрастъ, являлась живымъ противорѣчіемъ всему складу теремной жизни. Она не могла примириться со своей какъ бы монастырскою отчужденностью отъ мужского общества. Еслибъ ей дана была возможность вращаться среди мужчинъ—она быть можетъ удовлетворилась бы этимъ, удовольствовалась бы мужской оцѣнкой своей красоты и хранила бы сердце до прихода истиннаго „суженаго", на всю жизнь Богомъ даннаго и добровольно, по собственному влеченію, ею избраннаго.

Но вѣдь она знала, что, выдавая ее замужъ, о любви ее не спросятъ. „Выдадутъ за немилаго, за постылаго!"—жалобно пѣла она въ часы раздумья.

Ей же хотѣлось милаго, „дружка сердечнаго"—и начинала она искать его всѣми мѣрами, всѣми хитростями, и высказывала при этомъ исканіи поразительное упорство, невѣроятную смѣлость. Препятствія только прибавляли ей силы и изворотливости. Начиная съ самыхъ невинныхъ мыслей, питая въ себѣ самыя чистыя чувства, она, послѣ перваго труднаго шага, послѣ перваго грѣха, грѣха по понятіямъ терема, начинала чувствовать себя преступницей—и говорила себѣ:

„Ну, пропадать такъ пропадать! Все равно не простятъ,

коли узнаютъ. Значитъ такъ тому и надо быть. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!.. По крайности потѣшу свою душеньку, чтобъ было что́ вспомнить, чтобъ было за что страдать, о чемъ лить рѣки слезныя!..“

При такомъ взглядѣ она ужь не знала себѣ удержу, „тѣшила свою душеньку“ и потомъ, когда все выходило наружу, часто „лила рѣки слезныя“ въ тѣсной и сырой монастырской кельѣ. Точно такъ же поступала, только быть можетъ съ еще бо́льшей смѣлостью отчаянья, и жена, которую выдали противъ воли за „постылаго“. Главное же—чѣмъ больше было препятствій, тѣмъ смѣлѣе становилось любовное сближеніе.

А препятствій всего больше было, конечно, въ царскомъ теремѣ. Тамъ выростали, подъ тройной охраной, царевны. Для нихъ положеніе боярышень и дочерей купеческихъ представлялось завиднымъ и свободнымъ. Для самихъ же ихъ все оказывалось недозволеннымъ. Наконецъ и мужа, достойнаго ихъ, найти было трудно, а потому, въ большинствѣ случаевъ, царевна готовилась къ вынужденно-одинокой жизни. Такимъ образомъ немудрено, что нѣкоторыя царевны боролись со своей долей, со своей печальной судьбою не на животъ, а на смерть...

Ирина имѣла характеръ ласковый, большую доброту сердца, всѣхъ она жалѣла, за всѣхъ готова была просить, всѣхъ прощать, всѣмъ отдавать все, чѣмъ сама владѣла.

Про нее прислужницы и ближнія боярышни говорили:

„Ужь добра же, добра наша царевна, не будь она царевной, не имѣй всего вдосталь да распоряжайся всѣмъ по своему изволенію—кажись для бѣднаго человѣка послѣднюю сорочку-бы съ себя сняла, да такъ, нагишомъ, по улицѣ и побѣжала!“

Онѣ подсмѣивались, эти ближнія боярышни и прислужницы, но въ ихъ подсмѣиваньи звучала невольное сочувствіе къ царевнѣ.

Такія добрыя дѣвушки бываютъ обыкновенно и сердцемъ нѣжны и горячи, любя всѣхъ, всѣхъ жалѣя, онѣ чувствуютъ

влеченіе и къ любви страстной, полюбивъ—жертвуютъ всѣмъ для любимаго человѣка, дѣлаются сильны и смѣлы. (Часть II, гл. XXIII).

Шаловливая Маша и ея «бѣсенята» берутся помочь горю и утѣшить царевну. Маша обдумала все и сначала сама постаралась увидать королевича. Это ей удалось и она бѣжитъ къ царевнѣ.

Вотъ сейчасъ, сейчасъ, все она разскажетъ царевнѣ! То-то обрадуетъ!

Вошла—и сразу остыла, опустила глаза и затаила дыханіе: рядомъ съ царевной сидѣла княгиня Хованская и вышивала на царевниныхъ пяльцахъ.

„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!—подумала Маша.—Кикимора разсѣлась, того и жди надолго—вѣдь это она любитъ... отъ пялецъ-то ее и не оторвешь!..“

Маша низко поклонилась, подошла къ рукѣ царевны, а потомъ и къ рукѣ княгини-мамы, которая, вся погрузясь въ свою работу, не обратила на нее вниманія.

— Ты за урокомъ?—спросила, вся вспыхнувъ, царевна, а глаза ея, устремленные на Машу, говорили совсѣмъ другое: „Гдѣ ты пропадала? отчего вчера тебя вечеромъ не было? отчего не пробралась ночью? да и теперь почему пришла такъ поздно? что случилось? не удалось видно?!.. я весь вечеръ, всю ночь, все утро промучилась, тебя дожидаясь!“—говорили глаза царевны.

— За урокомъ, царевна, по твоему приказу,—отвѣтила Маша почтительнымъ шопотомъ, стала за спиной княгини и, почувствовавъ себя въ безопасности, совсѣмъ преобразилась.

Она кивнула головою, сдѣлала счастливое, восторженное лицо, потомъ схватила себя за ухо.

Царевна отлично поняла:

„Все благополучно... самыя чудныя вѣсти... не была до сихъ поръ, потому что Максимовна задержала и опять пришлось пострадать уху“.

Царевна такъ вся и просіяла, забывъ даже пожалѣть о бѣдномъ вѣчномъ страдальцѣ—объ ухѣ своей подруги.

Она бросила мгновенный взглядъ на княгиню и едва замѣтно передернула плечомъ:

„Видишь—сидитъ, пожалуй уйдетъ не скоро! Вотъ наказанье-то!..“

„Кикимора!“—совершенно ясно проговорили глаза бѣсенка.

Минуты съ двѣ продолжалось молчаніе. Княгиня прилежно, не поднимая головы, вышивала, искусно нанизывая на шелкъ блестящія бисеринки.

Вдругъ Маша, вздрогнувъ, бросила торжествующій взглядъ на царевну. Вздохнула она разъ, вздохнула еще глубже, еще слышнѣе другой.

— Чего это ты вздыхаешь?—спросила царевна.

— Королька жалко!—съ новымъ вздохомъ, печально выговорила Маша.

Княгиня оторвалась отъ работы, обернулась, взглянула на дѣвушку и быстро спросила:

— Что Королекъ? Про что ты говоришь?

Дѣло въ томъ, что Королекъ былъ любимый царицынъ попугай, котораго выучили, каждый разъ какъ царица проходила мимо клѣтки, кричать: „здравствуй, матушка-царица, ты царица, а я заморская птица!“

— Да какъ же не пожалѣть-то его, княгинюшка?!—печальнымъ голосомъ, чуть что не со слезами на глазахъ стала объяснять Маша,—вѣдь даромъ, что онъ—птица, все-жь-таки у него чувство есть и ему очень больно...

— Что больно? говори толкомъ!—совсѣмъ встревожилась княгиня.

— Иду я и вижу,—продолжала Маша,—вижу я—дурка-арапка подобралась къ клѣткѣ, отворила дверцу, руку просунула и выщипываетъ у него перушки, а Королекъ-то кричитъ не своимъ голосомъ: „больно, ой, матушки, больно!“

— Да ты не врешь?

Маша сдѣлала недоумѣвающее, изумленное лицо.

— Съ чего-жь это я врать стану! Нешто врать можно!

— Ну, ужь я-жь эту арапку! ужь я-жь ее! не впервой замѣчаю, что она все что-то съ Королькомъ возится... не дай Богъ—замучаетъ его,—захирѣетъ онъ—что тогда царица-то

скажетъ! Вотъ такъ народецъ... отвернись только — и жди всякой напасти!

Княгиня, говоря это, поднялась съ мѣста и быстро вышла изъ покоя.

Маша крѣпче приперла за нею дверь и засмѣялась, кидаясь къ царевнѣ.

— А у Королька-то перушки всѣ цѣле-е-хоньки!... а арапкѣ-то задаромъ доста-а-нется!—съ блаженнымъ выраженіемъ въ лицѣ протянула она.

— Зачѣмъ-же ты это, Машуня?!—упрекнула царевна,—нешто тебѣ не жаль арапку?!..

— А то что-жь, жалѣть мнѣ ее что-ли! благо она на языкъ мнѣ подвернулась — пусть и отдувается! Я ей пряничка, леденчика за это дамъ, смерть она до сладкаго охотница, кабы не она—вѣкъ бы намъ княгиню-то не выжить...

Царевна потеряла всякую жалость къ дуркѣ-арапкѣ и съ шибко забившимся сердцемъ, почти беззвучно спросила Машу:

— Съ чѣмъ же ты? говори скорѣе! неужто вчера удалось тебѣ?

— Удалось, удалось, моя золотая царевна, все удалось какъ по писаному! — кипѣла и трепетала отъ восторга Маша.—Наконецъ-то вчера вечеромъ видѣла я королевича...

— Охъ!—даже тихонько простонала Ирина, схватываясь рукой за сердце.

— Да и не только видѣла, а и бесѣду съ нимъ вела.

— Что ты? не вѣрю я... да и какъ-же ты съ нимъ могла бесѣду вести — вѣдь онъ — нѣмецъ... по нашему, сказывали, не понимаетъ...

— Анъ и соврали люди! какъ еще понимаетъ-то... какъ еще говоритъ-то!.. получше Королька говоритъ, иногда только слово какое у него не выговорится, а все понять можно...

— Ну...

— Красавецъ онъ какой!..

Маша зажмурила глаза и развела руками. (Часть I, гл. XXIV).

Затѣмъ Маша приступаетъ къ своему намѣренію устроить свиданіе между королевичемъ Вальдемаромъ и царевной. Съ большой своей хит-

ростью и ловкостью она заставляетъ королевича переодѣться въ женское платье и въ такомъ видѣ тайно провожаетъ его въ теремъ. Онъ пробылъ тамъ всего нѣсколько минутъ и молодые люди пришли въ восторгъ другъ отъ друга.

Возвращаясь изъ терема, королевичъ сбросилъ за оградой женское платье и вернулся къ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало.

Это брошенное платье было найдено одной изъ прислужницъ и въ теремѣ поднялась тревога. Думали, что это ночью пробрались воры.

Не на шутку забурлилъ царскій теремъ. Очень часто, для того, чтобы поднять изъ глубины его всю накопившуюся грязь и муть, требовалось гораздо меньше. Какое-нибудь зря вырвавшееся и неимѣвшее никакого смысла слово служанки оказывалось достаточнымъ, чтобы начать долгое и мучительное слѣдствіе,—тутъ-же дѣло было дѣйствительно выходящее изъ ряда вонъ: воровство въ теремѣ, да еще въ ночное время!

Положимъ, какъ ни перебирала Настасья Максимовна и другія постельницы всю теремную рухлядь, все платье и бѣлье—ровно ничего не оказывалось пропавшимъ, но вѣдь въ саду, у забора, найдены были вещи. Вещи эти оказались принадлежавшими одной изъ молодыхъ прислужницъ царевны Ирины Михайловны, по имени Ониськѣ Мишуриной.

По приказу царицы былъ призванъ дьякъ Тороканонъ и ему велѣно было разобрать дѣло.

Главной обвинительницей и докащицей явилась конечно Настасья Максимовна, а первой отвѣтчицей—Ониська, дѣвка работящая, простая и нѣсколько придурковатая, которая, еще ничего не видя, ужь лила рѣки слезныя, вопила и причитала, имѣла видъ до крайности перепуганный и виноватый.

Когда дьякъ Тороканонъ, призвавъ ее, сталъ допрашивать, онъ долго не могъ отъ нея добиться ни одного слова. Она бухнулась на землю и вопила благимъ матомъ. Онъ терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ сталъ кричать на нее. Тогда ея вопли остановились и она превратилась какъ-бы въ истукана, глядѣла въ глаза кипятившагося дьяка безсмысленнымъ взглядомъ—и только. Онъ схватилъ ее за косу и потрепалъ изрядно.

— Будешь-ли ты, дурища, говорить или нѣтъ? Я тебя ѣмъ что-ли? — крикнулъ онъ. — Вѣдь я тебя не наказывать

хочу—до наказанья далеко еще—должна ты сказать только всю правду.

Бѣдная Ониська и хотѣла говорить, да не могла—языкъ не слушался.

Изъ своего окаменѣнія она перешла теперь въ новое состояніе: дрожала всѣми членами, стучала зубами и вдругъ со всѣхъ ногъ кинулась было вонъ, очевидно не соображая что̀ такое дѣлаетъ, повинуясь только одному страху запуганнаго, видящаго неминучую опасность звѣря, порывающагося уйти отъ врага, хотя уйти и некуда. Но Тороканов, маленькій, сухой человѣчекъ, зоркій и быстрый въ движеніяхъ, сразу поймалъ Ониську опять за косу.

— Эге! да ты вотъ какъ!—протянулъ онъ.—Ну такъ вотъ тебѣ послѣдній мой сказъ: либо говори, либо сейчасъ-же на пытку. Вотъ какъ вздернутъ тебя на дыбу—небось заговоришь!

Ониська взвизгнула нечеловѣческимъ голосомъ, крѣпко зажмурила глаза, будто передъ ней очутилось нѣчто нестерпимо ужасное, и наконецъ заговорила стуча зубами:

— Все скажу... все... Да что̀ говорить-то? Нешто я виновата? у меня-же стащили...

— Вѣдь твои это вещи?—указалъ Тороканов на лежавшее тутъ-же на столѣ поличное.

— Мои... мое все... новешенькое, только къ празднику и сдѣлано, царицыно жалованье...

— Ну такъ ты значитъ признаешь?—важнымъ голосомъ сказалъ Тороканов и, обмокнувъ большое гусиное перо въ стклянку съ чернилами, сталъ медленно, но не безъ искусства выводить на бумагѣ хитрыя закорючки.

Ониська глядѣла на эти движенія пера и на выходившіе изъ него непонятные знаки расширившимися отъ ужаса глазами. Зубы ея такъ громко стучали, что Тороканов даже оторвался отъ писанья, крикнулъ: „ну!“ — и снова наклонился надъ бумагой.

Вотъ онъ кончилъ, положилъ перо на столъ и опять обратился къ Ониськѣ.

— А теперь ты скажи мнѣ, гдѣ-же эта твоя одёжа у тебя лежала?

— Вѣстимо гдѣ! Гдѣ-же ей лежать-то... въ сундучкѣ, въ чуланѣ.

— И на запорѣ?

— Не! хотѣла я замокъ достать, да гдѣ-жь его сразу достанешь. А Соломонида Митревна и говоритъ: „не сумлѣвайся, говоритъ, Ониська — кто у тебя возьметъ! Нешто въ теремѣ есть воры? не бойся, не украдутъ“. А вотъ и украли...— протянула Ониська и вдругъ опять завопила: Матушки вы мои! голубушки!.. Царица небесная!..

— Нишкни!—крикнулъ ТороканОвъ и топнулъ ногою.

Она затихла.

— Ну, а кто-жь это у тебя укралъ-то?

Она совсѣмъ не поняла и только безсмысленно глядѣла на него.

— Укралъ-то у тебя кто? спрашиваю.

— Да нешто я знаю!—отчаянно воскликнула Ониська.— Кабы я знала...

— Ну что кабы знала?..

— Такъ я-бы... я-бы... не дала-бы моего добра вору, я-бы кричать стала!..

Допросъ продолжался все въ томъ-же родѣ.

Какъ ни бился Тороკановъ—ничего не добился онъ отъ Ониськи, да и чтó могла она открыть ему? Были вещи, лежали въ сундучкѣ, въ чуланѣ, кто ихъ взялъ и когда—невѣдомо. Она ихъ не хватилась, а какъ Настасья Максимовна, постельница, призвала ее, показала, она и признала свои вещи.

Записалъ все это Тороკановъ и пока отпустилъ Ониську. Сидѣлъ онъ, перечитывалъ показаніе перепуганной служанки и раздумывалъ, какъ тутъ взяться, за какой конецъ ухватиться?

Было воровство? Было. Воръ проникъ ночью въ теремъ, захватилъ Ониськину праздничную одежу, вышелъ невредимымъ въ садъ, добрался до забора, но тутъ видимо перепугался, побросалъ всѣ вещи, перелѣзъ черезъ заборъ и утекъ. Никто его не видѣлъ, окромя Настасьи Максимовны, да и та не видѣла его, знаетъ только, что онъ былъ въ чуланѣ, гдѣ вещи тѣ лежали.

— Эка дура баба!—говорилъ себѣ Тороკановъ, — какъ

приперъ онъ дверцу, ей-бы тутъ-же ее снаружи и запереть на щеколду, вотъ воръ сразу-бы живьемъ и попался. — Эка дура баба! за домового вишь его приняла... ну да и то сказать,—тотчасъ нашелъ онъ оправданіе для Настасьи Максимовны,—какъ и не принять? Можетъ тутъ и впрямь не обошлось безъ домового—ужь больно дѣло-то мудреное. А дверь?.. Какимъ такимъ образомъ дверь ночью была не на запорѣ?

Тороковъ понялъ, что все дѣло въ этой двери и снова приступилъ къ допросу всѣхъ теремныхъ жительницъ. Но тутъ оказалось нѣчто несовсѣмъ согласное съ дѣйствительностью.

Всѣ перво-на-перво отозвались полнымъ невѣдѣніемъ: „знать ничего не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, двери у насъ всегда на запорѣ, ключи на мѣстѣ!“ И бывшія тогда вмѣстѣ съ Настасьей Максимовной, и выходившія съ нею въ садъ для осмотра, показывали, что ключъ она, постельница, разбудивъ ихъ, взяла съ собою, что Пелагея Карпова, по ея приказу, взявъ у нея тотъ ключъ, отперла имъ дверь въ садъ, а дверь, допрежъ того, была на запорѣ.

Откуда взялись такія новыя показанія—неизвѣстно. Настасья Максимовна никого не подговаривала, да и подговаривать ей было незачѣмъ; не она отвѣчала за ключъ—не она въ тотъ день была наряжена смотрѣть за выходами. Но она не противорѣчила этимъ показаніямъ: можетъ она и впрямь, съ перепугу, запамятовала какъ было дѣло, или просто не хотѣла выдавать товарокъ.

Тороканъ, собравъ всѣ эти новыя показанія, только разводилъ руками.

— Ну какъ-же тутъ быть,—толковалъ онъ,—дверь на запорѣ, ключъ на мѣстѣ, а онъ, воръ-то, сидитъ въ чуланѣ, а потомъ въ ту дверь съ краденой одежей проходитъ...

— И ничего тутъ нѣтъ мудреннаго!—вдругъ возвысила голосъ бойкая, глазастая женщина, та самая Пелагея Карпова, которая, по приказу Настасьи Максимовны, отперла дверь,—все это неиначе какъ Машуткино дѣло!

— Машуткино? Какой Машутки? — насторожился Тороканъ.

— А извѣстно какой! Да вотъ она и сама тутъ!—отрѣзала Пелагея Карпова, злобно сверкнувъ глазами и указывая на Машу, стоявшая тутъ-же, въ числѣ допрашиваемыхъ, и уже никакъ не подготовленную къ такому обороту дѣла.

— Что ты? Пелагея? Господь съ тобой! За что ты на меня напраслину такую взводишь? Я-то тутъ при чемъ?—едва вѣря своимъ ушамъ заговорила дѣвушка.

— Ладно! Прикидывайся казанской сиротой, зелье ты этакое! Знаемъ мы тебя!—со злобной усмѣшкой продолжала Пелагея.—А это что-жъ такое?

Она вынула изъ кармана платокъ и, приподнявъ его за концы руками, всѣмъ показывала.

— Чей это платъ! Ну-ка, отопрись!

— Мой онъ!—крикнула Маша, подбѣгая къ Пелагеѣ и стараясь вырвать у нея изъ рукъ платокъ. Но та не давала.

Тороканова въ это время такъ и впивался глазами то въ ту, то въ другую.

— Мой платъ, я обронила его нынче утромъ... искала... ну ты нашла, такъ что-жь тутъ?—говорила Маша еще не понимая, какое обвиненіе можетъ быть связано съ этимъ оброненнымъ ею утромъ платкомъ.

— Что тутъ такое!.. передразнила Пелагея,—а вотъ это ты и скажи сама, что тутъ такое у тебя въ этомъ платѣ въ узелкѣ завязано?

Дѣйствительно, одинъ изъ угловъ платка былъ завязанъ узелкомъ и въ томъ узелкѣ очевидно находилось что-то.

Тороканова взялъ изъ рукъ Пелагеи платъ и развязалъ узелокъ.

— А!—многозначительно произнесъ онъ, кладя осторожно платокъ на столъ.—Ну-ка, Машутка, поди сюда да скажи по истинной правдѣ, какой такой корешокъ у тебя въ платѣ-то завязанъ? (Часть II, гл. VI).

Дьякъ Торокановъ былъ очень доволенъ найти выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Еще за минуту передъ тѣмъ дѣло представлялось ему совсѣмъ непонятнымъ,—а

вотъ разрывъ-трава такъ просто и ясно отвѣчаетъ на самый важный, главнѣйшій вопросъ.

Въ существованіи этого зелья онъ не сомнѣвался; оставалось только убѣдиться: точно-ли корешокъ, лежавшій передъ нимъ въ Машиномъ платкѣ, дѣйствительно настоящая разрывъ-трава. Но вѣдь Настасья Максимовна, прямо, безъ всякаго подготовленія, произнесла это слово, произнесла его она безъ колебаній, рѣшительно,—ну а Настасьѣ Максимовнѣ какъ же не повѣрить!

Что касается всѣхъ теремныхъ жительницъ, находившихся при допросѣ, для нихъ уже конечно тутъ невозможны были никакія сомнѣнія—всѣ готовы были теперь итти хоть подъ присягу, что этотъ таинственный корешокъ и не можетъ даже быть инымъ какъ разрывъ-травою.

Тороканов быстро вскочилъ изъ за стола, подбѣжалъ къ Машѣ и ухватилъ ее за руку, будто боясь, что она сейчасъ ускользнетъ и исчезнетъ.

Но Маша бѣжать не собиралась. Она все еще никакъ не могла взять въ толкъ взводимаго на нее обвиненія.

— Откуда у тебя разрывъ-трава? Кто тебѣ далъ ее? — спрашивалъ между тѣмъ Тороканов.

— Да вѣдь я же говорю, что въ платѣ, который я обронила, ничего не было! Это она, это Пелагея положила, а чтó она такое положила—почемъ-же мнѣ знать. Можетъ это и разрывъ-трава, а то и еще хуже, она положила—у нея и спрашивай!

— Такъ это Машутка. Она? у нея нашли?—съ изумленіемъ воскликнула Настасья Максимовна и сразу растерялась.

Она одна, изо всѣхъ здѣсь бывшихъ, не вполнѣ вѣрила въ сдѣланное ею опредѣленіе сущности этого корешка.

Вѣдь сказать по правдѣ—она никогда разрывъ-травы не видала, да и не говорили ей люди вѣрные, знающіе, что трава эта—вотъ такой темный, толстый, сухой корешокъ,—сказала она, что это именно такой корешокъ,—потому что такъ ей оно показалось, а главное—безсознательно пріятно было произвести сильное впечатлѣніе на всѣхъ своимъ заявленіемъ.

Но ужъ никакъ не думала она, что словомъ „разрывъ-трава“ обвиняетъ она Машутку. Хоть и сидѣла у нея на шеѣ эта озорница, по ея выраженію, хоть и готова она была предполагать за нею всевозможныя, самыя непростительныя шалости, но все же вѣдь она, въ глубинѣ своего сердца, не только не питала къ ней никакой злобы, но даже по своему жалѣла ее, желала ей добра.

Наконецъ вѣдь Машутка, царевнина любимица, на ея глазахъ недавно, будто вчера, еще была совсѣмъ ребенкомъ, положимъ теперь она выросла, хоть подъ вѣнецъ ее веди, ей ужъ пятнадцать лѣтъ,—но все же какіе это еще годы? да и дурачества, шалости у нея все дѣтскія...

Однако кто ее знаетъ,—вѣдь вотъ она, то и дѣло, пропадаетъ невѣдомо гдѣ. Тогда вотъ вечеромъ, когда она поймала ее и заперла на всю ночь въ чуланѣ, гдѣ она была все время? Да и воръ.. вѣдь онъ забрался именно въ этотъ самый чуланъ...

Охъ, не ладно тутъ что-то! А все-жь таки жаль дѣвчонку, все-жь таки... Ну, а вдругъ то не разрывъ-трава, а она такой грѣхъ взяла себѣ на душу!

Настасья Максимовна почувствовала, какъ у нея будто что-то перевернулось въ сердцѣ и засосало.

Она подошла къ столу и, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилась взять въ руку корешокъ. Оглядѣла она его со всѣхъ сторонъ, не безъ робости, но все-же понюхала, и сказала:

— А можетъ я и обозналась, можетъ это и другое что... говорила вотъ мнѣ одна божья старица про разрывъ-траву... похоже-то оно похоже, да вѣдь кто ихъ знаетъ — корешки то эти! поди сорви репейникъ потолще, высуши его, такъ и у него такой же видъ будетъ... Ты, батюшка, на мои слова не полагайся,—обратилась она къ Тороканову, — грѣха на душу я брать не хочу, говорю: можетъ я и обозналась.

Но тутъ выступила впередъ Пелагея и, вся даже трясясь отъ злобы, заговорила:

— Не обозналась ты, государыня Настасья Максимовна, а самую, видно, правду сказала. Сами посудите, сами раз-

берите, люди добрые, какъ тутъ рѣшить-то?.. можетъ другіе ничего не видятъ, а я то вижу. Вотъ ужь цѣлую недѣлю, какъ дѣло къ вечеру, такъ Машутка и пропала! Она-то думаетъ, что никто этого не примѣчаетъ, и что всѣхъ она за носъ провести можетъ, анъ нѣтъ...—я то за ней ужь давно примѣчаю, за негодницей. Три раза, своими вотъ этими глазами, я видѣла, какъ она поздно вечеромъ изъ сада черезъ ту дверь возвращалась.

Противъ этого обвиненія Маша ничего не могла возразить, только бросила злобный взглядъ на Пелагею и невольно зарумянилась.

Ея смущеніе, ея румянецъ ни отъ кого не скрылись, — всѣ ихъ замѣтили, замѣтила и Настасья Максимовна, и дьякъ Тороковъ.

— А! такъ вотъ что! И каждый вечеръ, ты говоришь, она убѣгала?

— Да, да,—твердила Пелагея,—своими вотъ этими глазами видѣла,—какъ вечеръ—такъ она и шмыгъ въ садъ, и долго, долго пропадаетъ.

— Отчего-жь ты мнѣ тогда не сказала!—крикнула Настасья Максимовна.

— А чего мнѣ говорить,—ничуть не смутившись отвѣтила Пелагея,—нешто я въ няньки къ ней приставлена!—Вотъ вышло дѣло,—я и говорю что знаю.

— Ну-ка, что ты на это скажешь? — строго спросилъ Машу Тороковъ.

— Да что̀ скажу? Что́ мнѣ сказать-то? — проговорила Маша.—Коли видѣла, что я въ садъ бѣгаю, значитъ такъ оно и было, ну что-жь такое! День деньской маешься, то тутъ, то тамъ въ работѣ, то Настасья Максимовна кличетъ, то царевна, ну а придетъ вечеръ—дѣла то нѣтъ,—вотъ въ саду и захочется побѣгать, я и въ садъ, — что-жь тутъ такого!

— Да кто-жь тебѣ это позволилъ? Какъ-же ты могла не спросившись,—крикнула Настасья Максимовна.

— А кабы я тебя спросилась, Настасья Максимовна, тогда ты бы меня все равно не пустила, такъ я ужь лучше

такъ, безъ спросу... Нешто знала я, что эта злодѣйка за мной подглядываетъ.

— А дверь-то, дверь?..—спросилъ Тороkановъ,—что-жь она у васъ такъ до поздней ночи и стоитъ отпертою, али вы ее запираете по положенію?

Тутъ всѣ въ одинъ голосъ начали увѣрять, что дверь запирается аккуратно.

— Ну, въ такомъ разѣ и толковать нечего, — рѣшилъ Тороkановъ,—разъ дверь запирается, а дѣвчонка черезъ нее и въ садъ и изъ саду пробирается, значитъ у нея отворъ есть. Вотъ отворъ этотъ и лежитъ теперь на столѣ, вотъ онъ!..

— Такъ, такъ!—торжествующе подтвердила Пелагея.— Умный человѣкъ сейчасъ видитъ въ чемъ дѣло.

— Да и для глупаго человѣка оно ясно: коли дверь на запорѣ, а дѣвчонка въ нее пробирается, значитъ отворяетъ она ее разрывъ-травою. Что-жь, ты еще ничего не запримѣтила, Пелагея?—спросилъ Тороkановъ.

— Какъ не запримѣтить! Она въ садъ, а я въ свѣтелку къ окошечку, а изъ окошечка-то все какъ на ладони,—ну вотъ и видѣла...

Маша почувствовала какъ у нея спина холодѣетъ.

„Что она видѣла?—промелькнуло у нея въ мысляхъ.— Неужьто видѣла какъ я черезъ заборъ лазила?“

— И вижу это я разъ: Машутка подбѣжала къ забору,— объясняла Пелагея,—подняла голову, гляжу я, куда это она смотритъ? анъ и вижу,—на заборѣ-то шапка. Ну, а дальше, извѣстно, что шапка-то не сама собой... на человѣкѣ надѣта. Приманила Машутка голубчика!..

У Маши широко раскрылись глаза.

— Али въ тебѣ стыда нѣтъ! Бога побойся! Что ты на меня клеплешь!—крикнула она Пелагеѣ. Но та ничуть не смутилась.

— Вѣстимо дѣло, клеплю я на тебя. Такъ ты сейчасъ и признаешься, что парней въ царскій теремъ приманиваешь, да воровъ еще...

Теперь все было ясно. Тороkановъ подтащилъ Машу къ столу и строгимъ голосомъ приказалъ ей стоять смирно.

Самъ-же онъ обмакнулъ перо въ чернильницу и приготовился писать.

— Признавайся во всемъ, во всемъ какъ есть! Если станешь отпираться—не взыщи, голубушка!

— Не въ чемъ мнѣ признаваться,—то блѣднѣя, то краснѣя, но не отъ страха, а отъ бѣшенства на Пелагею, отвѣтила Маша.—Что есть—то есть, а чего нѣтъ—того нѣтъ. Мой платъ—обронила я его нынче утромъ, только никакого корешка въ немъ не было. Гулять по саду въ вёдро я не разъ выбѣгала—въ этомъ не запираюсь, а больше ничего не знаю—не вѣдаю.

— Ну, это мы ужь слышали,—перебилъ ее Тороканов,—а теперь вотъ что́ мнѣ скажи: кто такой этотъ парень, котораго ты приманила-то? Откуда онъ у тебя взялся и какъ его имя?

— Никакого парня нѣтъ,—рѣшительно отвѣтила Маша.—Никакого парня я и въ глаза не видывала.

— Эй, Марья!—погрозилъ ей пальцемъ Тороканов,—не шутки я шучу съ тобою, да и времени у меня не много. Либо ты мнѣ сейчасъ истинную правду скажешь, либо—не взыщи—прикажу тебя взять, да попытать хорошенько. Авось на дыбѣ во всемъ повинишься!

Маша взвизгнула и, прежде чѣмъ кто-либо могъ опомниться, она уже выбѣжала изъ свѣтелки и исчезла. Нѣсколько женщинъ кинулись за ней въ догонку, но скоро вернулись, объявивъ, что она прямо побѣжала въ покои царевны и что туда онѣ за нею войти не посмѣли.

— Ну да куда-жь и бѣжать ей какъ не къ своей заступницѣ,—раздумчиво произнесла Настасья Максимовна.—Ты ужь, батюшка, обожди,—обратилась она къ Тороканову,—пойду я къ княгинѣ Марьѣ Ивановнѣ, повѣдаю ей обо всемъ, пускай она государынѣ доложитъ, какъ та прикажетъ.

Она кивнула головою Тороканову и пошла розыскивать княгиню Хованскую (Часть II, гл. VII).

Слава Богу за Машу заступилась царевна, а то ей плохо бы пришлось. Ее освободили отъ слѣдствія, но не пускали больше къ царевнѣ

и очень строго къ ней относились. Между тѣмъ, помогая королевичу и царевнѣ, она сама влюбилась въ Вальдемара и наконецъ къ нему бѣжала.

Королевичъ не сдавался на перемѣну вѣры и между нимъ и приближенными царя все шли объ этомъ объясненія. Наконецъ онъ просто просилъ отпустить его на родину, но и на это не соглашались. Побѣгъ Маши къ нему одинъ развлекалъ его. О царевнѣ онъ уже не думалъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы царь не заболѣлъ смертельной болѣзнью.

Наступило 12 іюля—день именинъ государя.

Послѣ почти совсѣмъ безсонной ночи Михаилъ Ѳеодоровичъ все-же пересилилъ свою слабость, поднялся чуть свѣтъ, облачился въ праздничную одежду и вышелъ къ собравшимся боярамъ, чтобы идти съ ними къ заутрени.

Бояре со страхомъ и въ великомъ волненіи ожидали его выхода. Почти всѣ были увѣрены, что онъ не въ силахъ будетъ идти въ церковь.

Но вотъ царь появился и, при взглядѣ на него, всѣ оживились. Велика сила духа! благочестивый царь въ сознаніи святости этого дня и необходимости присутствовать на Богослуженіи нашелъ крѣпкое оружіе противъ тяжкаго своего недуга, окончательно разрушавшаго его тѣло.

На душѣ у него было свѣтло и ясно. Все мрачное, безнадежное, смущавшее и отравлявшее покой этого времени—отошло, забылось. Вѣдь вотъ давно, давно ужъ, поглощенный заботами, тоской и страданіями, царь совсѣмъ не замѣчалъ, не ощущалъ того, что въ прежніе счастливые годы составляло для него радость жизни. Для него ужъ не существовала природа, не свѣтило солнце, не красовалась земля въ своемъ лѣтнемъ нарядѣ.

А теперь глядитъ онъ,—и видитъ: утреннее солнце пронизало росписныя, разноцвѣтныя стекла узкихъ, длинныхъ оконъ палаты и играетъ на знакомыхъ, когда-то такъ нравившихся предметахъ.

И теперь все это опять нравится, а главное—солнце! Хочется скорѣе на воздухъ—тамъ небо синѣетъ, тамъ шелестятъ листвою деревья, жужжатъ пчелы...

Дѣтски-счастливая улыбка озарила блѣдное лицо царя. Онъ оглядѣлъ собравшихся бояръ, низко ему кланявшихся и поздравлявшихъ его съ радостнымъ днемъ, со днемъ его ангела. Поклонился и онъ на всѣ стороны, благодарилъ вѣрныхъ слугъ своихъ и совѣтниковъ, со многими облобызался.

Всѣ эти давно знакомыя лица, вчера еще надоѣдливыя и совсѣмъ ненужныя, казались ему теперь близкими, милыми, дорогими, будто онъ свидѣлся съ ними послѣ долгой разлуки.

Никто не смѣлъ его спрашивать о здоровьѣ, такъ какъ вопросы эти его раздражали; но онъ самъ объявилъ громко:

— Смилостивился Господь надо мною, послалъ для моего праздника успокоеніе моему недугу. Давно я такъ хорошо себя не чувствовалъ... Пойти скорѣе въ церковь, послѣ молитвы-то еще, Богъ дастъ, поздоровѣю...

Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ почувствовалъ въ ногахъ такую слабость, что оперся на руку оказавшагося рядомъ съ нимъ Шереметева и такъ, медленно передвигая ноги, дошелъ до церкви. Взойдя на свое царское мѣсто, онъ тотчасъ-же опустился на колѣни—и всѣ замѣтили, что онъ на колѣняхъ не стоитъ, а сидитъ. Такъ оно и было и, въ добавокъ, начавъ горячо молиться, царь самъ не замѣчалъ положенія своего тѣла.

Молитва окончательно оторвала его отъ дѣйствительности, перенесла въ иной міръ, разорвала связь между нимъ, воспарившимъ духомъ, и слабымъ, истощеннымъ долгой болѣзнью тѣломъ, которое лежало теперь согнувшись, подавляемое собственной тяжестью.

Царь уже не различалъ звуковъ церковнаго пѣнія и словъ читаемой молитвы. Онъ слышалъ совсѣмъ иные звуки, полные дивной, никогда еще неслыханной имъ сладости. Будто гдѣ-то высоко, надъ сводами церкви, шла тоже церковная служба, только совсѣмъ иная, полная великой, божественной тайны...

И хотѣлось царю проникнуть въ эту тайну, вслушаться въ непонятныя слова согласнаго хора. Еще одно усиліе парящаго духа—и онъ поднимется выше, все разслышитъ, все пойметъ...

Но вдругъ внизу, глубоко внизу будто упало что-то, раз-

дался будто звукъ порвавшейся струны—и царь почувствовалъ, что онъ стремительно летитъ внизъ.

Страшная боль загрызла его сердце, всѣ его внутренности. Онъ крикнулъ не своимъ голосомъ, пошатнулся на правую сторону—и упалъ, ударясь головою о рѣзную рѣшетку. Со всѣхъ сторонъ къ нему подбѣжали бояре. Пѣніе внезапно замолкло. На всѣхъ лицахъ былъ ужасъ... (Часть II, гл. XX).

Михаила Θеодоровича, находившагося безъ чувствъ, пронесли въ царскія палаты, прямо въ опочивальню. Царица, сама совсѣмъ больная, едва волочившая ноги, громко плакала и причитала, обливая слезами блѣдное, неподвижное лицо мужа. Собравшіеся врачи едва уговорили ее дать имъ раздѣть царя.

— Одно скажите мнѣ, Христа ради,—вопила царица,— живъ-ли онъ, живъ или ужь нѣтъ его, желаннаго?

Венделинъ Сибелиста (царскій врачъ) сталъ увѣрять, что царь еще живъ, что вотъ онъ скоро придетъ въ себя, чтобы царица не плакала и удалилась, ибо ея слезы и крики только могутъ повредить больному. Но Евдокія Лукьяновна не двигалась съ мѣста, пока наконецъ царь не открылъ глаза и не пошевелился. Тогда она сама, почти уже потерявъ сознаніе, допустила увести себя въ теремъ.

Между тѣмъ Михаилъ Θеодоровичъ, отъ разныхъ обкуриваній и примочекъ, вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія, получилъ способность говорить. На вопросы дохтуровъ, что̀ онъ чувствуетъ, онъ отвѣтилъ:

— Ничего не чувствую, нигдѣ не болитъ, только дышать трудно. Окна отворите, двери... дайте воздуху!

Его приказаніе было тотчасъ-же исполнено.

— Оставьте меня всѣ, оставьте одного, — прошепталъ царь и махнулъ рукою.

Всѣ вышли. Дохтуры и самые приближенные остались въ сосѣднемъ покоѣ, размѣстились кто-гдѣ и прислушивались, затаивъ дыханіе, не произнося ни слова, только переглядываясь.

Царь скоро очевидно заснулъ. Сибелиста рѣшился осто-

рожно прокрасться въ опочивальню, подобрался къ кровати, прислушался и затѣмъ, возвратясь, объявилъ:

— Дышетъ изрядно—авось отойдетъ. Силъ у него мало; не надо было идти въ церковь.

Бояре шопотомъ заговорили:

— Какъ тутъ не идти въ такой день!

— И вѣдь какъ бодръ да радостенъ казался!—отъ сердца отлегло...

— А тутъ вотъ какое горе!..

Стали приставать къ дохтурамъ, выпытывать: опасенъ или нѣтъ? встанетъ-ли?—Дохтуры качали головами.

— Какъ знать! Всяко бываетъ, можетъ еще и поправится не надолго, а все-же опасенъ — ничего хорошаго не видно.

Вмѣсто веселья и радости этого всегда такого торжественнаго дня, въ царскихъ хоромахъ было теперь великое уныніе и затишье. Объ именинныхъ столахъ никто не думалъ.

Скоро Венделина Сибелисту позвали къ царицѣ—ей тоже стало совсѣмъ худо.

Время отъ времени ближніе бояре, то одинъ, то другой, осторожно входили въ опочивальню, глядѣли на царя, прислушивались и уходили. Онъ все спалъ. Проспалъ онъ почти до самаго полдня, но вотъ пошевельнулся и застоналъ.

Сибелиста еще не возвратился отъ царицы, а потому дохтуръ Граманъ кинулся къ царю, подалъ ему лекарство.

Михаилъ Ѳеодоровичъ лекарство выпилъ, а на вопросъ дохтура, какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣтилъ:

— Ничего... Всѣ уходите!

Онъ очевидно собирался съ мыслями и еще не ясно понималъ, гдѣ онъ и чтò съ нимъ такое. Наконецъ сознаніе всего чтò было, вернулось къ нему.

„Что-же это, помираю я?—подумалъ онъ. — Неужто помираю въ день такой?“

Онъ сталъ вслушиваться въ свои ощущенія, безсознательно желая рѣшить вопросъ, откуда идетъ смерть, гдѣ она стучится? Но къ изумленію все внутри его было тихо, никакой боли. Напротивъ, онъ чувствовалъ даже большое наслажденіе лежать такъ тихо, на своей широкой мягкой кро-

вати: пріятная слабость оковывала всѣ его члены; въ головѣ стало совсѣмъ ясно; въ сердцѣ не было ни тоски, ни томленія, никакія тревожныя, черныя мысли не смущали.

Царь перевелъ глаза къ открытому окну, изъ котораго лились солнечный свѣтъ и тепло лѣтняго полдня. Онъ разслышалъ гдѣ-то вдалекѣ птичье щебетанье; потомъ ужь близко, у самаго окна заворковали голуби; неопредѣленный гулъ доносился издалека.

Царь жадно вслушивался во всѣ эти звуки, и его снова, какъ утромъ, потянуло на воздухъ, къ солнцу, къ теплу. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать и подойти къ окну, но встать не могъ—такъ велика была слабость. Съ большимъ усиліемъ приподнялъ онъ руки и тихонько хлопнулъ въ ладони. Сейчасъ-же нѣсколько человѣкъ показались у двери.

— Я не выйду, — тихимъ голосомъ произнесъ царь, — хоть мнѣ и гораздо лучше. Пошлите къ царицѣ сказать, что мнѣ лучше, да пусть все будетъ какъ положено... За столы, за столы идите, пируйте, чтобы все было какъ всегда!..

Его приказаніе было исполнено, но пированье вышло печальное; даже первѣйшіе любители покушать и попить за царскимъ столомъ—и тѣ держали себя въ этотъ день какъ постники.

Около восьми часовъ вечера, незадолго до солнечнаго заката, изъ опочивальни государя стали, все громче и все чаще раздаваться стоны. Снова собрались дохтуры со своими вновь приготовленными лекарствами, но царь отказывался теперь принимать эти лекарства, громко стоналъ и охалъ.

— Охъ, внутренности всѣ терзаются!—стоналъ онъ,—то огнемъ жжетъ, то холодъ по всему тѣлу разливается!..

Прошло еще съ полчаса; мученія не ослабѣвали.

— Позовите патріарха, — приказалъ царь, — царицу зовите, царевича съ бояриномъ Морозовымъ...

Скоро въ опочивальнѣ появилась сухая, согбенная фигура патріарха. Онъ благословилъ царя и тихимъ, старческимъ голосомъ сталъ говорить ему обычныя рѣчи, подавать надежду на милость Божію, на выздоровленіе.

Царь слушалъ его или, вѣрнѣе, старался слушать вни-

мательно, старался проникнуться его словами,—но между тѣмъ видно было, что неотпускающія мученія время отъ времени становятся такъ сильны, что поглощаютъ все его вниманіе.

Вотъ появилась, едва держась на ногахъ, царица. Ее всѣми мѣрами уговорили не выказывать своего отчаянія, поселя въ ней надежду, что царь еще не при смерти, что болѣзнь можетъ отпустить и что пуще всего не слѣдуетъ пугать его.

Царица удерживала слезы. Она почти упала въ кресло у кровати, рядомъ съ патріархомъ и обратила на него умоляющій взоръ. Тотъ отвѣтилъ ей спокойнымъ и въ то-же время строгимъ взглядомъ, и взглядъ этотъ, болѣе чѣмъ всѣ уговариванія, помогъ ей сдержать рыданія, подступавшія къ горлу.

Наконецъ появился и шестнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй Михайловичъ. Его юное красивое лицо было блѣдно, на глазахъ стояли, не смѣя выкатиться, слезы.

Онъ робко подошелъ къ отцовской кровати, припалъ губами къ холодной, опухшей рукѣ царя и замеръ.

Царь съ легкимъ стономъ приподнялъ другую руку и положилъ ее на голову сына.

— Гдѣ-же Борисъ Ивановичъ?—прошепталъ онъ.

— Я здѣсь, государь,—отвѣтилъ Морозовъ, подходя ближе къ кровати.

Царь посмотрѣлъ на красивое, блѣдное, еще болѣе блѣдное отъ густой, обрамлявшей его, черной бороды лицо своего ближняго боярина, но не сказалъ ни слова.

Не одинъ царь смотрѣлъ теперь на Морозова—всѣ взгляды были обращены на это, нѣсколько мрачное, блѣдное лицо съ почти совсѣмъ опущенными глазами, которые отъ того вѣрно и опускались, что бояринъ боялся выдать ими свои мысли. А можетъ и мыслей особенныхъ у боярина въ этотъ часъ не было—онъ давно уже приготовился къ этому дню, давно уже видѣлъ, что царя скоро не станетъ и что ему, а никому другому, придется управлять государствомъ. Давно уже, день за днемъ, шагъ за шагомъ, подготовилъ онъ себѣ къ этому и былъ спокоенъ.

Прошло еще съ полчаса времени, усилились страданія царя; снова заметался онъ на кровати, снова застоналъ; потомъ стихли его стоны, ему опять стало спокойнѣе и лучше. Вдругъ онъ заговорилъ хоть и тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Чувствую я, пришелъ конецъ мой. Теперь никакія ужь лекарства не нужны мнѣ—все кончено. Смерть пришла—я это знаю—такъ угодно Богу.

Онъ слабымъ движеніемъ руки поманилъ къ себѣ царицу. Она, будучи уже не въ силахъ сдерживать рыданій, упала головой на грудь его.

— Не плачь, жена,—какъ будто издалека откуда-то слышала она надъ собой его голосъ.—Зачѣмъ плакать? Господь знаетъ, что дѣлаетъ. Время пришло... Прости, жена! коли я былъ виноватъ въ чемъ передъ тобою, отпусти мнѣ... Сынъ!

Морозовъ подвелъ Алексѣя и помогъ ему опуститься на колѣни передъ кроватью.

— Сынъ мой!—уже инымъ, громкимъ и звучнымъ голосомъ произнесъ царь,—благословляю тебя на царство! Богу угодно отозвать меня къ Себѣ—да будетъ Его святая воля! Юнъ ты, неопытенъ, но и самъ я такимъ-же какъ ты юношей принялъ царство. Богъ не оставилъ меня, нашолъ я руководителей и защитниковъ,—и тебя не оставитъ Богъ, коли ты Его забывать не будешь... Бояринъ нашъ Борисъ Ивановичъ,—все тѣмъ-же голосомъ, громкимъ и звучнымъ, продолжалъ царь, глядя на Морозова,—слушай: тебѣ, боярину нашему, приказываю я сына, и со слезами говорю...

Голосъ его дрогнулъ, изъ глазъ брызнули слезы...

— Какъ намъ ты служилъ и работалъ,—съ великимъ усердіемъ и преданностью, оставя домъ и покой, пекся объ его здоровьѣ и научалъ страху Божьему и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотлучно въ терпѣніи и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ — и соблюлъ его какъ зеницу ока... такъ и теперь служи...

Голосъ царя оборвался. Онъ тяжело вздохнулъ, замолчалъ и закрылъ глаза. Въ опочивальнѣ сдѣлалась полная, глубокая тишина, даже царица остановила свои рыданія. Чувство-

валось надо всѣми нѣчто торжественное и таинственное, будто дуновеніе иного міра пронеслось...

Вечеръ быстро надвигался, темнота сгущалась, все ярче и ярче загорались огоньки лампадъ передъ образами, и долго всѣ оставались въ этой торжественной тишинѣ, не шевелясь, не замѣчая времени.

Царь то лежалъ неподвижно, то начиналъ стонать. На него находило забытье и ему представлялось что-то свѣтлое, но неясное, и хотѣлось разглядѣть и никакъ разглядѣть того было невозможно. Вотъ онъ совсѣмъ пересталъ сознавать дѣйствительность, забылъ о томъ, что его окружаютъ близкіе люди. Ему казалось, что онъ одинъ, совсѣмъ одинъ, среди невозмутимой тишины,—и вспомнилась вся жизнь ему отъ самаго дѣтства. Снова переживалъ онъ всѣ радостныя и печальныя событія этой жизни. А время шло...

Наступило два часа ночи. Очнулся Михаилъ Ѳеодоровичъ, и будто какой-то голосъ, ясный и знакомый, шепнулъ ему: „Пора! Пришло!“ Онъ открылъ глаза, взглянулъ на патріарха и прошепталъ:

— Отхожу, желаю исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ...

Его желаніе было тотчасъ-же исполнено...

Принявъ Святые Дары, онъ совсѣмъ успокоился. Лицо его теперь не выражало никакого страданія; оно будто просвѣтлѣло. Еще нѣсколько минутъ,—и только глубокій, тяжелый вздохъ показалъ, что все кончено... (Часть II, гл. XXI).

Не смотря на теплую, ясную лѣтнюю погоду, тишина и уныніе царили въ Кремлѣ и вокругъ Кремля.

Давно ужъ Московскіе жители унылымъ звономъ колоколовъ были извѣщены о переселеніи въ вѣчность благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, давно ужъ въ тяжеломъ, дубовомъ гробу, покрытомъ червчатымъ бархатомъ и драгоцѣнною парчею, стояло царское тѣло въ дворцовой церкви.

Церковные дьяки денно и нощно читали у гроба псалтирь съ молитвами.

По всѣмъ городамъ, монастырямъ и церквамъ разосланы были гонцы съ приказомъ чинить по царѣ шестинедѣльное поминаніе. Въ города къ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, въ монастыри — къ архимандритамъ и къ игуменамъ отправилъ патріархъ грамоты съ приказомъ быть на Москву къ царскому погребенію немедля часу. Но пока соберутся всѣ, пройдетъ еще не мало времени.

Къ концу первой недѣли нá глухо закрыли гробъ царскій... Все происходило такъ, какъ повелось изстари.

На третій день послѣ кончины царя, въ царскихъ палатахъ былъ на патріарха, ближнихъ бояръ и духовенство поминальный столъ, во время котораго отпѣвали панафиду надъ кутьею.

Черезъ три недѣли былъ другой, такой-же поминальный столъ и вотъ начали съѣзжаться со всѣхъ сторонъ, къ царскому погребенію, оповѣщенныя лица.

Ночь царскаго погребенія,—такъ какъ, по обычаю, царей хоронили въ ночное время,—была назначена. Уже съ вечера безчисленныя толпы Московскихъ людей со всѣхъ концовъ города стремились къ Кремлю; множество было и пріѣзжаго изъ городовъ и изъ уѣздовъ люда.

Площадь, залитая народомъ, изо всѣхъ силъ старавшимся пробиться впередъ поближе къ пути отъ царскаго дворца до Архангельскаго собора,—представляла необычайное зрѣлище.

Въ тишинѣ безлунной, звѣздной ночи эти многія тысячи людей, тѣсно прижатыхъ другъ къ другу, являлись какимъ-то громаднымъ, копошащимся существомъ, таинственнымъ и страшнымъ. Глухой гулъ, исходившій отъ этого существа, имѣлъ въ себѣ что-то зловѣщее.

Еще до выноса царскаго тѣла было далеко, а уже глухо гудѣвшее таинственное существо начало поѣдать само себя. То здѣсь, то тамъ раздавались отчаянные вопли и крики; люди мяли и давили другъ друга. Проникшіе въ толпу воры и душегубцы, пользуясь въ темнотѣ всеобщей растерянностью и необыкновенной тѣснотою, нагло обирали своихъ сосѣдей, а въ случаѣ чего давили ихъ и душили. Стрѣльцы, обязан-

ные слѣдить за порядкомъ, ничего не могли сдѣлать и только самихъ себя оберегали.

Наконецъ заунывные звуки колоколовъ возвѣстили, что царскій гробъ поднятъ изъ дворцовой церкви и шествіе тронулось. Толпа присмирѣла и затихла.

Въ тепломъ, безвѣтряномъ ночномъ воздухѣ доносилось издали церковное пѣніе; запылали безчисленныя свѣчи въ рукахъ идущихъ. Показались сначала, въ траурномъ облаченіи, діаконы, попы, пѣвчіе дьяки. Вотъ и гробъ царскій, несомый духовенствомъ. Позади идутъ: патріархъ, юный царь Алексѣй Михаиловичъ, бояре, за ними ведутъ царицу, за царицей царевны, боярыни и боярышни, всѣ въ черномъ, потомъ все населеніе царскаго дворца и терема, мужчины и женщины вмѣстѣ, безъ чину, тоже всѣ въ черномъ, съ громкими воплями и рыданіями... (Часть II, гл. XXII).

Послѣ кончины царя, королевичъ Вальдемаръ получилъ свободу и уѣхалъ въ Данію вмѣстѣ съ Машей, которую онъ полюбилъ искренно и глубоко, а бѣдная царевна обречена была оплакивать двойную измѣну.

ИЗЪ РАЗСКАЗА

Г. П. Данилевскаго

„ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ СЪ СОКОЛОМЪ“.

Царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ такимъ же юнымъ, какъ и отецъ его. Онъ былъ очень смышленъ отъ природы, воспитанъ въ благочестіи, находилъ счастіе въ тишинѣ семейной жизни и любилъ разныя забавы (потѣхи). Онъ самъ говаривалъ: „дѣлу время—потѣхѣ часъ“. Любимымъ лѣтнимъ его развлеченіемъ была охота. Въ тѣ времена охотились съ помощью соколовъ и кречетовъ, которыхъ нарочно для этого выращивали и воспитывали.

Было весеннее время.

Выѣхалъ восемнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ изъ села Измайлова, вдоль береговъ Москвы-рѣки, на любимую потѣху, на охоту съ соколами и кречетами.

Это былъ еще второй годъ его царствованія. Государствомъ правилъ царскій дядька, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, и радъ былъ, что государь тѣшится. Охота выѣзжала какъ слѣдуетъ: всѣ верхами, кто на буланомъ, кто на гнѣдомъ, съ соколами на правой рукавицѣ. На головкѣ каждой изъ ловчихъ птицъ былъ алый, бархатный клобучокъ, съ золотою оторочкою; на ногахъ суконныя „ногавки“, родъ чулочекъ, съ тесменными „опутинками“; а въ хвостѣ, чтобъ слышать, гдѣ соколъ сядетъ, серебряный колокольчикъ. Тутъ были всѣ любимые царскіе охотники, и за каждымъ его „поддатень“. За всадниками ѣхалъ обозъ со слугами, царскою кухнею и палатками. Стража изъ стрѣльцовъ замыкала шествіе. Сокольники были въ цвѣтныхъ кафтанахъ, въ горностаевыхъ и лисьяхъ шапкахъ и въ сафьянныхъ сапогахъ. У каждаго на боку висѣлъ серебряный рогъ. Птицы были также въ боль-

шихъ выѣздныхъ нарядахъ. Самъ царь ѣхалъ безъ сокола. Онъ ожидалъ къ сборному мѣсту изъ Москвы, отъ главнаго ловчаго, Аѳанасія Ивановича Матюшкина, гонца съ нововыношеннымъ соколомъ, птицы, какъ увѣдомлялъ Матюшкинъ, неслыханнаго лёта и силы. Самъ же царскій любимецъ Матюшкинъ лежалъ въ Москвѣ въ лихорадкѣ и не могъ присутствовать на этой забавѣ.

Было еще рано. Туманный, сѣроватый денекъ обѣщалъ птицѣ рѣзвую и нестомчивую гоньбу. Царь, ожидая посла отъ Матюшкина, то-и-дѣло оглядывался къ проселку, откуда былъ долженъ показаться гонецъ. Съ косогора, поросшаго мелкимъ ивнякомъ и березками, выѣхали на широкое, низменное поле, усѣянное озерками, кочками и кустарниками. Нигдѣ въ свои разъѣзды по Московскимъ окрестностямъ, ни близь селъ Тайнинскаго, Сущева и Воробьева, ни близь Преображенскаго и Напруднова, царь не находилъ столько дичи, какъ здѣсь, по болотнымъ „прыскамъ“ Москвы-рѣки. Здѣсь кишмя кишѣли безчисленныя стаи утокъ, гусей, чаекъ, куликовъ, цаплей и всякой дикой птицы...

Спустившись мимо капустныхъ огородовъ чьей-то подгородной земли, царь остановилъ коня. Изъ-подъ его ногъ черезъ болото взлетѣлъ гусиный выводокъ. Царь указалъ рукою.

— Знать, гонецъ-то отъ Аѳанасія Ивановича не скоро выѣдетъ!—сказалъ онъ вглядываясь, какъ гуси полетѣли и плавно спустились на ближнее озеро.

Всадники стали готовиться къ охотѣ.

Первый выпустилъ птицъ Парѳентій Табалинъ. Его кречеты, Анпрасъ и Арбасъ, были изъ породы „де́рбниковъ“, то есть брали, какъ соколà, падая съ высоты, и какъ ястребъ, ловя птицу въ угонъ. Взлетѣла чайка. Кречеты брошены съ рукъ и стали всходить кругами, одинъ выше, другой пониже, такъ что чайка вскорѣ очутилась между ними и кинулась къ землѣ. Нижній кречетъ помчался полемъ, плывя какъ ласточка и чуть не задѣвая земли крыломъ. Вмигъ онъ подбилъ чайку кверху. Она взвилась. Верхній кречетъ кинулся

внизъ на нее. Чайка взмыла въ сторону и промахнулась. Оба кречета, почти разомъ, вцѣпились въ нее и вмѣстѣ съ нею, звеня бубенчиками, упали въ траву. Табалинъ поскакалъ принять добычу.

За нимъ пускали птицъ Комчатый, Хомяковъ и Лабутинъ. Кречетъ Комчатаго, Бумаръ, между двухъ лѣсковъ, кинулся на молодого гуся, и послѣ двухъ угонокъ, сшибъ его въ траву. Вѣжливая птица даже не сѣла на добычу, а опустилась возлѣ, къ сторонкѣ, и, поводя разгорѣвшимися отъ злости глазами, стала охорашиваться, чистя клювомъ перья и кивая алою шапочкой. Затравили еще двухъ куликовъ и утку. Царь все поджидалъ гонца и почти не принималъ участія въ охотѣ. Стоя на пригоркѣ, подъ деревомъ, онъ смотрѣлъ вдаль и изрѣдка переговаривался съ Хомяковымъ. Пестрые „вéршники“ то разсыпались по лугамъ, то скакали кучами въ догонку за соколами. Царскій стремянной затрубилъ въ рогъ сборъ къ мѣсту. Всѣ сокольники съѣхались къ царской палаткѣ. Пошли толки о добычѣ, о соколиныхъ ставкахъ. Какъ ни строгъ былъ дворцовый урядъ, между сокольниками, все почти сверстниками царя, слышались шутки или веселый смѣхъ.

— Ну, знать доподлинно Аѳанасій-то Ивановичъ позамѣшкался. Сытый голоднаго не разумѣетъ! Давайте хлѣбъ-соль!—сказалъ царь.

Слуги разостлали у палатки шелковый коврикъ. Все мѣсто отдыха обнесли подвижными рогатками и поставили у входовъ стражу. Царь велѣлъ, безъ чиновъ, сокольникамъ садиться по ковру, а самъ помѣстился у входа въ палатку.

Не успѣлъ царь съ охотниками закусить, на лугу послышался звукъ рога. Всѣ повели глазами съ косогора. Изъ-за кучки березъ показался гонецъ отъ Матюшкина и съ нимъ нѣсколько сокольниковъ. Посланный подъѣхалъ, спѣшился у рогатокъ и поднесъ царю вновь обученнаго сокола. Царь взглянулъ на птицу, и его охотницкое сердце запрыгало. Такой красоты онъ еще и не видывалъ...

Что за птица! Былъ онъ взятъ не съ гнѣзда отъ матери, а выношенъ уже „слеткомъ“. Дикости и смѣлости онъ былъ

удивительной. Весь бѣлый какъ серебро, только ножки красныя. Сидѣлъ онъ степенно и гордо. Головка была маленькая, спина широкая, грудь крѣпкая, крылья и хвостъ перо къ перу, а глаза такъ и горѣли, ярко-желтые, „наигранные“ и сверкавшіе смѣлою, дикою ясностью...

— Хороша птица! Какъ-то ловитъ?—сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола съ полнымъ вниманіемъ цѣнителя и знатока.

Палатку собрали; всадники сѣли на коней. Обозъ тронулся впередъ. Царь указалъ охотѣ ѣхать къ Коломенскому. Подвели царскаго коня. Царь ухватился за холку, прыгнулъ въ сѣдло и протянулъ за соколомъ руку. Рука его дрожала, грудь порывисто поднималась. Неровнымъ взоромъ онъ окинулъ сокольниковъ, повелъ поводомъ. Тяжелый коренастый конь тронулся рысью по кочковатому полю. Бубенчикъ зазвенѣлъ въ хвостѣ сокола.

Молча ѣхали сокольники, минуя то озерко, то мелкій кустарникъ, то бѣгущій въ сторону узенькій проселокъ. Всадники забились въ лѣсистые луга, съ которыхъ еще не сошли весенніе водные застои. Сокольничій Лабутинъ первый завидѣлъ въ сторонѣ между длинныхъ прошлогоднихъ камышей выводокъ нырковъ. Онъ подалъ знакъ. Всѣ остановились и замерли въ ожиданіи царскаго приказа. Царь укоротилъ поводья, вглядѣлся, медленно поднялъ правую руку и бросилъ сокола съ рукавицы въ воздухъ. Снурокъ развязался, соколъ взмылъ и кругами сталъ всходить вверхъ... все выше и выше, такъ что скоро стало его чуть видно, и когда показалось, что вотъ онъ исчезнетъ въ облакахъ, вдругъ, распластавши хвостъ, онъ сдѣлалъ ставку и, склоня голову, зорко посмотрѣлъ внизъ... Утокъ согнали. Не успѣлъ царь пришпорить коня, какъ соколъ свернулся въ комокъ, ринулся сверху, вцѣпился въ добычу и вмѣстѣ съ нею упалъ въ ближніе кусты.

Всѣ бросились туда. Чины позабыты. Охотники толпятся, чтобы только взглянуть, какъ взята птица: жива ли она, изранена, или убита до-смерти? Только не видно сокола въ кустахъ. Разсыпались охотники по всему перелѣску, по ближнимъ пригоркамъ, стали спускаться въ овраги, прислушиваться къ бубенчику; нѣтъ да и нѣтъ. Или соколъ спустилъ

утку и, невидный за кустами, съ другой стороны пошелъ въ угонъ за иною какою птицей, или не выпускалъ ее и, на полномъ раздольѣ, ѣлъ ее гдѣ нибудь въ гущинѣ деревьевъ. Наконецъ, могъ оборваться бубенчикъ, а онъ тутъ же, въ кустахъ, гдѣ нибудь сидѣлъ, охорашиваясь и чистя перья. Что за диво!

— Ищите, ребята!—сказалъ царь, снуя на конѣ по травѣ и между кустовъ:—кто изловитъ мнѣ сокола, дамъ тому пару соболей!

Пропажа сокола, особенно въ первый уловъ, была не рѣдкость. Часто соколовъ уносило вѣтромъ, а еще чаще они отбивались и дичали въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Сокольники, для лучшихъ поисковъ, спѣшились; коней привязали къ кустамъ, а сами съ новымъ рвеніемъ кинулись по лугамъ и по сосѣднимъ оврагамъ. То тамъ затрубитъ рогъ, то здѣсь отзовется. Желтые, голубые и красные кафтаны мелькаютъ между деревьями. На сосѣдней пашнѣ мужикъ пахалъ сохою подъ озимь. Остановился, оперся на присошникъ и дивуется, что это за бояре охотятся: не Борисъ ли Ивановичъ Морозовъ выѣхалъ поразмяться, или дворскіе травятъ птицу на государеву кухню; а можетъ быть и самъ царь тутъ же, недалече, гдѣ нибудь между ними?..

Государь затрубилъ опять. Собрались къ нему охотники уже въ другомъ мѣстѣ, на какой-то лѣсистой лощинкѣ, у берега небольшаго ручья, впадавшаго въ Москву-рѣку.

— А что, ребята, не нашли сокола?

— Нѣтъ, государь, не нашли!

— Что за притча!

Государь очень досадовалъ, что пропалъ еще неиспытанный соколъ.

Охотники выѣхали въ другомъ мѣстѣ на крутой берегъ ручья и увидѣли сокола въ травѣ: утка билась у него въ когтяхъ. И въ то же время, на ясной поверхности воды, между склоненными съ берега камышами, показалась передъ охотниками рѣдкой величины, вся бѣлая, какъ лунь, цапля. Она бережно шла неглубокой водою, поглядывая издали на всадниковъ и вынимая изъ воды то одну ногу, то другую

Царь принялъ утку, снова сѣлъ на коня, спугнулъ цаплю и указалъ ее соколу. Цапля взмахнула крыльями, медленно поднялась надъ водой и полетѣла въ сторону. Соколъ кинулся за нею не прямо, а сталъ забирать вверхъ, забрался въ недосягаемую высоту и оттуда полетѣлъ вровень надъ цаплею...

Царь далъ коню шпоры и поскакалъ, слѣдя за соколомъ. Сокольники не отставали отъ царя. Такъ мчались они долго по лугамъ и просохнувшимъ полямъ, чрезъ рвы и кочки, мосты и гати. Цапля была сильная, и ноги назадъ, а грудь впередъ, на огромныхъ крыльяхъ плыла, какъ бѣлопарусная ладья, по вѣтру. Соколъ не отставалъ отъ нея и забирался выше и выше. Цапля его видѣла. Всадники выскочили на возвышенную, гладкую поляну. Вдали мелькали крылья мельницы и огороды какого-то селенія; вправо шелъ проселокъ въ лѣсъ, глядѣвшій изъ-за косогора. Вдругъ цапля, или усталая, или съ особою хитростью, земедлила полетъ и стала забирать влѣво, какъ бы желая опуститься въ лѣсъ. Въ тотъ же мигъ соколъ всею силою полетѣлъ внизъ на нее. Онъ былъ уже близко; остался послѣдній ударъ, какъ цапля обернулась хвостомъ къ землѣ и отбила его толчкомъ длинныхъ ногъ и огромнаго носа. Соколъ сдался, пошелъ книзу, но, не долетая до земли, опять собрался съ силами и еще быстрѣе сталъ забирать надъ цаплей. Царь оглянулся: за нимъ скакалъ одинъ Хомяковъ. Другіе охотники чуть виднѣлись въ разсыпку, далеко назади, гдѣ одинъ, а гдѣ два и три вмѣстѣ. „Ну, Семенычъ, не отставай!“ крикнулъ разгорѣвшійся царь и, стегнувъ коня, еще быстрѣе поскакалъ за соколомъ.

Незамѣтно миновали опять какую-то пашню, со свѣжими зеленѣющими всходами. Съ грохотомъ пронеслись кони чрезъ старый расшатанный мостъ, надъ узенькимъ ручьемъ какой-то усадьбишки. Путь начиналъ идти въ гору, къ лѣсу. Замелькали березы. Показался песокъ. Овраги зачернѣли чаще. „Не отставай, Семенычъ, не отставай! Еще пробѣжимъ, и возьметъ соколъ!“ кричалъ царь, то-и-дѣло устраняясь отъ вѣтвей. Конь подъ Хомяковымъ задѣлъ копытомъ за пень и грохнулся съ ѣздокомъ ó-земь. Чуть успѣлъ оглянуться царь, какъ соколъ надъ опушкою лѣса сдѣлалъ полукругъ, ударилъ

грудью въ цаплю и, вмѣстѣ съ нею переваливишись за деревья, пошелъ оврагомъ далѣе. Царскій конь взобрался на гору и съ послѣднимъ усиліемъ, вмѣстѣ съ нимъ, влетѣлъ въ просѣку лѣса вдоль оврага. Не проскакалъ онъ и ста шаговъ, какъ остановился на всемъ размахѣ. Царь глянулъ: конь, фыркая, уперся ногами въ обрывъ...

За обрывомъ шла рѣка. За рѣкою, по зеленому откосу берега, разсыпавшись бревенчатыми избами, клѣтями, журавлями колодезей и овинами, располагалась у рѣки деревня. Деревянная, почернѣлая церковь стояла въ сторонѣ, на крутомъ пригоркѣ, а прямо за рѣкой въ гору шелъ обширный садъ. Надъ нимъ чернѣли вышки боярскаго терема, съ пристройками, крылечками и голубятней. Но не село, не садъ и не теремъ заняли царя. Остановившись на всемъ скаку и ухватясь рукою за гриву коня, онъ повелъ глаза вслѣдъ за цаплею и остолбенѣлъ. Прямо противъ обрыва, надъ которымъ онъ сталъ, между безлистныхъ еще деревьевъ сада, возносились рѣзныя, расцвѣченныя качели. А на качеляхъ, лицомъ къ рѣкѣ, сидѣла и качалась, въ зеленой душегрѣйкѣ, въ красномъ монистѣ, въ желтыхъ башмачкахъ и въ золотомъ съ трáвами сарафанѣ, боярышня, очевидно дочка хозяина. Сѣнныя дѣвушки, толпою, съ пѣснями и смѣхомъ, раскачивали качели. Долго не могъ опомниться царь. Дѣвушки увидѣли его, взлетѣвшаго на пригорокъ съ конемъ; передъ ними обрисовались его разстегнутый на скаку опашень, высокая соболья шапка, цвѣтная перевязь на груди. Онѣ вскрикнули и побѣжали отъ качелей къ дому...

Хомяковъ, прихрамывая, привязалъ къ дереву коня и въ безпокойствѣ побѣжалъ къ обрыву, надъ которымъ, вырвавшись изъ-за деревъ, стоялъ и слѣдилъ за уходившими дѣвушками царь. Глаза Алексѣя Михайловича, казалось, все еще видѣли передъ собою высоко взлетавшія качели, красные башмачки, бѣлое лицо, черныя брови и прыгавшее на груди монисто боярышни. Царь уже не думалъ о соколѣ. Онъ самъ въ этотъ мигъ походилъ на сокола, вперяющаго взоръ въ красную и славную добычу..,

— Чтó, Семенычъ?—сказалъ въ волненіи царь, завидѣвъ

Хомякова:—а вѣдь соколъ-то нашъ съ цаплею, кажись, свалился вотъ въ этотъ садъ.

Хомяковъ, потирая ушибленную ногу, не показалъ виду, что замѣтилъ волненіе царя, и отвѣтилъ:

— Какъ знаешь, государь; тебѣ виднѣе. Ты сюда прежде подоспѣлъ!

И оба охотника, пока остальные всадники доскакали до лѣсу, спустились къ рѣкѣ, отыскали мостокъ и стали подниматься, мимо сада, къ боярскимъ воротамъ. Ворота были заперты. Хомяковъ затрубилъ. Конюхи выскочили изъ людской. Черезъ дворъ къ воротамъ, переваливаясь, спѣшила грузная боярская домоправительница, въ бархатной кичкѣ и въ мѣховой душегрѣйкѣ.

Ворота растворили. Домоправительница, пугливо разглядывая посѣтителей, отвѣсила низкій поклонъ.

— Мы охотились тутъ,—сказалъ царь:—нашъ соколъ съ добычею упалъ, должно статься, въ вашъ огородъ или садъ. Не видали ли?

— Охъ, батюшки, охъ, кормильцы мои! Точно упалъ вашъ соколъ:—видѣли, какъ и опустился, у самой той вонъ горенки. Тамъ и щиплетъ дичину!..

У крыльца всадники спѣшились. Боярскіе конюхи повели ихъ лошадей къ конюшнѣ.

— Вотъ вашъ соколъ, вотъ!—говорила домоправительница, вводя гостей въ особую загородку сада. Хомяковъ принялъ цаплю, царь взялъ сокола. Дворня толпилась у калитки, желая поглядѣть и на нарядныхъ охотниковъ, и на птицъ.

— Ну, спасибо же вамъ,—сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола и отдавая его Хомякову:—только нѣтъ ли у васъ водички испить? устали съ погони за птицей.

— Квасъ, кормилецъ, есть, хорошій, яблочный, съ инбиремъ и грушевый. Прикажешь подать?—Царь попросилъ.— Ну, Проня!—обратилась старуха къ одному изъ слугъ:—вотъ ключи; бѣги самъ да нацѣди стопу. А мы тѣмъ временемъ садъ покажемъ. Хотите ли, гости милостивые?..

Царю понравилось это приглашеніе.

Сперва вошли въ дикій садъ. Дорожки стали перекрещиваться и ввели въ хитро-извернутое между кустовъ „путище“, родъ лабиринта. За путищемъ начался разсадникъ грушъ, вишень, сливъ и яблонь, а дальше вереница ягодныхъ кустовъ. Среди послѣднихъ возвышался подъ „шатрикомъ“, или бесѣдкою, на четырехъ столбахъ, колодезь съ колесомъ и бадьей на веревкѣ.

— А это виноградный садъ нашей боярышни,—замѣтила домоправительница, провожая гостей вправо. Щеки царя вспыхнули.

Открылся прудъ, обнесенный кустами жимолости и березками. На одномъ его концѣ возвышалась деревянная остроконечная „смотрѣльня“, родъ башенки, съ воздушнымъ крыльцомъ. Противъ смотрѣльни, на другомъ берегу пруда, были три размалеванныхъ маленькихъ „чердачка“, родъ павильоновъ, со стекольчатыми стѣнами. Вокругъ чердачковъ хитро извивались „пути“, дорожки. По бокамъ чердачковъ цѣплялись ползучія вѣтви дикаго винограда.

Царь подошелъ къ пруду, на которомъ была устроена рыбья сажалка. Въ сторонѣ отъ пруда между деревьевъ открывались „перспективы“. Это были натянутыя на большія деревянныя рамы картины, писанныя красками. На одной изображались гора и рѣка, надъ горою за́мокъ и висячій мостъ, на мосту поѣздъ всадниковъ, въ шлемахъ и съ распущенными знаменами. На другой „перспективѣ„ виднѣлись море, корабли съ парусами, птицы, а надъ моремъ огненное солнце. На третьей—какой-то чародѣй, а кругомъ его чуда, грифы, кентавры и змѣи. На четвертой—городъ, точно Москва: съ церквами, теремами и башнями.

Царь остановился и со вниманіемъ сталъ разсматривать „перспективы“.

— Кто это все такъ хорошо и мудрено тутъ расписалъ?—спросилъ онъ.

— А вотъ кто—нашъ садовникъ,—отвѣтила домоправительница.

Царь оглянулся. Вправо, сначала незамѣченный за шпалерою кустовъ, показался, въ зеленой курткѣ и въ красной

вязаной шапочкѣ, съ лейкой и ножницами, старичокъ-иностранецъ. Онъ снялъ шапку, поклонился и продолжалъ поливать цвѣты.

— Откуда онъ?—спросилъ царь.

— Бояринъ нашъ выписалъ его изъ-за моря, какъ садъ строилъ. Никакъ нѣмецъ, или фряжанинъ. Вонъ и помощникъ его толмаченокъ. Тоже у насъ состоитъ.

Царь ласково подозвалъ садовника и мальчика, его ученика. Между заморскимъ садовникомъ и царемъ начался такой разговоръ:

— Ты кто?

— Гарлемскій садовникъ и аптекарскій ученикъ, Индерикъ Бартбусъ,—отвѣчалъ, переводя его слова, мальчикъ толмаченокъ.

— Давно ли ты тутъ?

— Девятый годъ.

— Много ли бояринъ тебѣ даетъ въ годъ оклада?

— За строеніе и урядъ сада пятьдесятъ рублевъ, да толмачу шесть, да одежда и кормъ.

— А ты еще что знаешь?

— Я, сударь, столяръ и огородный стройщикъ; перспективы я тоже ставилъ.

— А кромѣ Нѣметчины былъ ты еще гдѣ нибудь?

— Былъ у Флоренскаго князя, въ Италійской землѣ, и много тамъ дивъ видѣлъ: а такимъ дивамъ, сударь, въ Московіи и не бывать!

— Отчего же?

— Больно здѣсь лѣто коротко и зимы студены: надо зимою и кусты и деревья, какіе понѣжнѣе, обвертывать въ войлоки, а не то мерзнутъ.

— А какія же ты дива видѣлъ у Флоренскаго князя?—спросилъ царь.

— Дива хорошія-то, пожалуй, есть и у насъ на родинѣ, въ Гарлемѣ. Только мѣсто у насъ ужь больно плоское; а тамъ теплѣе и горы. Какъ тебѣ сказать? Видѣлъ я тамъ въ грунтѣ кедръ и кипарисъ, и лимоны плоды по дважды въ годъ зрѣютъ. Видѣлъ на княжескомъ дворѣ вода взведена сажени

съ четыре—фонтанъ прозывается,—въ саду вверхъ бьетъ тоже высоко. А о крещеніи жары тамъ великія! Яблоки и сливы въ тѣхъ краяхъ величествомъ по шапкѣ. А красоты въ садахъ не описать, нѣтъ-де тамъ ни зимы, ни снѣгу ни на одинъ мѣсяцъ. Да еще игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много. Такіе люди-кумиры изъ мрамора подѣланы въ садахъ, и иные сами играютъ, и никто ими не движетъ. А много и не описать. Кто не видѣлъ, тому и въ умъ не придетъ!

Царь слушалъ со вниманіемъ.

— Лѣто здѣсь больно коротко и зимы студены, продолжалъ Бартбусъ.—Ничто здѣсь хорошее не дозрѣваетъ: ни виноградъ, ни орѣхъ волоскій, ни яблонь-аркатъ, ничего въ прокъ нейдетъ. Кабы еще не здѣшняя боярышня, ужь такая-то любительница сада и цвѣтовъ! не дожилъ бы тутъ и уговоренныхъ годовъ. Такъ бы и ушелъ, не во гнѣвъ будь сказано боярской милости.

У царя чуть не сорвался при этомъ съ языка еще вопросъ, а именно о боярышнѣ. Онъ молча, со вздохомъ, окинулъ взоромъ пріютъ ея дѣвическихъ игръ и прогулокъ, дорожки, чердачки, смотрѣльню и тамъ и здѣсь размалеванныя перспективы.

— Благодарствуемъ тебѣ, Индерикъ Бартбусъ, и тебѣ, хозяйка! Мы люди близкіе къ царю и скажемъ ему, какія дива тутъ видали. А боярину кланяйтесь! Дворскіе, молъ кланяются.

Съ этими словами царь пошелъ обратно изъ саду.

— Какъ же, бояринъ, хоть въ боярскіе покои зайди посидѣть, сказала старуха:—да вотъ и кваску испей,—ишь ты, въ погребу-то позамѣшкались.

Царь подумалъ: „что же заходить? Вѣдь ее и мелькомъ и невзначай тамъ не увидишь. Забилась она, по обычаю, куда нибудь въ верхнюю горенку и не сойдетъ оттуда“.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ:—намъ пора ѣхать. Не осудите, что не заходили. Въ иное время заѣдемъ. А квасу дайте испить.

Отъ погреба показался съ ковшомъ слуга. Царь отпилъ, далъ напиться Хомякову, сѣлъ на коня, взялъ сокола и поѣхалъ.

— А коли бояринъ станетъ пытать, кто былъ, какъ отвѣчать?—спросила еще разъ вслѣдъ ему домоправительница.

— Скажи, матушка, что дворскіе, царевы были. А коли будетъ время, можетъ статься, и не впослѣднее заѣхали...

Старуха, облокотясь о перилы крыльца, долго слѣдила всадниковъ, не всходя по лѣстницѣ. Наконецъ, медленно и охая, взобралась она по ступенькамъ на вышку, въ боярышнину горницу, выслала всѣхъ дѣвушекъ, заперла дверь на ключъ и, разставивъ руки, сказала боярышнѣ, чуть не задыхаясь отъ волненія:

— Ну, свѣтикъ ты мой! А вѣдь я его спознала, видѣмши на выходѣ о Казанской: вѣдь это царь!

Боярышня вскрикнула и кинулась глядѣть къ окну.

Царь, между тѣмъ, спустился околицей къ мосту, переѣхалъ рѣку и на полянѣ подъ обрывомъ увидѣлъ остальныхъ охотниковъ. Они стояли кучкой, толкуя и недоумѣвая, куда могъ скрыться царь. Хомяковъ разсказалъ имъ, какъ соколъ окончательно взялъ цаплю и какъ его нашли въ саду. Всѣ поѣхали обратно къ Измайлову.

ИЗЪ РОМАНА

Вс. С. Соловьева

„КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА“.

Не красны царскія палаты въ селѣ Покровскомъ, но любилъ, бывало, покойный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ наѣзжать сюда и тѣшиться разными потѣхами.

Передъ палатами дворъ большой устроенъ, а на немъ отгорожено мѣсто для звѣриной травли. Кругомъ того мѣста скамьи для зрителей поставлены. Теперь эти скамьи просто ломятся, такъ много изъ Москвы наѣхало.

Бояре съ боярынями и боярышнями мѣста заняли, а тѣ люди, что помельче чиномъ, за ихъ спинами тѣснятся,—снѣгъ приминаютъ въ ожиданіи потѣхи.

Для государя съ приближенными его на крыльцѣ выставлены скамьи, покрытыя яркимъ сукномъ и парчею.

Къ загороженному для травли мѣсту ведетъ крытый, изъ досокъ сколоченный, переходецъ: по этому-то переходцу звѣрей выведутъ. Оттуда, съ той стороны, уже раздается дикій звѣриный ревъ, заставляющій вздрагивать женщинъ и подзадоривающій любопытство мужчинъ.

Ворота заперты. Никого больше во дворъ не пускаютъ, да и некуда—и безъ того давка страшная.

Вотъ на крыльцо наконецъ вышелъ молодой царь Алексѣй Михайловичъ съ бояриномъ Морозовымъ и толпой царедворцевъ.

Онъ ласково поклонился всѣмъ собравшимся и, весело разговаривая съ окружавшими, присѣлъ на свою скамью царскую.

Тучный сѣдовласый бояринъ, земно кланяясь царю, объявилъ, что все готово для начала потѣхи.

— Ладно, такъ пускай начинаютъ!—разслышала присмирѣвшая толпа звонкій, почти еще дѣтскій голосъ.

Гдѣ-то въ сѣняхъ, за досчатымъ переходомъ, послышался оглушительный ревъ, и черезъ мгновеніе передъ изумленными зрителями въ загороженномъ, но со всѣхъ сторонъ открытомъ для взоровъ мѣстѣ, показался левъ.

Женщины не стерпѣли и ахнули, многія такъ и совсѣмъ завизжали и стали прятаться за отцовскія и мужнины шубы.

„А ну какъ прыгнетъ черезъ загородку, да на насъ!“ думала каждая изъ нихъ.

Тоже навѣрное думали и многіе мужчины, но старались конечно казаться спокойными.

Левъ однако и не помышлялъ перепрыгивать черезъ перегородку: онъ стоялъ очень смирно на мѣстѣ, дрожа своимъ крѣпкимъ, огромнымъ тѣломъ и медленно встряхивая гривой. Передъ нимъ въ спокойной и непринужденной позѣ, съ длинной плетью въ рукѣ помѣстился его „хозяинъ“, привезшій его изъ Кизылбаша. Это былъ бойкій дѣтина стройнаго тѣлосложенія съ длинной, черной бородою. Онъ называлъ себя Ильюшкой Микотинымъ, но никто навѣрное не могъ сказать, кто онъ и откуда. Знали только, что привезъ онъ звѣря невиданнаго царю въ подарокъ, и царь такъ обрадовался, что наградилъ Микотина сукномъ на однорядку, да на кафтанъ и деньгами пожаловалъ ему три рубля съ полтиною. А затѣмъ онъ былъ оставленъ при львѣ и давались ему „кормъ и помѣщенье“.

— Можетъ и разбойникъ какой и душегубецъ,—говорили про Микотина,—да поневолѣ придется держать его—одинъ-де онъ умѣетъ со львомъ управляться. Левъ то, слышь, ему какъ малый ребенокъ покорствуетъ...

Вотъ и теперь—поглядѣлъ онъ нѣсколько мгновеній прямо въ глаза льву, дернулъ своей плеткой,—левъ тихонько зарычалъ и легъ передъ нимъ, положивъ прямо на снѣгъ свою громадную, мохнатую голову.

Микотинъ крикнулъ какое-то непонятное слово и тихо пошелъ, мѣрно шагая, вокругъ всей изгороди. Левъ послушно поползъ за нимъ. Зрители дивились не мало.

— Этакого-то звѣря страшеннаго—и приручилъ, гляди какъ!—премудрость!

Не долго, однако, тянулась львиная потѣха. Морозу было около 5 градусовъ и льва жалѣли. Его перевезли въ Покровское въ теплой клѣткѣ только для того, чтобы онъ показался царю и зрителямъ.

Главная потѣха была впереди—медвѣжья травля.

Когда льва увели за загородку, вышло нѣсколько человѣкъ охотниковъ. Ихъ выходъ былъ встрѣченъ громкимъ одобреніемъ со стороны зрителей. Эти охотники по всей Москвѣ славились. Имъ ужъ не въ первой приходилось выказывать чудеса ловкости, силы и смѣлости на медвѣжьей травлѣ. Всѣ они были одѣты въ короткіе кафтаны, высокіе сапоги и низкія мѣховыя шапки съ ушами. Вооруженіе ихъ состояло изъ рогатины или ножа. Они подошли ближе къ царскому крыльцу, поклонились царю и ждали кому изъ нихъ онъ назначитъ бороться со звѣремъ.

Алексѣй Михайловичъ приподнялся съ мѣста и весело кивнулъ имъ головою.

— Всѣ на лицо,—сказалъ царь,—и ты, старина, здѣсь, Богданъ Озорной!

Старикъ охотникъ, къ которому обратился царь, еще разъ поклонился въ поясъ и подтолкнулъ двухъ молодцовъ.

— А вотъ, батюшка государь, проговорилъ онъ густымъ басомъ,—привелъ сынковъ двухъ своихъ, Никифора да Якова, прикажи и имъ потѣшить твою царскую милость.

Два рослыхъ, здоровыхъ парня, переминаясь съ ноги на ногу, неловко стояли и поглядывали изподлобья, то и дѣло кланяясь.

— Не разъ приводилось мнѣ тѣшить государя батюшку, царя Михаила Ѳеодоровича,—продолжалъ Богданъ Озорной,—и милость я его государеву къ себѣ не разъ видѣлъ, а нонѣ вишь ты старость одолѣвать стала, да и рука вотъ десная, какъ въ позапрошломъ лѣтѣ помялъ ее мохнатый, что-то не ладно ходитъ. Такъ можетъ парни замѣсто меня теперь потѣшатъ твои царскія очи.

— Ладно!—сказалъ Алексѣй Михайловичъ;—который изъ нихъ старше-то? пусть онъ и начинаетъ, а мы посмотримъ...

Охотники, одинъ за другимъ, исчезли въ крытомъ переходѣ. На мѣстѣ травли остался только Никифоръ Озорной.

Онъ оглядѣлся—кругомъ стѣна, стѣна крѣпкая, ее не сломаешь, черезъ нее не перепрыгнешь въ случаѣ опасности. Но онъ не думалъ объ опасности, онъ спокойно ожидалъ противника и отошелъ на ту сторону круга, которая была какъ разъ противъ дверецъ крытаго перехода.

Прошло нѣсколько мгновеній, зрители притаили дыханіе.

На крыльцѣ царскомъ старые и молодые бояре сидѣли величаво—неподвижно.

Царь Алексѣй Михайловичъ нетерпѣливо, самъ не замѣчая того, слегка притопывалъ ногою и, не мигая, смотрѣлъ прямо на мѣсто травли.

Вотъ близко, совсѣмъ близко раздался глухой ревъ, дверцы распахнулись и громадный медвѣдь показался оттуда. Медленно качая головою и изумленно оглядываясь по сторонамъ, онъ очевидно сразу не могъ понять—гдѣ онъ и что̀ это дѣлается кругомъ него. Но вотъ его маленькіе, злобно горящіе глаза остановились на человѣкѣ, бывшемъ передъ нимъ въ такомъ близкомъ разстояніи. Медвѣдь дрогнулъ, грозно зарычалъ, поднялся на заднія лапы и—прямо пошелъ на человѣка.

Какъ будто электрическая искра пробѣжала между зрителями. Опять раздались женскія взвизгиванья, но уже никто не обращалъ на нихъ вниманія—всѣ глядѣли, раскрывъ рты и затаивъ дыханіе, на мѣсто травли.

Никифоръ Озорной быстро перекрестился, выставилъ впередъ рогатину, отставилъ ногу и, напрягшись всѣми мускулами, ждалъ противника. Медвѣдь былъ уже совсѣмъ передъ нимъ: неловкое движеніе, дрогнетъ рука, не хватитъ силы—и все пропало: звѣрь кинется на человѣка и начнетъ ломать его... Но Никифоръ не дрогнулъ, только глаза его странно, лихорадочно горѣли. Въ немъ самомъ проснулся звѣрь, проснулись злость и отвага. Ловкимъ движеніемъ онъ направилъ рогатину и сразу всадилъ ее въ грудь медвѣдя, между двумя передними лапами.

Радостный гулъ пронесся по двору.

Царь невольно привсталъ со своего мѣста и перекрестился.

Медвѣдь ревѣлъ отчаянно и напиралъ на охотника. Но тотъ стоялъ неподвижно, не дрогнувъ ни однимъ могучимъ членомъ, крѣпко держалъ рогатину у ноги своей тупымъ концомъ, а острый все глубже и глубже входилъ въ грудь звѣря. Кругомъ бѣлый снѣгъ уже начиналъ обагряться кровью, отъ которой шелъ легкій паръ въ морозномъ воздухѣ.

Медвѣдь еще продолжалъ стоять. Его ревъ раздавался все громче и громче, но теперь въ этомъ ревѣ слышались совсѣмъ новые звуки. Еще мигъ, еще одно неуловимое движеніе со стороны Никифора—и громадный звѣрь повалился всей своей тушей. Зрители закричали, заволновались. Теперь уже побѣда человѣка рѣшена, самое важное сдѣлано. Бой почти оконченъ, медвѣдь погибъ.

И дѣйствительно—медвѣдь погибъ и торжествующій Никифоръ Озорной, забрызганный алой, горячей кровью, съ поблѣднѣвшимъ, но счастливымъ лицомъ стоялъ передъ скамьею царской, и молодой царь говорилъ ему „спасибо“.

Побѣдителя охотника повели угощать виномъ и брагой; его ожидала царская награда: портище хорошаго сукна на кафтанъ цѣною въ два рубля.

А на дворѣ и на крыльцѣ царскомъ всѣ опять сидѣли и стояли неподвижно. Потѣха еще не кончилась. (Часть I, гл. I).

Когда вытащили мертваго звѣря и замели слѣды его крови, смѣшавшейся со снѣгомъ, дверца, на которую нетерпѣливо смотрѣли зрители, снова распахнулась. На мѣсто травли вышелъ новый охотникъ—старикъ небольшого роста, но плотный и очевидно необыкновенно сильный. Онъ былъ одѣтъ, какъ и его товарищи, въ короткій кафтанъ; изъ подъ мѣховой шапки выбивались пряди сѣдыхъ волосъ, небольшая сѣдая бородка торчала клиномъ; но въ выраженіи его благообразнаго лица сразу замѣчалось что-то странное.

Выйдя изъ дверцы, онъ остановился и потомъ обошелъ всю арену, одной рукой опираясь на свою рогатину, а другою ощупывая стѣну.

— Слѣпой, Слѣпой!—пробѣжало между зрителями.

Дѣйствительно, охотникъ этотъ былъ—Слѣпой,—таково было его прозвище, а прозвище такое дали ему потому, что онъ былъ слѣпъ на оба глаза. И между тѣмъ Слѣпой былъ однимъ изъ лучшихъ царскихъ охотниковъ. Не разъ, на удивленье всей Москвѣ, онъ бился съ медвѣдемъ и побѣждалъ его. Его кости однако испытали тяжесть лапъ медвѣжьихъ, но все же вотъ дожилъ онъ до старости и невредимъ остался.

Появленіе слѣпого на мѣстѣ травли было конечно самымъ интереснымъ зрѣлищемъ. На борьбу зрячаго охотника съ медвѣдемъ смотрѣли съ любопытствомъ, но не видѣли въ этой борьбѣ ничего особеннаго: такъ къ ней привыкли, да и сами охотники шли на медвѣдя какъ бы шутя и, побѣждая его, не считали это особеннымъ подвигомъ. А помнётъ медвѣдь— не бѣда, мало ли что бываетъ; совсѣмъ убьетъ, разорветъ въ клочья—ну что дѣлать, Божья воля, должно худой охотникъ, коли не съумѣлъ справиться со звѣремъ. Но со слѣпымъ выходило совсѣмъ другое дѣло—слѣпой человѣкъ не видитъ врага своего, ужаснаго врага, побѣдить котораго можно только вѣрно и мѣтко расчитаннымъ ударомъ.

Слѣпой, такъ же какъ и его предшественникъ, обойдя арену, остановился на противуположномъ концѣ. Онъ снялъ свою шапку,—выказывая при этомъ огромный красный рубецъ на лысомъ лбу,—подпряталъ длинныя, мѣховыя уши шапки да и опять надѣлъ ее на голову. Онъ не могъ закрывать своихъ ушей—ему нужно было чутко слушать: уши были его глазами.

Слѣпой стоялъ и ждалъ. И всѣ замѣтили, что онъ держитъ рогатину вовсе не такъ, какъ держалъ ее Никифоръ, а между тѣмъ всѣ хорошо знали, какимъ образомъ охотникъ долженъ встрѣчать медвѣдя.

Что же это такое? Неужели старикъ такъ и дастъ себя на растерзанье звѣрю? Звѣрь уже близко, вотъ у самой дверцы слышенъ ревъ его, вотъ онъ показался—медвѣдь огромный, больше перваго—вотъ онъ увидѣлъ противника, по обычаю поднялся на заднія лапы и идетъ на него.

Зрители замерли, даже не слышно женскихъ визговъ,

даже закутанныя фатою боярыни и боярышни не прячутся, а смотрятъ во всѣ глаза: слишкомъ уже страшно, слишкомъ любопытно!

Медвѣдь подходитъ къ слѣпому охотнику и вдругъ, въ одно мгновеніе ока, охотникъ дѣлаетъ прыжокъ и оказывается совсѣмъ въ другой сторонѣ арены. Зрители ахнули въ одинъ голосъ, даже медвѣдь остановился въ изумленіи, неуклюже поворотился и опять пошелъ на Слѣпого. Но и тутъ Слѣпой готовъ былъ его встрѣтить. Онъ уже держалъ рогатину, по всѣмъ правиламъ, прямо передъ собою. Онъ стоялъ неподвижно, немного склонивъ голову на правую сторону, очевидно всѣмъ существомъ своимъ прислушиваясь. Уже почти надъ самымъ ухомъ его раздается свирѣпое рычаніе. Крѣпкой рукой упираетъ онъ передъ собой рогатину и попадаетъ ею въ медвѣдя. Медвѣдь завопилъ,—но что это такое? должно быть старикъ все же не разсчиталъ удара:—одной лапой медвѣдь ударилъ его по плечу и вцѣпился въ него своими крѣпкими когтями. Старикъ даже слабо вскрикнулъ, пошатнулся подъ натискомъ медвѣжьей лапы и присѣлъ на землю.

На крыльцѣ царскомъ произошло движеніе.

Алексѣй Михайловичъ вскочилъ со своего мѣста и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Эй! скорѣе, кто нибудь на помощь къ Слѣпому—вѣдь звѣрь разорветъ его!

Но Слѣпой не потерялъ присутствія духа. Онъ былъ уже подъ медвѣдемъ; тотъ, разъяренный страшной болью отъ рогатины, которую чувствовалъ въ груди, наваливался на него всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ. Вдругъ Слѣпой, какъ-то весь согнувшись кольцомъ, извернулся и высвободился изъ-подъ медвѣдя. Быстрымъ движеніемъ выхватилъ онъ ножъ и по самую рукоятку всунулъ его въ горло звѣрю. Медвѣдь завопилъ, кровь такъ и хлынула у него изъ раны, онъ повалился и задергалъ могучими лапами. Слѣпой охотникъ, съ разодраннымъ рукавомъ кафтана и окровавленной шеей, стоялъ спокойно, высоко поднявъ голову; незрячіе, но открытые глаза его блестѣли на солнцѣ.

Неудержимые, радостные крики поднялись со всѣхъ сторонъ и долго не смолкали.

Царь велѣлъ подвести къ себѣ Слѣпого, велѣлъ осмотрѣть его рану и поскорѣй перевязать; распрашивалъ, гдѣ его помялъ медвѣдь, очень-ли больно?

— Пустое, батюшка государь, пустое, — повторялъ Слѣпой; — ужь ты не взыщи на мнѣ, старомъ, что чуть было предъ тобою не осрамился я нынѣ. Вѣстимо дѣло, это мнѣ не впервой — я его, гдѣ онъ и съ какой стороны, и какъ ко мнѣ подходитъ, не то что ушами, а даже и носомъ чую, а все же иной разъ и промахнешься. Ну, да и силы ужь не тѣ нонѣ стали. Прежде, бывало, какъ сунешь въ него, это, рогатину, такъ сразу и чувствуешь, что она прошла, куда ей слѣдуетъ...

— Да что́ ты тамъ толкуешь, — перебилъ его царь, — „силы нѣтъ“, нынѣ показалъ ты намъ, какая въ тебѣ сила! Коли бы не видѣлъ своими глазами, что́ ты такое сдѣлалъ, такъ и не повѣрилъ бы людямъ. Спасибо, старина, — за такую твою службу мы велимъ наградить тебя — а только вотъ что я скажу тебѣ: довольно, не выходи ты больше на травлю — не ровенъ часъ, а я не хочу, чтобы тебя звѣрь, да и на моихъ глазахъ, растерзалъ.

И царь, ласково и печально улыбаясь Слѣпому, будто тотъ могъ видѣть эту улыбку, положилъ ему на плечо свою женственно нѣжную и бѣлую, но уже крѣпкую руку.

Старикъ почувствовалъ царское прикосновенiе и дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ:

— Царь государь, на добромъ твоемъ словѣ тебѣ великое спасибо, но ужь дозволь ты мнѣ, пока силы хватаетъ, ходить на медвѣдя. Почитай что съ издѣтства охотничалъ, еще какъ глаза видѣли свѣтъ Божiй, а какъ наказалъ меня Господь слѣпотою, покрылъ тьмою кромѣшною очи мои, и то не оставилъ я своего дѣла. И нынѣ, какъ ни на есть, а привелось мнѣ потѣшить тебя, царя батюшку, такъ ужь и до конца живота своего мнѣ ходить надобно на медвѣдя... може мнѣ такъ написано и умереть подъ медвѣдемъ, а я только одно вѣдаю, что коли мнѣ запретъ будетъ отъ тебя, такъ я съ одной тоски помру.

— Ну, какъ знаешь, старикъ, какъ знаешь!—проговорилъ Алексѣй Михайловичъ и махнувъ рукою, чтобъ увели Слѣпого, сѣлъ на свое мѣсто. Всѣ окружавшіе замѣтили какъ словно туманомъ какимъ заволокло свѣтлое и радостное лицо юноши.

Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ неподвижно. На травлю выходили новые охотники и должны были появиться сразу три медвѣдя. Но эти охотники и эти медвѣди были уже не чета прежнимъ. Эти медвѣди были ручные и выводились они не для травли, не на смерть, а токмо на потѣху христіанскому люду. Охотники встрѣчали ихъ не рогатиной, а словомъ смѣшливымъ да прибаутками. По приказу этихъ охотниковъ медвѣди представляли: и какъ карлы ходятъ престарѣлые, и какъ хромой ногу таскаетъ, и какъ жена милаго мужа приголубливаетъ, и какъ малые ребята горохъ воруютъ и ползаютъ гдѣ сухо—на брюхѣ, а гдѣ мокро — на колѣняхъ, и много разнаго другого.

Эти медвѣди водку пили изъ стаканчиковъ и потомъ лапой утирались и кланялись православному люду,—а людъ православный заливался неудержимымъ хохотомъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ особенно любилъ такихъ ученыхъ медвѣдей, но теперь онъ на нихъ и не смотритъ. Сидитъ онъ опустивъ голову, и съ недоумѣніемъ, отводя глаза отъ потѣхи, поглядываютъ на него окружающіе и пристальнѣе всѣхъ поглядываетъ бояринъ Морозовъ.

„Что такое сталось съ государемъ? Все былъ веселъ и радошенъ, и такъ ли любопытно глядѣлъ на травлю—извѣстно какъ любитъ онъ эти забавы. Что это, Слѣпой что ли такъ огорчилъ его? У государя сердце больно мягкое, доброта въ немъ великая...“.

Но хоть и помялъ медвѣдь Слѣпого, да немного, и самъ Слѣпой, смывъ кровь съ плеча, да обвязавъ его мокрой тряпкой, теперь какъ ни въ чемъ не бывало пируетъ среди товарищей.

„Что бы такое это быть могло?—думаетъ бояринъ Морозовъ;—и уже не въ первой я это замѣчаю: все веселъ, веселъ—и вдругъ какъ туча черная найдетъ на него, глядитъ

совсѣмъ иначе. Не дай Богъ, уже не болѣсть ли какая съ нимъ, не испортилъ ли кто государя?"

— Что это ты, государь, золотой мой,—шепчетъ Морозовъ своему питомцу,—али, не дай Богъ, нездоровится тебѣ?

— Нѣтъ, я здоровъ. Чего это ты, Иванычъ?!—отвѣчаетъ царь и улыбается.

Но не весела и не радостна его улыбка, даже поблѣднѣли его румяныя щеки.

— Скучно, Иванычъ,—прибавляетъ царь и зѣваетъ, и потягивается,—все одно и тоже... эти медвѣжьи шутки! Пусть кто хочетъ остается, а мы поѣдемъ-ка въ Москву лучше!

Онъ встаетъ со своей парчевой скамьи и уходитъ съ крыльца въ хоромы.

Морозовъ, переглянувшись кой съ кѣмъ изъ окружающихъ, слѣдуетъ за государемъ. (Часть I, гл. II).

Во всю дорогу, до самой Москвы, не могъ развеселиться Алексѣй Михайловичъ. На всѣ разспросы Морозова онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, и что просто ему скучно стало.

— Да вотъ плохо ночью спалъ,—наконецъ объяснилъ онъ;— такъ можетъ отъ того и скучно: что-то сонъ клонитъ.

Онъ прислонился къ высокой ковровой спинкѣ саней и закрылъ глаза.

Морозовъ рѣшился оставить его въ покоѣ, хоть и сознавалъ, что сонъ — только придирка, что царю вовсе не спать хочется, а этими словами онъ желаетъ просто на просто отвязаться отъ его, Морозова, разспросовъ.

Такъ оно и было: не дремалъ, сидя съ закрытыми глазами, царь молодой.

„Что такое со мною? думалъ онъ. Да ничего, ничего,— просто скучно. И откуда скука такая берется? прежде ее не бывало..."

Онъ совсѣмъ переставалъ думать и только прислушивался къ скрипу снѣга подъ полозьями саней. Онъ только вдыхалъ въ себя чистый, морозный воздухъ, открывалъ глаза, мгно-

венно взглядывалъ на озаренную заходившимъ солнцемъ снѣжную поляну и опять закрывалъ ихъ, и слѣдилъ, какъ передъ закрытыми глазами мелькаютъ отраженія солнечнаго свѣта, какъ ходятъ золотые кружки, потомъ отливаютъ то синью, то зеленью, потомъ темнѣютъ, наконецъ исчезаютъ.

Что-то тихое, тихое и тоскливое наплываетъ на сердце, что-то звенитъ будто въ ушахъ, какія-то слова неясныя, не то пѣсня, не то музыка — и опять ничего, и опять все въ туманѣ.

Потомъ вдругъ мелькнутъ живо и ясно, хоть и на мгновенье, образы покойнаго отца, покойной матери—и расплывутся. Дрогнетъ сердце при воспоминаніи о недавней утратѣ, но новый неясный образъ, новое ощущеніе — жуткое, непонятное, встрепенется въ груди. Мелькнетъ какъ будто радость, какой никогда не бывало, ожиданіе чего-то необычайнаго и счастливаго, что близко, вотъ, вотъ сейчасъ будетъ... Но ничего этого нѣту... и снова тоска, снова скука.

Что, ужь и впрямь не болѣсть ли это лихая? Не испортилъ ли кто? Не вынулъ-ли лиходѣй какой царскаго слѣду? Не подкинулъ ли какую траву негодную на пути царскомъ? Нѣтъ! здоровъ, полонъ силы и свѣжести семнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ. Никто не испортилъ его. Нѣтъ у него лютыхъ вороговъ, нѣтъ въ немъ лихихъ болѣстей. То не болѣсти, а юность, и силы, и здоровье сказываются, и просятъ новой жизни, новаго счастья, и поютъ и шепчутъ сердцу, что есть какая-то страна заколдованная и что приспѣло время заглянуть въ страну эту. Вышелъ изъ дѣтства царь Алексѣй Михайловичъ, жить просится, хоть и самъ того не вѣдаетъ.

Да, прошли дѣтскіе годы и какъ прошли-то быстро, и сколько милаго, сколько свѣтлаго прошло съ ними! Какія перемѣны! Давно ли все это было? Давно ли никакой заботы, никакого горя, никакой темной мысли не зналъ счастливый мальчикъ.

Судьба все дала ему для счастливаго дѣтства: и отца добраго и мать нѣжную, и по сердцу разумнаго воспитателя, и къ ученью большія способности, и къ забавамъ не малую охоту. Не нарадовались, не наглядѣлись на свое дитятко царь

Михаилъ Θеодоровичъ съ царицею Евдокіею Лукьяновной. Глядя на него, разумнаго да добраго, да пригожаго—грезили они, что выростятъ его, найдутъ ему невѣсту по мыслямъ, будутъ радоваться на его счастье, няньчить внучатъ будутъ, а потомъ, въ мирной старости, отойдутъ въ лучшій міръ, устроивъ всѣ житейскія дѣла свои и успокоившись духомъ.

Но судьба рѣшила иначе. До срока—до времени скончался царь Михаилъ Θеодоровичъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовала за нимъ и царица Евдокія Лукьяновна. Государство Русское присягнуло шестнадцати-лѣтнему юношѣ. Алексѣй Михайловичъ, едва справясь со своимъ горемъ, едва осушивъ слезы на гробѣ добрыхъ родителей, увидѣлъ себя главою великаго царства.

Долго все было передъ нимъ какъ-бы въ туманѣ, долго ничего сообразить онъ не могъ, но сообразить нужно было, и онъ очнулся отъ своего горя и отъ своего изумленія, понялъ свое новое положеніе—и всѣ ближніе люди увидѣли въ немъ необычайную перемѣну. Вчерашній ребенокъ явился разумнымъ юношей и сразу выказалъ свои блестящія способности, и доказалъ всѣмъ, что учился онъ недаромъ и что разумные были у него наставники. Первый изъ нихъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, продолжалъ имѣть на него сильное вліяніе, продолжалъ быть самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ. Даже послѣ смерти царя и царицы эта связь еще болѣе окрѣпла. Борисъ Ивановичъ управлялъ теперь всѣми дѣлами, былъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Передъ нимъ всѣ должны были склоняться, сознавая, что силу его поколебать невозможно. Но самъ Борисъ Ивановичъ хорошо видѣлъ, что не можетъ онъ назвать себя самовластнымъ господиномъ. Какъ ни молодъ, какъ ни робокъ еще его воспитанникъ, а все же не дастъ себя въ обиду, не позволитъ вести дѣла по произволу. Въ каждомъ важномъ дѣлѣ отчета требуетъ, въ каждое важное дѣло своимъ юнымъ умомъ вникаетъ, всѣмъ интересуется, „добрый государь будетъ, добрый и разумный!“

И Борисъ Ивановичъ держитъ ухо востро, каждый шагъ свой обдумываетъ, чтобъ такъ или иначе не повредить себѣ,

чтобъ поддержать свою связь съ государемъ, чтобъ увеличить свое на него вліяніе.

„Сегодня все въ моихъ рукахъ,—разсуждаетъ про себя хитрый бояринъ,—но надо подумать и о завтрашнемъ днѣ!..“

И сильно онъ объ этомъ думаетъ. Думаетъ онъ и теперь, то и дѣло посматривая на Алексѣя Михайловича и раскидывая въ умѣ своемъ, что̀ бы значило его странное состояніе, которое ужъ не въ первый разъ онъ въ немъ замѣчаетъ. Сегодня особенно это въ глаза бросается. Медлить невозможно, нужно узнать въ чемъ дѣло и какъ помочь этому дѣлу! Нужно переговорить съ разумнымъ человѣкомъ, ибо умъ хорошо, а два—лучше. Разумный человѣкъ есть такой, думный дьякъ Назаръ Чистой, бывшій купецъ ярославскій, но теперь видную роль играющій въ дѣлахъ государственныхъ и во дворцѣ царскомъ.

Молодой царь любитъ Чистого, хоть если бы заглянулъ онъ въ душу его лукавую, то разлюбилъ бы. Но душа — невидимка, а на лицѣ думнаго дьяка такое ясное веселье, такая радушная доброта написаны. Такъ умѣетъ онъ разумной и веселой рѣчью развлечь государя, заинтересовать его. Такъ забавно разсказываетъ онъ ему всякія любопытныя исторіи.

Чистой теперь ѣдетъ съ двумя боярами за санями государя. Вотъ они въѣхали въ Москву, проѣхали по люднымъ, народомъ кишащимъ улицамъ, въ кремль, въѣхали и остановились передъ царскими палатами.

Царь Алексѣй Михайловичъ открылъ глаза, равнодушно взглянулъ на свое царское жилище и, поддерживаемый Морозовымъ, вышелъ изъ саней. У крыльца и въ сѣняхъ его ожидали царедворцы. Ожидали они его милостиваго и ласковаго слова, его разсказа о медвѣжьей потѣхѣ, которую всегда такъ любилъ онъ.

Но на этотъ разъ царь молчалъ и только замѣтилъ, что проголодался и что не худо было бы поторопить съ ужиномъ.

— А пока я пройду къ сестрамъ,—сказалъ онъ боярину Морозову. (Часть I, гл. III).

Въ послѣднее время онъ довольно рѣдко посѣщалъ женскіе хоромы: слишкомъ много было дѣла. Онъ продолжалъ еще и науками заниматься, и интересовался всѣми дѣлами государственными, засѣдалъ съ боярами. Къ тому же его и не тянуло особенно на женскую половину дворца. Связь съ нею рушилась со времени смерти матери, да можетъ быть въ царѣ говорило и молодое самолюбіе: хотѣлось показать, что онъ ужь человѣкъ взрослый, что ему не слѣдъ и не охота проводить время съ бабами.

Но теперь ему захотѣлось въ теремъ, и шелъ онъ по дворцовымъ корридорчикамъ и разнообразнымъ палатамъ, то поднимаясь на нѣсколько ступенекъ, то спускаясь внизъ, шелъ онъ и представлялось ему, какъ, бывало, спѣшилъ онъ по этой дорогѣ къ матери, какъ она встрѣчала его лаской и поцѣлуями, какъ всегда у ней готовы были для него всякія сласти и угощенія. Невольныя слезинки показались въ глазахъ его.

Вотъ онъ и въ теремѣ. Въ тепло натопленной горницѣ, съ украшенной хитро росписанными изразцами печью и лежанкой, сидятъ его сестры за работою. Кругомъ ихъ больше дюжины молодыхъ дѣвушекъ, а на лежанкѣ старая сказочница, уже много лѣтъ проживающая въ царскомъ теремѣ и забавляющая его обитательницъ своими розсказнями. Она сидитъ, поджавъ старыя ноги, на теплой лежанкѣ и тянетъ что-то дребезжащимъ голосомъ. Царевны и ихъ подруги внимательно слушаютъ.

Алексѣй Михайловичъ остановился у порога.

Сотни разъ слышалъ онъ эту сказку и наизустъ ее знаетъ; точно также знаютъ ее и теперешнія слушательницы. Но имъ интересно слѣдить за разсказомъ...

О, какъ все это знакомо молодому царю, вся эта горница, каждая въ ней вещица!

Вотъ спокойное, затѣйливое креслице, которое лѣтъ десять назадъ государь Михаилъ Ѳеодоровичъ подарилъ своей супругѣ. Теперь сидитъ на немъ царевна Татьяна.

Она первая увидѣла брата и встала ему навстрѣчу.

Между молодыми дѣвушками произошло движеніе; нѣко-

торыя изъ нихъ прикрыли свое лицо фатою, а другія и такъ остались—онѣ еще не успѣли примириться съ мыслью, что Алёша—царь, онѣ все еще называли его промежъ себя Алёшей и передъ нимъ не чинились.

— Что такъ рано, братецъ?—сказала царевна Татьяна, здороваясь и цѣлуясь съ царемъ.—Мы думали, ты сегодня и не вернешься изъ Покровскаго... ну что — хороша была потѣха?

— Хороша,—отвѣтилъ царь,—а все-таки скучно: все одно и тоже!

— Да оно точно,—замѣтила другая царевна, Ирина,—для тебя можетъ и скучно—ты этихъ потѣхъ довольно навидался, а вотъ мы такъ въ кои-то вѣки увидимъ, намъ все и вновѣ, все забавно.

— А коли забавно,—сказалъ Алексѣй,—такъ отчего же вы, сестрицы, не поѣхали? я вамъ въ этомъ не препятствую и ничего тутъ не вижу зазорнаго.

— Нѣтъ, государь батюшка, не говори ты такъ царевнамъ;—медленно и съ достоинствомъ замѣтила старая боярыня, входя въ горницу;—негоже царевнамъ часто показываться передъ народомъ. А вотъ коли будетъ твоя милость, такъ прикажи въ Покровскомъ, какъ затѣется опять травля, у крылечка такое мѣсто загороженное, укромное сдѣлать, чтобъ можно было въ немъ отъ всякихъ взоровъ людскихъ укрыться, тогда и сестрицы твои посмотрятъ на забаву. Ужь ты не взыщи на моихъ словахъ, государь. Великій тебѣ разумъ далъ Господь, а все-же годочковъ тебѣ еще мало, многаго ты еще не различаешь, такъ нечего сестрицъ смущать. Намъ, старухамъ, про то надлежитъ вѣдать, что для нихъ зазорно и что не зазорно.

Боярыня сжала губы, укоризненно покачала головою и плавною походкой опять вышла изъ горницы.

Алексѣй усмѣхнулся ей вслѣдъ и махнулъ рукою. Молодыя боярышни лукаво перемигнулись.

— Ну, разсказывай, братецъ, все по-ряду, какъ и что было?—стали приставать къ нему сестры.

Онъ началъ разсказывать, но на этотъ разъ какъ-то не-

охотно. Его мысли были далеко, а гдѣ—онъ и самъ не вѣдалъ. (Часть I, гл, IV).

. . . .

Между тѣмъ уже давно стемнѣло. Вокругъ дворца было тихо, впрочемъ и вообще-то, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ, здѣсь соблюдалась, по возможности, тишина. Лошади и экипажи не должны были подъѣзжать къ крыльцу, а останавливались на довольно значительномъ разстояніи, и всѣ люди, имѣвшіе доступъ во дворецъ, приближались къ нему пѣшкомъ и снявъ шапки. Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди имѣли право входить въ „верхъ", т. е. въ жилыя хоромы государя. Здѣсь они обыкновенно дожидались въ „передней". Эта „передняя" была завѣтною мечтою очень многихъ родовитыхъ и заслуженныхъ людей, которые нерѣдко били челомъ государю, униженно моля его за ихъ и родительскія службишки наградить ихъ—дозволить быть въ „передней".

Люди же не столь близкіе къ особѣ государя: стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе начальники и дьяки—не смѣли и помыслить о „верхѣ" и „передней". Они собирались на „постельномъ крыльцѣ", гдѣ постоянно была изрядная толкотня и рѣдкій день обходился безъ какой-нибудь крупной ссоры, разбирать которую приходилось часто самому государю.

Теперь однако, благодаря вечернему часу, „постельное крыльцо" было почти пусто; на немъ виднѣлись только три, четыре фигуры, мѣрно расхаживавшія въ полумракѣ. Это были старые дворяне, имѣвшіе обычай толкаться у дворца до тѣхъ поръ, пока ихъ не попросятъ удалиться. Они хорошо знали, что никакой выгоды не получатъ отъ этого снованія взадъ и впередъ по крыльцу „постельному"; но каждый все же держалъ въ мысляхъ: а вдругъ, не ровенъ часъ, его и замѣтятъ да и пожалуютъ; а не то, такъ все же придется новость какую-нибудь интересную услышать, которую можно будетъ потомъ разнести по городу со всевозможными прикрасами. И они ждутъ часъ за часомъ, почтительно пропуская мимо себя счастливцевъ, отправляющихся въ „верхъ",

переговариваются съ дворцовою прислугою, слѣдятъ за смѣняющимся карауломъ, всюду во дворцѣ разставленнымъ, голодаютъ и дрожатъ отъ холода.

Зимняя ночь уже совсѣмъ наступила. Мракомъ закуталось причудливое дворцовое зданіе со своими богатыми парадными *палатами.* Полоса яркаго свѣта блеснула съ лѣстницы, ведшей въ государевы покои. Туда, туда бы пробраться, хоть глазкомъ однимъ взглянуть, что̀ тамъ творится! Но лѣстница заперта мѣдною, золоченою рѣшеткой.

Небольшія, уютныя хоромы царя освѣщены восковыми свѣчами, вставленными въ стѣнные подсвѣчники. Хоромы эти блестятъ новизною—они *наряжены* недавно покойнымъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, которому такъ и не привелось пожить въ нихъ. Стѣны и потолки обшиты краснымъ тесомъ и изукрашены тонкой столярной рѣзьбой, а нѣкоторые обвѣшаны яркими сукнами, атласами и парчею. Полъ устланъ мягкими, восточными коврами, а въ сѣняхъ и корридорчикахъ полъ расписанъ красками въ шахматахъ и подъ мраморъ. Маленькія, по большей еще части слюдяныя, окошки, красиво расписаны, но теперь ихъ не видно, такъ какъ время зимнее, морозное и съ наступленіемъ вечера закрыты они изнутри втулками теплыми, стегаными. По угламъ хоромъ жарко натопленныя печи изразцовыя: синія и зеленыя, нѣкоторыя изъ нихъ четырехъ-угольныя, другія круглыя. Всѣ онѣ снизу до верху по изразцамъ расписаны травами, цвѣтами, людьми, животными и разнымъ узорочьемъ. На стѣнахъ развѣшаны листы *фряжскіе* (гравюры) и *парсуны* (портреты царскіе). Кругомъ стѣнъ разставлены, одна возлѣ другой, лавки, покрытыя шелковыми стегаными матрасиками. Кой-гдѣ видны между лавокъ нѣмецкіе и польскіе столы съ кривыми рѣзными ножками на львиныхъ лапахъ: всѣ они хитро разрисованы по золоту и серебру.

Обширнѣе всѣхъ покоевъ *Передняя*, да находящаяся рядомъ съ нею *Комната*, то есть, по нынѣшнему, кабинетъ царя. Въ Передней, въ углу, большое, обтянутое парчею кресло на возвышеніи—это *царское мѣсто.* Въ Комнатѣ, въ переднемъ углу подъ образами, тоже большое кресло, но не на возвы-

шеніи; передъ кресломъ столъ письменный большого размѣра. покрытый тонкимъ, алымъ сукномъ съ золотою бахрамою. На столѣ: часы заморской работы, изображающіе рыцаря въ полномъ вооруженіи, серебряная чернильница съ песочницею и трубою, гдѣ перья мочить. Вокругъ чернильницы разложены: перья лебяжьи, серебряный свистокъ съ финифтью, замѣняющій колокольчикъ, перочинный ножикъ, карандаши въ серебряной оправѣ, зубочистка и уховертка. Далѣе—клеельница съ клеемъ: это вещь очень необходимая, такъ какъ бумага въ то время рѣзалась на столбцы, которые, по написаніи, подклеивались одинъ подъ другой. Потомъ, тутъ же на столѣ, „книга уложенная", то есть „Уложеніе". Книга эта довольно истрепана отъ частаго употребленія покойнымъ государемъ и уже хорошо знакома молодому царю Алексѣю Михайловичу. Возлѣ письменнаго стола другой маленькій столъ съ шахматной доской и костянымъ шахматнымъ ящикомъ. По стѣнамъ Комнаты, гдѣ нѣтъ лавокъ, поставцы съ полками и выдвижными ящиками; тутъ хранятся бумаги, письма и любимыя вещи царя. его нарядныя платья, драгоцѣнныя издѣлія золотыя, иноземная монета. Кромѣ того въ Комнатѣ большая книгохранительница со многими книгами, главнымъ образомъ духовнаго содержанія, да нѣсколько длинныхъ висячихъ полокъ съ золотою и серебряною посудою иноземной работы. Посуда эта—по большей части дары иностранныхъ государей и пословъ. И какихъ, какихъ фигуръ тутъ нѣту! вотъ *нѣмка* золоченая серебряная: держитъ она въ рукахъ сосудецъ съ крышкою; другая *нѣмка* съ лоханкою въ рукахъ; третья съ ведромъ; кубокъ золотой въ видѣ крылатаго змѣя, росписанъ весь финифтью, а глава змѣина—изумрудъ большой, въ глазахъ яхонтъ, а во рту держитъ змѣй голову человѣчью. Вотъ медвѣдь, вотъ слонъ, корабликъ на колесахъ; и не перечесть всѣхъ фигуръ затѣйливыхъ. Любитъ Алексѣй Михайловичъ, оставшись одинъ въ Комнатѣ и утомившись отъ занятій, разглядывать эти фигуры. Снимаетъ онъ ихъ осторожно съ полокъ, вертитъ во всѣ стороны, любуется хитрою работой, а заслышитъ шаги чьи, тотчасъ же поставитъ фигуры на полку и зардѣется румянцемъ,

боится—скажутъ: „царь еще малолѣтокъ, игрушками, гляди, занимается!“ Да ужъ хитры больно и занятны игрушки-то эти!

Въ этой же царской Комнатѣ накрытъ теперь небольшой столъ для ужина. Царь очень часто даже и обѣдаетъ здѣсь съ двумя, тремя изъ людей самыхъ близкихъ. Въ Передней давно его дожидаются: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, Назаръ Чистой да князь Прозоровскій.

Показался наконецъ Алексѣй Михайловичъ, все въ томъ же смущенномъ и возбужденномъ состояніи духа, въ какомъ вышелъ изъ сестриныхъ хоромъ.

— Не взыщите, задержалъ васъ, сказалъ онъ, обращаясь къ присутствовавшимъ;—чай проголодались, да и самому ѣсть хочется—пойдемте!

Морозовъ подалъ знакъ дежурному стольнику, чтобы подавали ужинъ—и всѣ вошли въ Комнату. Алексѣй Михайловичъ, еще не подходя къ столу, приблизился къ иконамъ и, опустившись на колѣни, набожно крестясь и кладя земные поклоны, громко произнесъ молитву, слова которой за нимъ повторили и Морозовъ съ товарищами. Потомъ чинно приблизился къ столу, перекрестилъ свой приборъ и сѣлъ на лавку.

Не смотря на почти еще дѣтскіе годы, Алексѣй Михайловичъ уже выказывалъ многія черты характера и привычки, которыя впослѣдствіи развились въ немъ и всегда его отличали. Такъ, онъ ужь и теперь удивлялъ приближенныхъ необыкновеннымъ своимъ благочестіемъ и неизмѣнной аккуратностью. Никакія забавы, никакое утомленіе не могли отвлечь его отъ молитвы и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ отступалъ онъ отъ разъ заведеннаго и утвержденнаго покойными родителями порядка своей повседневной жизни. Никогда не позволялъ онъ себѣ излишества въ пищѣ и питьѣ, строго соблюдалъ всѣ посты, да и во дни скоромные кушалъ очень умѣренно и самыя простыя яства. И теперь стольникъ поставилъ передъ нимъ: кусокъ ржаного хлѣба съ солью, тарелку съ солеными грибами и огурцомъ и маленькую жареную рыбу. Но прежде чѣмъ царь прикоснулся ко всему этому, подошелъ кравчій и отвѣдалъ всего по кусочку. Безъ

этой церемоніи, по издавна заведенному обычаю, царь не могъ приступить къ ѣдѣ. Необходимо требовалось очевидное доказательство, что въ кушанье не было подмѣшано никакой отравы или зелья.

Вслѣдъ за кушаньями государя стали вносить множество блюдъ. Тутъ были: всевозможные пироги, заливныя, разныя тѣльныя, а потомъ и похлебки. Государь равнодушно взглядывалъ на каждое изъ этихъ кушаньевъ и приказывалъ ставить ихъ то передъ бояриномъ Морозовымъ, то передъ Назаромъ Чистымъ, то передъ княземъ Прозоровскимъ. Большинство же блюдъ уносилось нетронутыми и поступало въ распоряженіе дворцовой челяди. Ужинъ продолжался въ глубочайшемъ молчаніи; но вотъ государь насытился и подалъ знакъ стоявшему за нимъ чашнику.

— Государь великій, чего твоей милости угодно?—проговорилъ чашникъ.

— А дай-ка мнѣ кваску, да меду сладкаго,—сказалъ Алексѣй Михайловичъ.

Чашникъ засуетился, налилъ изъ двухъ кубковъ, съ квасомъ и медомъ—немного въ ковшъ, самъ попробовалъ, а кубки поставилъ передъ государемъ. Собесѣдники же царскіе прихлебывали въ это время старое заморское вино и то и дѣло повторяли: „за здравіе твое, государь!“ (Часть I, гл. V).

Простясь съ Прозоровскимъ, Алексѣй Михайловичъ прошелъ въ *Крестовую*, или моленную, сопровождаемый своими неизмѣнными спутниками: Морозовымъ и Чистымъ. Очередной священникъ давно ужь поджидалъ государя въ Крестовой и, только что взошелъ онъ, началъ привычнымъ, однозвучнымъ голосомъ читать вечернія молитвы.

Алексѣй Михайловичъ, пройдя на свое постоянное мѣсто, сейчасъ-же сталъ класть земные поклоны и долго потомъ стоялъ на колѣняхъ на небольшой *поклонной колодочкѣ*, то есть низенькой скамейкѣ, обитой узорчатымъ, восточнымъ бархатомъ и обшитой позументомъ. Никогда никакое утомленіе или разнообразіе дневныхъ впечатлѣній не мѣшало ему про-

водить, передъ отходомъ ко сну, около часу въ Крестовой. Онъ неустанно и благоговѣйно слушалъ молитвы и чтеніе *Златоструя*—сборника учительныхъ словъ, расположенныхъ по днямъ года.

Онъ почти всегда умѣлъ въ этотъ тихій вечерній часъ отдаляться отъ всѣхъ земныхъ помысловъ и находить неизъяснимое блаженство въ горячей молитвѣ. Но теперь что-то мѣшало ему молиться, какъ мѣшало и весь день заниматься обычнымъ дѣломъ. Какъ утромъ любимая забава вдругъ показалась ему скучною, такъ и теперь онъ не могъ вникнуть въ смыслъ словъ, произносимыхъ священникомъ...

~~~~~~~~~~

Устали и дрожатъ колѣни царя молодого, и поднимается онъ съ бархатной скамейки, и переминается съ ноги на ногу, и всѣ силы напрягаетъ, чтобы вслушаться въ слова молитвы. Но слова эти по прежнему, одно за другимъ, мѣрно звучатъ и исчезаютъ. Царь на лету ловитъ нѣкоторыя изъ нихъ невольно повторяетъ — и забываетъ тотчасъ же. Его рука привычнымъ движеніемъ творитъ крестное знаменіе, а взоры опять бродятъ, и останавливаются на богатыхъ золотыхъ ковчежцахъ, разставленныхъ въ углахъ у самаго иконостаса и по всѣмъ стѣнамъ Крестовой. Въ этихъ ковчежцахъ хранятся: смирна, ливанъ, мѣра Гроба Господня, свѣчи воску яраго, выкрашенныя зеленою краскою и перевитыя сусальнымъ золотомъ. Свѣчи эти были зажжены отъ огня небеснаго въ Іерусалимѣ, въ день Пасхи и погашены вскорѣ, чтобы хранить ихъ какъ святыню. Тутъ-же: части мощей, часть камня, павшаго съ неба, камень отъ Голгофы, отъ столпа, у коего Христосъ мучимъ былъ, отъ того мѣста, гдѣ Онъ молился и говорилъ: „Отче нашъ!“, отъ Гроба Господня, песокъ рѣки Іорданской, часть отъ дуба Мамврійскаго, финики съ того мѣста, гдѣ былъ Моисеевъ жезлъ—и многое множество святыни, присланной въ разныя времена патріархами, и поднесенной царю русскими богомольцами. Рядомъ съ ковчежцами поставлены: пузырьки со святою водою и чудотворными монастырскими медами, восковые сосудцы съ водой рѣки Іордана.
~~~~~~~~~~

Бывало Алексѣй Михайловичъ и въ неурочные часы дня пробирается тихо въ Крестовую и съ великимъ благоговѣніемъ оглядываетъ всю эту святыню, и жарко молится, и прикладывается къ ней устами, а въ мысляхъ одинъ за другимъ проходятъ святые образы, сказанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Вспоминаются ему чудные разсказы богомольцевъ, мечтаетъ онъ какъ поѣдетъ ко Святымъ мѣстамъ, какъ самъ зажжетъ свѣчу отъ огня небеснаго. Но теперь всѣ эти ковчежцы ничего не говорятъ его сердцу, а между тѣмъ бьется и трепещетъ сердце. И опять то смутное и невѣдомое чувство, которое весь день его преслѣдуетъ, опять ростетъ оно въ немъ!

„Помилуй мя, Господи; Господи помилуй!"—шепчетъ Алексѣй Михайловичъ, содрогаясь;—„что это со мною, бѣсъ меня искушаетъ... и гдѣ же, когда, въ какомъ мѣстѣ!.."

Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу государя; со страхомъ оглядывается онъ, словно думаетъ увидѣть за собою бѣса искусителя. Но все тихо и мирно въ Крестовой. По прежнему льютъ свой теплый, неугасимый свѣтъ лампады. Набожно кладутъ земные поклоны Морозовъ и Чистóй въ уголку, у входной двери. И также мѣрно звучатъ непонятныя ему теперь слова священника. Легкій дымокъ душистаго ладана ходитъ по Крестовой и пробирается сѣроватыми струйками по верхамъ лампадокъ, къ самому иконостасу, и еще больше туманитъ святые лики.

Вотъ и опять нѣтъ ничего—исчезаютъ всѣ предметы, откуда-то, издалека словно звонъ доносится. Что-то бѣлое встаетъ изъ тумана,—какой-то образъ... И онъ яснѣетъ, и передъ юношей нѣжный, розовый обликъ: длинныя рѣсницы глазъ опущенныхъ, толстая коса дѣвичья, соскользнувшая съ плечъ и упавшая на полъ... Полныя, круглыя плечи въ дымчатыхъ складкахъ фаты прозрачной...

~~~~~~

„Государь!" раздается надъ самымъ ухомъ Алексѣя Михайловича.

Онъ очнулся—передъ нимъ Морозовъ, зорко и пытливо глядитъ на него.
~~~~~~

Вечернія молитвы кончены, слово Златоструя прочитано. Священникъ закрываетъ книгу—тихо щелкаютъ серебряныя застежки.

Алексѣй Михайловичъ, съ пылающей головой, съ холодными, дрожащими руками, идетъ приложиться къ иконамъ и не смѣетъ поднять очей на святые лики. Боится онъ прочесть въ нихъ гнѣвъ и укоризну. (Часть I. гл. VI).

Борисъ Ивановичъ Морозовъ, какъ бывшій дядька царя и самый приближенный къ нему бояринъ, рѣшилъ въ совѣтѣ съ другими боярами, что молодому царю пора жениться. Надо было по старинному русскому обычаю созвать со всего государства боярышенъ красавицъ, чтобы Государь могъ самъ выбрать себѣ невѣсту. Съ этою цѣлью посланъ былъ бояринъ Пушкинъ. На пути своемъ онъ заѣхалъ въ Касимовъ.

Неподалеку отъ Касимова въ своемъ имѣніи жилъ всѣми уважаемый за разумъ свой, за хорошо веденное хозяйство, за прежнія военныя заслуги Рафъ Родивоновичъ Всеволодскій. Дѣтей у него было двое—сынъ Андрей и дочь Евфимія. Бояринъ Пушкинъ увидалъ ее и былъ пораженъ необыкновенной ея красотой.

Ей только что шестнадцать лѣтъ исполнилось; но она была уже совсѣмъ развившаяся, стройная и высокая дѣвушка. Каждому было любо глядѣть на лицо ея бѣлое да румяное, вѣчно озаренное беззаботной улыбкой; каждому какъ-то свѣтлѣе на душѣ становилось отъ взгляда ея глазъ, глубокихъ и нѣжныхъ, окаймленныхъ длинными, темными рѣсницами. Но еще краше, еще милѣе дѣлалась Фима, когда звонкій, дѣтскій смѣхъ оживлялъ все существо ея. А смѣялась она часто, потому что вся жизнь ея была полна радости и веселья. Не смотря на стыдливый румянецъ, порою вспыхивавшій уже на щекахъ ея, не смотря на густую свѣтлорусую косу по колѣна, да на высокую грудь дѣвичью—Фима во многомъ была еще совсѣмъ ребенкомъ. Для нея еще не начался тотъ періодъ жизни, когда весь міръ представляется совсѣмъ не такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, а то безпричинно грустнымъ, то безпричинно блаженнымъ.

Фима просыпалась каждое утро съ ощущеніемъ свѣжести,

силы и неопредѣленнаго, но добраго и широкаго чувства, которое сейчасъ-же и выражалось въ ея смѣхѣ, въ ея ласкахъ, расточаемыхъ ею всѣмъ, начиная съ отца, матери, старой няни Пафнутьевны и кончая послѣдней дворовой собакой. Если время было лѣтнее и погожее—Фима бѣжала въ поле, въ лѣсъ, за васильками, за грибами и ягодами. Ея ноги не знали устали, она не могла успокоиться пока не обѣгаетъ всѣхъ отцовскихъ владѣній. На каждомъ шагу новый предметъ для ея наблюденій и радости—то новое птичье гнѣздышко, то поспѣвшія ягоды, которыя вчера еще были совсѣмъ зелеными, то невиданная, диковинная букашка. Бродитъ себѣ Фима, оглашая лѣсъ звонкой пѣсnью, а то вдругъ остановится, долго глядитъ вокругъ себя — и даже всплеснетъ руками: такъ все чудно, такъ благодатно устроено Господомъ Богомъ... Подругъ у Фимы не было, но было два добрыхъ товарища: братъ Андрей да Митя Сухановъ. Росли они вмѣстѣ, вмѣстѣ и забавлялись. Лѣтомъ еще мальчики отъ нея какъ-то отбивались—у нихъ были свои потѣхи: рыбная ловля, всякая охота лѣсная; но за то зимою Фима почти не разставалась съ ними. Митя дѣлалъ для нея салазки, каталъ ее съ горы ледяной, а по вечерамъ забирались они къ Пафнутьевнѣ на теплую лежанку и старуха сказывала имъ сказки. Это было самое блаженное время для Фимы—ждетъ не дождется она вечера. Въ теплѣ и полусвѣтѣ, среди тишины невозмутимой, пестрыя, причудливыя картины выростаютъ и захватываютъ Фиму въ заколдованный міръ свой. Кончены сказки, она уже въ мягкой постели, но міръ этотъ продолжаетъ жить вокругъ и часто преслѣдуетъ ее и въ ночныхъ грезахъ... Проходили годы, выростала Фима; но все еще медлило оставлять ее дѣтство, хоть порою она и начинала чувствовать что-то новое, какіе-то неясные вопросы. А между тѣмъ сосѣди стали почитать ее невѣстой.

. . .

Пушкинъ сейчасъ-же вписалъ ее въ число невѣстъ и родители боярышни, конечно, съ радостью согласились везти ее на царскій смотръ въ Москву.

Рафъ Родивонычъ еще и по дрогой причинѣ радъ былъ ѣхать въ Москву. Онъ хотѣлъ искать у царя защиты, которой не могъ найти у мѣстнаго воеводы, Обручева, человѣка недостойнаго и несправедливаго. Незадолго передъ тѣмъ боярина Всеволодскаго ограбили разбойники подъ предводительствомъ Осипы. Этотъ грабежъ былъ дѣломъ мести. Осипа, прикащикъ одного князя, разбогатѣлъ и вышелъ въ люди, плѣнился дочерью Рафа Родивоныча, Фимой, и, не смотря на свое худородство, посватался къ ней. Оскорбленный бояринъ отвѣтилъ ему на это пощечиной.

Тогда Осипа подговорилъ, подпоивъ ихъ спачала, разныхъ бродягъ и напалъ съ ними на усадьбу Всеволодскаго, чтобы ограбить его и завладѣть Фимой. Но это не удалось ему, потому что молодой дворянинъ Димитрій Сухановъ, сосѣдъ Всеволодскаго и другъ дѣтства его дѣтей, спасъ Фиму и, съ помощью своихъ дворовыхъ, всѣхъ родныхъ ея. Молодой Сухановъ самъ любилъ Фиму и надѣялся на ея взаимность; Рафъ Родивонычъ и жена его замѣчали намѣренія Суханова и не прочь были отдать за него Фиму. Но случилось такъ, что въ тотъ день, когда Сухановъ объяснился въ своихъ чувствахъ молодой дѣвушкѣ и получилъ согласіе ея матери, пріѣхалъ бояринъ Пушкинъ и уговорилъ Рафа Родивоныча ѣхать съ Фимой въ Москву прежде, чѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ испросить благословеніе Всеволодскаго на бракъ съ его дочерью. Конечно объ этомъ не могло быть больше и рѣчи, но у Суханова оставалась надежда, что быть можетъ царь и не выберетъ любимую имъ дѣвушку.

То же самое, что происходило въ Касимовѣ по случаю выбора царскихъ невѣстъ, то началось теперь и въ Москвѣ, только въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ. Всѣ страсти расходились, интриги кипѣли. Двѣсти дѣвушекъ въ сборѣ; изъ нихъ нужно отобрать шесть самыхъ красивыхъ и представить ихъ государю. Прежде всего возникаетъ вопросъ: кого изъ бояръ царь назначитъ для такого дѣла, отъ кого будетъ зависѣть признать такую-то дѣвицу красивѣйшей, или объявить ее негодной для царскаго выбора. Значитъ нужно понравиться не государю, а судьямъ. Да и не понравиться—на красоту тутъ навѣрно будутъ обращать меньше всего вниманія. Выберутъ своихъ же дочекъ, а не дочекъ, такъ родственницъ, а то такъ дочерей своихъ благопріятелей. Дѣло не въ первой, дѣло извѣстное.

Кто же эти судьи?

На вопросъ этотъ отвѣтъ былъ ясенъ.

Конечно самые близкіе къ государю люди и, прежде всѣхъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

Морозовъ опять распорядится всѣмъ по своему. Отъ него только, отъ него одного будетъ зависѣть выборъ невѣстъ. Другіе судьи замолчатъ передъ нимъ, спорить не станутъ. Да онъ и не допуститъ рядомъ съ собою спорщиковъ, онъ будетъ судить вмѣстѣ со своими товарищами, единомышленниками.

И никогда еще не было такой ненависти къ Морозову, какъ въ эти дни ожиданія, и никогда еще такъ не заискивали передъ нимъ царедворцы.

Наконецъ имена судей стали извѣстны; избраны: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, братъ его Глѣбъ Ивановичъ, бояринъ Романовъ, Пушкинъ и князь Прозоровскій.

Предстоявшій бракъ царя очень тревожилъ боярина Морозова, не смотря на то, что онъ самъ первый заговорилъ объ этомъ. Онъ боялся потерять свое значеніе при Государѣ, боялся новой вліятельной царской родни. Поэтому онъ придумалъ устроить по своему собственному выбору бракъ молодаго царя съ дѣвицей какого нибудь обѣднѣвшаго дворянскаго рода, притомъ такъ, чтобы родные своимъ возвышеніемъ были обязаны только ему, Морозову, и не забывали-бы объ этомъ. Выборъ его палъ на красавицъ дочерей Милославскаго; ихъ было двѣ. Ежели Государь женится на старшей, Морозовъ задумалъ самъ посвататься къ младшей.

Боярскіе смотры невѣстъ происходили утромъ въ одной изъ болѣе обширныхъ палатъ дворцовыхъ. Въ назначенный часъ прибыли всѣ двѣсти молодыхъ дѣвушекъ въ закрытыхъ колымагахъ, заранѣе разосланныхъ за ними. Закутанныя, онѣ одна за другой, выходили изъ колымагъ и скрывались въ сѣняхъ. Нѣсколько назначенныхъ для этого случая боярынь провожали ихъ въ палату. Тамъ онѣ становились одна возлѣ другой длинными рядами. Чудное зрѣлище представляла палата. Верхняя мѣховая одежда снята съ дѣвушекъ. Фата ужь не скрываетъ ихъ лица. Длинными вереницами стоятъ онѣ въ своихъ высокихъ мѣховыхъ шапочкахъ, въ дорогихъ парчевыхъ платьяхъ съ длинными сборчатыми рукавами, на шеѣ у нихъ жемчужныя ожерелья; на ногахъ разноцвѣтные сафьяновые сапожки съ высокими каблуками. Всѣ онѣ молоды,

всѣ красивы. А которая изъ нихъ и похуже — такъ сразу разобрать невозможно: лица и шеи набѣлены, щеки нарумянены, брови и глаза подрисованы. Много заботъ было положено, чтобы выставить невѣстъ въ самомъ лучшемъ видѣ.

И стоятъ эти дѣвицы-красавицы въ своихъ дорогихъ тяжелыхъ уборахъ, стоятъ не шелохнутся, будто не живыя. На рѣдкихъ лицахъ видно оживленіе. Большинство изъ нихъ просто смущены, испуганы немного; но смущеніе и испугъ скоро переходятъ въ безучастное равнодушіе. Многія изъ нихъ очевидно даже не совсѣмъ хорошо понимаютъ значеніе сегодняшняго дня. Глаза ихъ опущены и только изрѣдка вскидываютъ онѣ ими, поглядывая на сосѣдокъ.

Онѣ всѣ еще слишкомъ молоды для страстей, для зависти, честолюбія. Онѣ еще дѣти. Но дѣтство ихъ какое-то скучное, однообразное.

Конечно между ними есть и исключенія. Нѣкоторыя пріѣхали издалека, нѣкоторыя знакомы съ болѣе широкой, привольной жизнью. Въ иныхъ уже говоритъ и сжимается сердце тоскою и страхомъ, надеждой и сладкой мечтою.

Но ничего этого не прочтешь на ихъ лицахъ. Имъ строго наказано пристойно держать себя, то есть казаться какъ можно деревяннѣе, какъ можно мертвеннѣе. Имъ внушено, что если онѣ хоть чѣмъ-нибудь проявятъ свою внутреннюю жизнь, то будутъ бѣды великія и имъ и ихъ родичамъ.

И вотъ онѣ стоятъ недвижимыми изваяніями.

Среди этихъ дѣвушекъ и Фима. Ея старая тетка, Купріянова, употребила всѣ старанія для того, чтобы племянница не ударила лицомъ въ грязь; она постаралась навѣшать на нее всѣ дорогія украшенія, какія только были у нея. Украшеній этихъ много. Нарядъ Фимы безвкусенъ; но никакое безвкусіе, никакое излишество ненужныхъ побрякушекъ не могутъ затмить красоту ея.

Чудно хороша Фима. Стоитъ она опустивъ голову. Глаза ея закрыты, на лицѣ застыло выраженіе не то тихой тоски, не то усталости. На сердцѣ у нея тяжело и смутно, будто сонъ какой-то. Вопросъ неясный и мучительный стоитъ передъ нею.

Что такое творится съ ней въ послѣднее время? Когда все это кончится?

Маша здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Фимы. Онѣ улыбнулись другъ другу и снова замерли.

Но что это такое? вдругъ искра какая-то пробѣжала между всѣми собранными дѣвушками. Нѣмыя, неподвижныя шеренги дрогнули, даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздался невольный и тотчасъ же подавленный крикъ испуга.

— Бояре идутъ!—послышался робкій шепотъ.

Нѣкоторыя дѣвушки отъ страха едва на ногахъ стояли. Имъ Богъ знаетъ что̀ начинало чудиться. Онѣ точно ожидали какой-то невѣдомой и ужасной пытки.

Бояре, и впереди всѣхъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, стали медленно проходить мимо дѣвушекъ, внимательно ихъ разглядывая. Подъ этими пристальными взглядами еще ниже опускались рѣсницы. Испуганно жались дѣвушки одна къ другой; но бояре не обращали никакого вниманія на ихъ смущеніе.

Борисъ Ивановичъ искалъ глазами сестеръ Милославскихъ. Вотъ онъ передъ ними.

Величественно и невозмутимо стоятъ обѣ красавицы. Только около губъ младшей вьется едва замѣтная улыбка. Морозовъ заговорилъ съ ними. Онѣ отвѣчаютъ ему мѣрнымъ, спокойнымъ голосомъ, почтительно кланяются.

— Бояре,—обратился Морозовъ къ окружающимъ,—бояре, гляньте-ка—вотъ такъ воистину красавицы — это Ильи Данилыча Милославскаго дочки!

Бояре быстро переглянулись между собою. Теперь они поняли въ чемъ дѣло. Но возражать Морозову, во всякомъ случаѣ, не приходилось, да и тѣмъ болѣе, что Милославскія были дѣйствительно красивѣе всѣхъ, стоявшихъ въ переднемъ ряду.

Пушкинъ взглянулъ на нихъ, вспыхнулъ и закусилъ губы.

„Хороши, хороши,—подумалъ онъ,—и Илья Милославскій вѣрнымъ ему холопомъ будетъ... Ловко придумалъ Бориско! Только еще посмотримъ чья возьметъ. Моя то все же краше этихъ писаныхъ скромницъ!..“

Онъ отошелъ отъ бояръ, отыскалъ глазами Фиму и затѣмъ, вернувшись, сталъ шептать судьямъ:

— А ну-ка, взгляните вы, бояре, на эту,—что скажете?

Бояре взглянули по тому направленію, куда имъ указывалъ Пушкинъ—да такъ и остались съ разинутыми ртами. Взглянулъ и Морозовъ—и у него невольно дрогнуло сердце.

„Вотъ такъ красавица! Откуда? Кто такая? Въ жизнь такой красы не видывалъ! Лучше, лучше, всѣхъ лучше!“—мелькнуло въ головѣ его.

Подъ нежданнымъ обаяніемъ красоты Фимы онъ бросилъ свои разговоры съ Милославскими и подошелъ къ ней.

Она все продолжала стоять съ опущенными глазами.

— Какъ зовутъ тебя? Чьихъ ты родомъ, красавица? — раздался надъ нею громкій голосъ.

Она вздрогнула, подняла глаза. Статный, чернобородый бояринъ передъ нею. Лицо важное, блѣдное, глаза черные, острые. Будто кольнуло ей что въ сердце. Страшнымъ отчего-то показался ей красивый бояринъ.

— Зовутъ меня Ефимьей, я дочь Рафа Родивоныча Всеволодскаго, Касимовскаго дворянина,—едва слышно проговорила Фима, какъ приказали ей родные, и низко поклонилась.

Всѣ бояре-судьи были уже около нея. Всѣ глядѣли на нее изумленными глазами, всѣ шептали:

„Красавица! воистину красавица!“

Но Фима не обращала на нихъ никакого вниманія.

Передъ нею былъ одинъ только страшный чернобородый бояринъ и ей хотѣлось только одного—чтобы онъ отошелъ отъ нея подальше и чтобы никогда ужь больше ей не видѣть его.

Наконецъ судьи, вдоволь налюбовавшись Фимой, начали подходить къ другимъ дѣвушкамъ, а затѣмъ, окончивъ осмотръ, вышли изъ палаты.

— Какъ же мы рѣшимъ, бояре?—обратился Морозовъ къ своимъ товарищамъ.

— Да что же тутъ рѣшать, отвѣтили они ему, — дѣло видимое. Всѣ въ добрыя жены годятся, да не царю только. А царскихъ невѣстъ немного...

— Милославскія двѣ, перебилъ Морозовъ;—краше ихъ на всей Москвѣ дѣвицъ нѣту... о нихъ давно ужь молвь идетъ, да и царевнамъ онѣ вѣдомы...

— Ну да, Милославскія—это точно, спору нѣту,—заговорили бояре, перебивая другъ друга.—Хилкова княжна взяла тоже и ростомъ и дородствомъ... зубы ровно жемчугъ, а коса-то? замѣтили?—ниже колѣнъ, право слово... хороша дѣвка, больно хороша!..

— Опять и княжна Пронская—грѣхъ охаять—на что же лучше. У ней вонъ и мать и бабка были какія! На весь городъ славились... ихъ ужь родъ такой... безпремѣнно надо ее показать государю...

— Алферьева тоже вотъ...

— Ну а Всеволодская-то! хоть и не изъ нашихъ московскихъ боярышень, а краше всѣхъ будетъ...

— Это точно... не въ примѣръ краше!

— Ужь и какъ такая красавица уродилася!!...

— Будто она и краше всѣхъ? а Милославскія? — вымолвилъ Морозовъ.

— Тамъ какъ царь взглянетъ, это намъ невѣдомо, а на глаза наши она, точно, краше всѣхъ—и неужто спорить объ этомъ станешь, бояринъ? Мы вѣдь это не въ обиду Милославскимъ... ихъ краса при нихъ и останется...

Морозовъ однако не спорилъ. Онъ понималъ, что скрыть отъ царя такую красавицу невозможно.

„Чай ужь заранѣе Пушкинъ доложилъ о ней. Недаромъ этого старика-отца приволокъ съ его ябедами. Эхъ, Пушкинъ! ногу подставить видно хочешь — только врядъ ли, братъ, удастся... Не все красавицы царицами дѣлаются...“

— Такъ на томъ, значитъ, и порѣшимъ?—громко обратился онъ къ боярамъ.—Сегодня же государь, можетъ, дѣвицъ и увидитъ...

Морозовъ простился съ боярами, поручивъ своему брату, Глѣбу Ивановичу, доложить царю объ окончаніи возложеннаго на нихъ порученія.

Бояринъ Пушкинъ устроилъ Рафу Родивонычу Всеволодскому свиданіе съ Государемъ. Молодой царь милостиво выслушалъ его разсказъ о грабежѣ и обѣщалъ ему защиту свою и справедливость. Это тоже было не по праву Морозова. Всеволодскіе тревожили его не на шутку, тѣмъ болѣе что еще до торжественнаго смотра захотѣлось Алексѣю Михайловичу увидать хоть тайкомъ приготовленныхъ для него невѣстъ. Но по обычаямъ того времени открыто посмотрѣть на нихъ было невозможно. Тогда вотъ что придумалъ молодой царь—женихъ. Онъ велѣлъ пригласить выбранныхъ шесть невѣстъ въ теремъ къ сестрамъ, и самъ пришелъ туда же незамѣтно, переодѣтый музыкантомъ. Морозовъ долженъ былъ на это согласиться, хоть и боялся, что царь хорошо разсмотритъ всѣхъ невѣстъ и остановитъ свой выборъ на красавицѣ Фимѣ Всеволодской.

Постельныя хоромы дворца, въ которыхъ жили царевны, со времени смерти царицы сдѣлались еще недоступнѣе для привычныхъ дворцовыхъ посѣтителей. Сюда имѣли право свободнáго входа только боярыни, да и то въ рѣдкіе дни, назначенные для ихъ пріѣзда. Самъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ не рѣшался нарушать принятаго обычая и никогда сюда не заглядывалъ.

Здѣсь распоряжались старыя верховыя боярыни и мамы, сновалъ съ дѣломъ и безъ дѣла всякій женскій дворцовый чинъ: казначеи, учительницы, кормилицы, комнатныя бабы и мастерицы. Здѣсь былъ свой собственный, совершенно замкнутый мірокъ, жившій своею жизнью, наполнявшій время всевозможными мелкими подходами, сплетнями, устраивавшій и свои радости и свое горе...

Послѣдняя великая печаль — смерть матери царицы — отошла, разсѣялась. Удовольствій было не много, да и эти немногія удовольствія давнымъ давно наскучили—всѣ эти потѣшные нѣмцы съ цимбалами, скоморохи, домрачеи, карлы и карлицы, нищіе, дураки и дуры. Такъ не мудрено, что вѣсть о предстоящей женитьбѣ брата живо затронула царевенъ и всѣхъ теремныхъ обитательницъ. Съ утра и до вечера шли у нихъ теперь разговоры объ этомъ великомъ событіи. Когда же Морозовъ объявилъ, что царевны должны принять избранныхъ для государевыхъ смотринъ дѣвушекъ и что царь тихомолкомъ будетъ смотрѣть ихъ,—въ теремѣ

все заволновалось. Царевны пришли въ великое восхищеніе и, быстро нарядившись, какъ подобало для такого рѣдкаго случая, приготовились къ пріему гостей, изъ которыхъ онѣ до сихъ поръ знали уже четырехъ: Пронскую, Хилкову, да сестеръ Милославскихъ.

Пришелъ ранній зимній вечеръ. Теремные покои разсвѣтились многими свѣчами. Всѣ постоянныя обитательницы терема уже собрались и, въ волненіи, перешептываясь другъ съ другомъ, ожидали. Вотъ привезли, наконецъ, и невѣстъ. Онѣ идутъ, робко озираясь во всѣ стороны, представляться царевнамъ.

Больше всѣхъ робѣетъ и смущается Фима. Она еще съ утра не можетъ придти въ себя. Страшный нынче день задался ей. И такъ ужь всѣ бѣды въ послѣднее время нахлынули, а съ утра сегодняшняго совсѣмъ видно пришла погибель, совсѣмъ сглазилъ ее своими лукавыми глазами чернобородый бояринъ. Какъ узнала она, что ее выбрали вмѣстѣ съ пятью другими—не взвидѣла свѣту, тяжело и горько стало у ней на душѣ, слезы невольныя изъ глазъ брызнули. Со всѣхъ сторонъ на нее глядятъ завистливо. Есть чему завидовать! Домой, домой скорѣе, думалось ей, когда окончился смотръ боярскій; но не тутъ-то было: пришлось выдержать новую пытку. Тѣ, счастливыя, неизбранныя по домамъ разъѣхались. Пришлютъ имъ подарки царскіе и отпустятъ ихъ на всѣ четыре стороны. Онѣ свободны. У кого есть женихъ—то-то счастье, то-то радость? А избранныхъ во дворцѣ задержали. Отвели ихъ въ отдѣльный покойчикъ, принесли имъ яства, сласти разныя, угощали ихъ...

~~~~~~~~

Наконецъ, натерпѣвшись всякой муки, пріѣхала Фима домой. Отецъ, мать, тетка, Пафнутьевна ее окружили.

— Ну что? какъ?—начались разспросы.

Залилась она горькими слезами, кинулась на шею къ Настасьѣ Филипповнѣ. Едва могла выговорить:

— Бѣда моя лютая... выбрали..! царю будутъ показывать!..

Перекрестился молча Рафъ Родіоновичъ, сѣлъ на лавку, опустилъ голову. И трудно было разобрать его думы. А жен-
~~~~~~~~

щины голосить стали не отъ горя, а съ великой своей радости.

Настасья Филипповна въ материнской гордости сама себя не помнила, совсѣмъ стала какъ угорѣлая. Пафнутьевна торжественно оглядывала Фиму и шептала:

— Что же, я вѣдь говорила, такъ и быть оно должно— развѣ краше Фимочки есть кто на свѣтѣ?..

Какъ въ туманѣ какомъ пробыла нѣсколько часовъ Фима, ѣсть ничего не могла, ни о чемъ не думала. А тутъ вотъ опять изъ дворца посланный съ колымагою. Въ колымагѣ боярыня верховая, во дворецъ зовутъ къ царевнамъ.

Вотъ и пріѣхала Фима.

Тошно на душѣ у нея. Дикимъ ей все кажется—весь этотъ блескъ, никогда невиданный, вся эта роскошь въ теремѣ царавенъ. Словно въ бреду ей все это чудится.

Помнится ей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ больна очень была она, въ жару лежала, такъ чудилось ей все такое дивное. Теперь тоже самое. И не разберешь — явь-ли то или сонъ—пестро все такъ, перепутано... Огни горятъ... и конца этимъ огнямъ нѣту. Въ глаза такъ и кидаются: хитрая рѣзьба, парча, ковры яркіе. Со всѣхъ сторонъ выростаютъ чудныя лица, карлицы, уродцы. Вотъ прямо на нее смотритъ черная морда. И не разберешь, что это: звѣрь-ли заморскій, или человѣкъ. Носъ расплюснутый, лба совсѣмъ почти нѣтъ, на головѣ чалма огромная. Ротъ почитай до самыхъ ушей, губы толстыя, красныя, а изо рта глядятъ зубы бѣлые—злобно такъ скалятся...

Вотъ кричитъ что-то дикимъ голосомъ, птица какая-то сѣро-красно-зеленая на золотомъ кольцѣ качается. И говоритъ та птица человѣчьимъ голосомъ...

Все чуднѣе и чуднѣе Фимѣ—ужь не сознаетъ гдѣ она. Ей кажется, будто она летитъ въ пространствѣ и на нее со всѣхъ сторонъ надвигаются всякія дива.

И опять она будто падаетъ, и опять различаетъ: жарко натопленные, изукрашенные покойчики, тѣ-же молодыя и старыя, прекрасныя и уродливыя лица. Тѣ-же чертенята и карлы, та-же говорящая человѣческимъ голосомъ птица...

Красивыя, нарядныя дѣвушки ее окружаютъ, улыбаются ей, заговариваютъ съ нею. Но она не знаетъ какъ и отвѣчать имъ, говоритъ безсознательно. Ее усаживаютъ на мягкую скамью парчевую, угощаютъ сластями. Вдругъ раздаются тихіе музыкальные звуки. Нѣсколько мужскихъ фигуръ показываются у порога. То музыканты. Тихіе звуки разростаются, переходятъ въ громкую плясовую пьесу.

Но эта веселая музыка не радуетъ, а только поднимаетъ новую боль въ сердцѣ Фимы. Ее душатъ слезы...

И вдругъ она совсѣмъ очнулась, туманъ разсѣялся. Теперь она ужь можетъ отчетливо различать все, что ее окружаетъ. Она видитъ себя среди молодыхъ красавицъ. Рядомъ съ нею одна изъ царевенъ. Въ ногахъ у нихъ, посреди комнаты, на мягкомъ коврѣ сидятъ двѣ уродливыя карлицы и арапка. Музыканты продолжаютъ играть у порога. Фима взглянула на нихъ и внезапно вздрогнула. Прямо на нее, прямо въ глаза ей, устремлены глаза одного изъ музыкантовъ.

И что же это съ ней такое? Отчего не можетъ она оторваться отъ глазъ этихъ? Отчего лицо этого музыканта не уходитъ отъ нея. Онъ молодъ, очень молодъ, и никогда еще въ жизнь свою не видала она такого красавца. Странная улыбка на лицѣ его, на щекахъ нѣжный, то вспыхивающій, то потухающій румянецъ. Все глядитъ онъ на нее, не отрывается.

Фима опустила глаза, но такъ и тянетъ ее взглянуть снова. Что-то совсѣмъ необычайное примѣтила она въ лицѣ этомъ. Оно ей кажется чуднѣе, непонятнѣе всего, что вокругъ нея творится. Гдѣ же прежде видѣла она лицо это? Оно ей такъ знакомо. Только нѣтъ, нигдѣ она его не видала. Какъ можетъ онъ такъ смотрѣть на нее? Зачѣмъ онъ такъ смотритъ? Ей досадно, ей обидно, и въ то же время ей опять хочется взглянуть на него. И она боится, что онъ ужь на нее не смотритъ...

Отчего же все это? Что съ нею? Она вся дрожитъ, она чувствуетъ, что вотъ-вотъ зарыдаетъ.

Но въ эту самую минуту снова прежній туманъ ее охватываетъ и она перестаетъ различать предметы. Прежній сонъ,

пестрый, причудливый, снова начинается подъ звуки то замирающей, то съ новою силой раздающейся музыки. Только въ этомъ новомъ снѣ, среди чудесъ и разнородныхъ образовъ, теперь рядомъ съ нею непонятное лицо волшебнаго музыканта, его тихіе глаза, умильно и ласково смотрящіе ей прямо въ душу (Глава XI, часть II).

Наперекоръ всѣмъ проискамъ Морозова избранницей сердца молодаго царя оказалась Фима Всеволодская.

Алексѣй Михайловичъ въ волненіи ходилъ скорыми шагами по своей опочивальнѣ. Въ большомъ покойномъ креслѣ, у царской кровати, сидѣлъ Морозовъ и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями своего воспитанника. Онъ хорошо видѣлъ его его волненіе и думалъ, что понимаетъ его состояніе духа.

Молодой царь былъ еще въ одеждѣ музыканта, въ которой онъ пробрался къ сестрамъ, чтобы, оставаясь неузнаваемымъ, хорошенько разглядѣть красавицъ, изъ которыхъ на слѣдующее утро онъ долженъ былъ выбрать себѣ невѣсту.

Онъ закрылъ глаза и снова во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ предстало передъ нимъ все, что было въ сестриномъ теремѣ. Ему было неловко, стыдно; ему казалось, что всѣ глядятъ на него и внутренно посмѣиваются, хотя всѣ окружавшіе, по наказу Морозова, старались не обращать на него ни малѣйшаго вниманія.

Онъ подошелъ къ низенькой двери ярко освѣщеннаго покоя, взглянулъ—разомъ бросились ему въ глаза десятки молодыхъ лицъ женскихъ. Лица все знакомыя, но среди нихъ шесть новыхъ, никогда доселѣ еще имъ невиданныхъ.

— Смотри, рядомъ съ царевной Татьяной, въ аломъ атласѣ, то Марья Ильинишна Милославская,—шепнулъ ему Морозовъ.

Онъ взглянулъ и увидѣлъ красавицу-дѣвушку съ роскошными формами, съ нѣжнымъ, прекраснымъ лицомъ и большими кроткими глазами.

„Хороша,—подумалъ онъ,—лучше всѣхъ сестеръ, лучше сестриныхъ боярышень—хороша!“

Но не забилось въ немъ сердце при видѣ этой красавицы. Онъ спѣшилъ глазами дальше... Что это? въ самомъ дальнемъ углу покоя вотъ еще одна незнакомая женская фигура. Ея голова опущена, видѣнъ только уборъ, низанный жемчугомъ. Но вдругъ, словно передъ бѣдой какой или радостью нежданной-негаданной, забилось сердце Алексѣя Михайловича.

„Да подыми же, подыми голову!“—мысленно повторялъ онъ въ непонятномъ страхѣ и непонятномъ блаженствѣ.

И она подняла голову, и встрѣтились глаза ихъ.

Ничего и никого съ этого мгновенія не видѣлъ онъ. Глядѣлъ — не могъ наглядѣться. И теперь онъ все понялъ.

Вотъ она, вотъ кого такъ долго, во всѣ эти тревожные дни и ночи, съ такой истомой и тоскою ждалъ онъ... вотъ та, что грезилась ему днемъ и ночью... вотъ кто являлся ему всюду и смущалъ и томилъ его. Она... она мѣшала ему жить, какъ жилъ онъ прежде. Безъ нея тосковалъ онъ среди забавъ своихъ любимыхъ. Безъ нея тошно было глядѣть ему на свѣтъ Божій. Она, ея ожиданіе, ея чудный образъ мѣшалъ ему молиться!.. Да, это она, онъ узналъ ее!.. (Глава XIII, часть II).

Давно покинула она теремъ царевенъ, домой вернулась — а все то же забытье, все тотъ же туманъ, та же волшебная сказка ее окружаютъ. Безучастно и спокойно встрѣчаетъ она родныхъ, едва слышитъ, что вокругъ нея говорится, безсознательно отвѣчаетъ на задаваемые ей вопросы. А расспрашиваютъ ее со всѣхъ сторонъ, волнуются...

Тетка Купріянова таинственнымъ и многозначительнымъ шопотомъ объявляетъ, что она не разъ слыхала, какъ въ такихъ же случаяхъ, когда царь выбираетъ невѣсту, онъ невидимкою высматриваетъ привозимыхъ во дворецъ дѣвушекъ. Навѣрно и теперь царь видѣлъ Фиму, хоть и говоритъ она, что его не было въ теремѣ.

Настасья Филипповна все крестится и шепчетъ молитву. Ей чего-то страшно и чуетъ она всѣмъ сердцемъ, что го-

тово совершиться для нихъ великое событіе. Рафъ Родіоновичъ молча ходитъ по горницѣ. Трудно рѣшить, что у него въ мысляхъ и въ сердцѣ, только видъ его такой важный, торжественный. Одна Пафнутьевна спокойна и радостна; опять она хитро ухмыляется въ свой старый дрожащій кулакъ и сама себѣ бормочетъ:

— Да чего ужь тутъ, дѣло видимое — быть Фимочкѣ царицей, давно я про то вѣдаю!..

— Да что же мы ей про Митю-то не скажемъ?!—вдругъ выходя изъ своего раздумья проговорилъ Рафъ Родіоновичъ.—Фима, слышь ты, выпустили вѣдь Митю-то; забѣгалъ сюда онъ съ часъ тому будетъ времени — хотѣлъ все тебя дожидаться, да вотъ онѣ его отослали... Оно и точно—время позднее, а завтра спозаранку здѣсь онъ быть обѣщался...

— Митя!—проговорила Фима—и замолчала.

И всѣ на нее изумленно взглянули — такое равнодушіе слышалось въ ея голосѣ.

Она не думала о Митѣ. Она не понимала даже, что это говорятъ о другѣ ея дѣтства, о ея женихѣ, которому она обѣщалась еще недавно отдать всю жизнь свою. Какъ въ чаду прошла она въ опочивальню, раздѣлась. Странный, внезапный сонъ, какъ послѣ какой нибудь особенной усталости, охватилъ ее.

И она заснула. На время разступились и отошли отъ нея всѣ грёзы, все волшебство дивной сказки, что въявь совершалась теперь надъ нею (Глава XIV, часть II).

Въ большой изукрашенной палатѣ государевой собралось не мало бояръ сановитыхъ, которые получили приглашеніе присутствовать при долженствовавшемъ совершиться важномъ событіи. Большинство бояръ этихъ были очень не въ духѣ. Ихъ мечты и планы не осуществились. Не удалось имъ побороть Морозова, не выбраны ихъ дочки и сродницы. Шепчутся бояре другъ съ другомъ, зорко озираясь во всѣ стороны, чтобы не быть подслушанными. Бранятъ они всячески Бориса Ивановича и шлютъ ему такія пожеланія, что если

бы хоть малая доля изъ нихъ могла сбыться, то пропалъ бы царскій пѣстунъ и совѣтникъ лютою и позорною смертью.

Но пока безвредна злоба боярская для Бориса Ивановича, только на сердцѣ у него все же какъ будто кошки скребутся. Спозаранку онъ во дворцѣ, не отходитъ отъ государя. И духовника притащилъ съ собою. Твердятъ они оба Алексѣю Михайловичу все ту же сказку про жену добрую, про важность царскаго выбора, про красоту тѣлесную и душевную Марьи Ильинишны Милославской.

А царь все отмалчивается; онъ ихъ не слушаетъ, онъ весь погруженъ въ себя, никакъ не можетъ справиться со своимъ волненіемъ.

Страшный день, страшный часъ пришелъ. Прямо съ постели почти бѣгомъ спѣшитъ онъ въ Крестовую, бросается на колѣни передъ иконостасомъ и жарко молится, со слезами и рыданіями. Давно онъ такъ не молился, всю душу свою дѣтскую выливаетъ онъ въ эту молитву. А о чемъ молится, чего проситъ у Бога, за что благодаритъ его—про то и самъ не знаетъ, только горяча и долга его молитва.

И ободренный ею онъ поднимается съ лицомъ просвѣтленнымъ и яснымъ, вытираетъ свои слезы и спрашиваетъ: всѣ ли съѣхались, тутъ ли невѣсты?..

Невѣсты давно уже въ палатѣ царской, едва на ногахъ держатся отъ страху и ожиданія. Безсонную ночь провели онѣ, тоже молились не мало и теперь стоятъ будто къ смерти приговоренныя, ожидая выхода государя.

Одна только Фима какъ истуканъ какой—ничего не страшится, ничего не боится. Послѣ сна глубокаго очнулась она освѣженная. Мысли ея прояснились, туманъ расплылся и горько, горько она заплакала.

— Боже мой! — обливаясь слезами шептала она—что же мнѣ теперь дѣлать? Видно врагъ лютый, видно самъ дьяволъ обошелъ меня. Царь выбирать насъ будетъ, можетъ меня выберетъ... а я... что же это?.. вѣдь женихъ у меня, Митя, а мнѣ его и не жалко—хоть пропадай онъ... Со мною, во мнѣ на вѣки остались тѣ глаза, что вчера на меня глядѣли.

Чьи они? не самъ ли то дьяволъ, принявшій ликъ ангела. Ну что коли и взаправду царь выберетъ?!.

И вотъ она опять съ избранными царскими невѣстами, окруженная боярами, среди роскоши царской. Ея порывъ прошелъ. Снова туманъ прежній наплываетъ на нее; но въ туманѣ этомъ нѣтъ уже прежняго блаженства, только тоска лютая сосетъ ея сердце.

Все пропало, вся жизнь ея кончена, не взглянутъ на нее тѣ глаза милые, которые взяли и унесли съ собою ея душу. Она стоитъ безучастная ко всему и ко всѣмъ. Не глядитъ на подругъ-красавицъ, не замѣчаетъ ихъ волненія, не замѣчаетъ со всѣхъ сторонъ обращенныхъ на нее взоровъ.

А между тѣмъ всѣ собравшіеся въ палатѣ глядятъ на нее и дивятся красотѣ ея неслыханной. Напрасно домашніе боялись, что глаза покраснѣютъ и лицо опухнетъ!

Ну что же, вотъ и видно что глаза заплаканы, видно что не ладное что-то творится на душѣ у дѣвушки, а все-таки, и съ заплаканными глазами, съ помертвѣвшимъ лицомъ она еще прекраснѣе—и нѣтъ силъ отъ нея оторваться.

— Государь идетъ, государь идетъ!—проносится вдругъ по палатѣ.

Невѣсты вздрагиваютъ какъ листочки осенніе, а Фима и не слышитъ ничего. Машинально поднимаетъ она глаза по направленію къ дверямъ. И видитъ: выходятъ бояре важные, а между ними, въ парчевой золототканной одеждѣ, въ дорогой сверкающей каменьями шапкѣ—самъ государь видно. Но лица его разглядѣть она не можетъ: онъ отвернулся. За нимъ вчерашній страшный бояринъ съ черной бородой.

Тоска сильнѣе на душѣ у Фимы и къ тоскѣ этой теперь примѣшивается злоба. Не можетъ она видѣть чернобородаго боярина!

Это онъ, колдунъ проклятый, со вчерашняго утра такъ заворожилъ ее; онъ ее сглазилъ. Опускаетъ она глаза свои въ землю и никого ужь не видитъ.

А мысли, одна за другою, вихремъ мчатся въ головѣ ея.

„Да нѣтъ,—думаетъ она,—не ко мнѣ подойдетъ царь, не меня выберетъ; меня, можетъ, и не замѣтитъ совсѣмъ... Ну а коли подойдетъ ко мнѣ, коли выберетъ?! Брошусь я при всѣхъ ему въ ноги и скажу ему: не бери меня, царь батюшка, не буду любить тебя. Убью себя коли силой возьмешь. Послѣ рѣчей такихъ неужь-то не отойдетъ онъ?.. а тамъ, послѣ, пусть будетъ что будетъ — за одно вѣдь ужъ пропадать-то...“

Алексѣй Михайловичъ остановился посреди палаты, отвѣтилъ на всеобщій поклонъ.

— Вотъ она, вотъ Марья Ильинишна,—шепнулъ ему на ухо Морозовъ, подавая ему на серебряномъ блюдѣ кольцо и ширинку.

Молодой царь дрожавшей рукой взялъ кольцо, взялъ ширинку и нѣсколько мгновеній стоялъ не трогаясь съ мѣста. Вдругъ онъ поднялъ глаза, щеки его вспыхнули стыдливымъ румянцемъ—и онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дѣвушкамъ-невѣстамъ.

У Морозова такъ забилось сердце, что онъ даже за бокъ схватился. Какъ коршунъ слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ своего воспитанника...

Что же это? что же царь не глядитъ на Милославскую, не глядитъ и на сестру ея — онъ глядитъ не отрываясь на другую...

Поблѣднѣлъ, похолодѣлъ весь Морозовъ — сразу все понялъ онъ. Закипѣло злобой и болью его сердце.

„Увести его! увести нельзя... но вѣдь нельзя же допускать... Вѣдь это погибель!“—мелькнуло въ головѣ его.

Всесильный бояринъ опустилъ руки и стоялъ нѣмой и пораженный.

А царь между тѣмъ остановился передъ Фимой. Она была все такъ же неподвижна, все такъ же глядѣла въ землю. Прошло нѣсколько мгновеній. Царь хотѣлъ говорить — и не могъ, только смотрѣлъ на красавицу, только любовался ею. Наконецъ онъ пересилилъ свое волненіе. Его губы шевельнулись и, подавая Фимѣ кольцо и ширинку, онъ шепнулъ ей:

— Тебя я выбираю, будь моею женою, будь царицей!..

Притихнувшая палата мгновенно будто вся дрогнула; всѣ задвигались.

Фима отшатнулась, взглянула на царя, узнала его... Все лицо ея преобразилось. Съ выраженіемъ безконечнаго счастья кинулась она было впередъ, но у нея подкашивались ноги и, если бы царь не поддержалъ ее, она навѣрно бы упала. Царь взялъ ее за руку. Всѣ находившіеся въ палатѣ бросились поздравлять ихъ. Но оба они ничего не видѣли, ничего не слышали. Они чувствовали только милое прикосновеніе и пораженные своимъ нежданнымъ, великимъ счастіемъ глядѣли другъ на друга.

Нетвердою поступью подошелъ Морозовъ къ жениху и невѣстѣ, поклонился имъ низкимъ поклономъ, поздравилъ съ радостью.

Вздрогнула Фима и чуть не вскрикнула, когда взглянула на блѣдное, помертвѣвшее лицо его. Страшнымъ, страшнымъ казался ей этотъ колдунъ чернобородый.

И дѣйствительно онъ былъ страшенъ. Онъ чувствовалъ на себѣ глаза враговъ и завистниковъ, чувствовалъ все ихъ злорадство. Ненависть и злоба душили его.

„Такъ не бывать же этому! вдругъ мысленно рѣшилъ онъ,—не бывать этому... Невѣста царская не будетъ царицей!..“ (Глава XV, часть II).

Постоянно однообразная и скучная жизнь царскаго терема оживилась. Въ этотъ теремъ вступила новая жилица, которая, не смотря на свою молодость, должна была въ скоромъ времени сдѣлаться его главною хозяйкою.

Послѣ того какъ молодой царь подошелъ къ Фимѣ Всеволодской и вручилъ ей кольцо и ширинку, послѣ того какъ затихло первое движеніе, вызванное этимъ событіемъ, Алексѣй Михайловичъ самъ взялъ за руки свою взволнованную и дрожавшую невѣсту и провелъ ее въ теремъ къ сестрамъ. Царскій выборъ очень изумилъ какъ царевенъ, такъ и всѣхъ теремныхъ обитательницъ. Онѣ ожидали совсѣмъ другого.

Откуда и какимъ образомъ—неизвѣстно, но въ послѣдніе три дня имя Марьи Ильинишны Милославской было у всѣхъ

на устахъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что именно ей предназначено быть царицей и наканунѣ вечеромъ, когда невѣсты были привезены въ теремъ для тайныхъ смотринъ, царевны все свое вниманіе сосредоточили на Марьѣ Милославской, какъ на будущей своей сестрѣ и государынѣ. Онѣ почти весь вечеръ ее окружали, наперерывъ старались высказать ей свое вниманіе, для того, чтобы заранѣе задобрить ее въ свою пользу. Поэтому-то онѣ даже и не разглядѣли, какъ должно, красоту Фимы. Теперь же вдругъ не Милославская, а Всеволодская царемъ избрана! Ее ожидаетъ уже заранѣе приготовленное для новой царевны помѣщеніе... Царственный женихъ, весь преображенный, сіяющій новымъ счастьемъ, подводитъ невѣсту къ сестрамъ, проситъ ихъ любить ее да жаловать.

Царевны постарались скрыть свое изумленіе и сначала большими церемонными поклонами, а затѣмъ поцѣлуями и объятіями, привѣтствовали Фиму. Онѣ наперерывъ другъ передъ дружкой спѣшили выразить ей свою любовь, расхваливали ея красоту, даже взяли маленькій грѣхъ на душу: всѣ въ одинъ голосъ объявили брату, что именно и ожидали этого, что краше и милѣе такой невѣсты ему и найти было невозможно. Еще вчера-де, какъ были у нихъ невѣсты въ сборѣ, она всѣхъ своею красой затмила. Разокъ на нее взглянешь— такъ на другихъ и глядѣть не захочется...

Царь краснѣлъ, улыбался и радовался. Фима, въ чаду счастья, не находила словъ, чтобы достойно отвѣчать царевнамъ и только плакала. Но всѣ хорошо видѣли и понимали, что иначе и быть не можетъ, что бѣдная дѣвушка, вдругъ такъ возвеличенная, должна плакать.

Обласкавъ и успокоивъ ее на сколько было возможно, царевны объявили ей, что она должна теперь сѣсть въ особое для нея приготовленное кресло и принять поздравленія отъ всего женскаго теремнаго чина.

Фима повиновалась; но она еще совсѣмъ не сознавала той необычайной перемѣны, которая произошла въ ея положеніи, она вся еще была потрясена счастіемъ своего новаго чувства, внезапно ее всю охватившаго и наполнившаго ее блажен-

нымъ трепетомъ. Она еще чувствовала милое прикосновеніе, стремилась къ юношѣ-красавцу, который взглянулъ на нее среди волшебнаго сна и однимъ взглядомъ навѣки взялъ ея сердце.

Двери царицыной палаты, гдѣ теперь находилась Фима съ царевнами, растворились—и одна за другой, по старшинству и значенію своему, начали представляться новой царевнѣ женщины ея будущаго придворнаго штата. Прежде всѣхъ явились верховыя боярыни и первою изъ нихъ—важная, степенная мама царя, Ирина Никитична Годунова. Она вошла гордой поступью, съ строгимъ и въ то же время равнодушнымъ взглядомъ, остановилась передъ Фимой, поклонилась ей съ достоинствомъ, поцѣловала у нея руку и стала пристально ее оглядывать. Первое, приличное случаю, привѣтствіе произнесла она мѣрнымъ, спокойнымъ голосомъ. Она сознавала, что ея твердо установившееся положеніе никто не можетъ пошатнуть, что, напротивъ, передъ нею должна заискивать будущая царица. Кто же какъ не она будетъ вводить ее въ трудное и обширное царское хозяйство!

„Еще накланяешься передо мною, матушка!"—самодовольно подумала боярыня.

Окончивъ свое первое привѣтствіе, Годунова нашла нужнымъ сказать нѣсколько словъ и отъ себя царской невѣстѣ, для того чтобы ободрить и приласкать ее.

— Государыня царевна,—сказала она, горделиво закинувъ свою старую, красивую голову,—великое счастіе послалъ Господь на твою долю, царь нашъ батюшка на тебѣ остановилъ свой выборъ; да поможетъ тебѣ Господь быть ему доброю и достойною женою, а для всѣхъ насъ справедливою и милосердою царицей. Не взыщи на мнѣ, старой бабѣ, коли скажу тебѣ какое слово не по сердцу, говорю-то я безъ лести, какъ Богъ на душу положилъ. Не мало годовъ живу я милостями государевыми, и покойная царица Евдокія Лукьяновна, царствіе ей небесное, завсегда меня жаловала... И царя нашего батюшку приняла я на свое попеченіе новорожденнымъ младенцемъ, выходила и выхолила его на славу, такъ и ты мнѣ за это скажи спасибо—такъ-то, государыня царевна!.. Слу-

жить тебѣ буду вѣрою и правдою; молода ты и неопытна, годковъ тебѣ еще не много, да надѣлилъ тебя Господь красотою великою, надѣлилъ онъ тебя всѣми благами и ждемъ мы отъ тебя многихъ милостей, а ужь мы-то всѣ, опять говорю, твои слуги по гробъ вѣрныя!..

Боярыня снова плавно и торжественно поклонилась и почтительно поцѣловала руку Фимы.

Фима почувствовала, что должна что-нибудь отвѣтить ей, почувствовала она тоже, что сильно робѣетъ передъ этой властной и горделивой женщиной...

Царевны и боярыни торжественно проводили Фиму въ предназначенные для нея покои. Замѣтивъ, что она едва на ногахъ держится отъ усталости, боярыня Годунова тотчасъ же сказала объ этомъ царевнамъ:

— Оставимъ-ка ее, голубушку, поспать съ часокъ времени, а то притомилась больно — да и какъ быть иначе?!..

— Поспи, поспи, голубка, сказала царевна Татьяна, обнимая Фиму и подводя ее къ пышной кровати. — Какъ время будетъ—мы прійдемъ, тебя разбудимъ. Да что это ты такая печальная будто? можетъ о родныхъ вспомнила, такъ и ихъ нынче же увидишь—ужь за ними послано.

Фима ничего даже отвѣтить не могла на всѣ эти слова ласковыя, и какъ только всѣ вышли, она кинулась на кровать и крѣпко заснула.

Долго и глубоко спала она, такъ глубоко, что царевны, приходившія звать ее обѣдать, не рѣшились потревожить ея сна и положено было дать ей хорошенько отдохнуть и выспаться.

„Послѣ сна и покушаетъ съ охотой, да и веселѣе будетъ!“—такъ порѣшила боярыня Годунова и всѣ согласились съ ея мнѣніемъ.

Фима проспала вплоть до вечерень. Открыла глаза, съ изумленіемъ поглядѣла вокругъ себя и сѣла на своей новой богатой кровати. Сразу она все вспомнила, прежній туманъ прежнее забытье исчезли, мысли прояснились. Всѣ эти два послѣднихъ дня представились ей сномъ, подробности кото-

раго она однако же отлично помнила. И понимала она теперь, что этотъ мучительный и въ то же время блаженный сонъ — явь настоящая, что прежняя жизнь навсегда окончена и теперь наступила новая. Горячо забилось сердце Фимы при мысли о молодомъ царѣ, который одинъ былъ виновникомъ всего этого сна волшебнаго, этой яви чудной и таинственной.

„Охъ, какъ любить она его будетъ, какъ она ужь его любитъ, какъ безконечно онъ ей дорогъ!“

И въ этомъ новомъ прекрасномъ чувствѣ она не думала о блескѣ своего положенія, обо всемъ томъ величіи, которое ее окружало и о которомъ до сихъ поръ она не имѣла никакого понятія. Но вдругъ что-то тоскливое опять закралось ей въ сердце.

„Митя!—прошептали ея губы,—бѣдный Митя!“

Она заплакала.

„Я счастлива... а онъ?.. Чѣмъ заслужилъ онъ это?.. не я тому причиной?!. Что-то онъ теперь? чай ужь знаетъ... Охъ, тошно, тошно... и зачѣмъ это, зачѣмъ все такъ вышло, зачѣмъ сказала я ему тогда, что люблю его... вѣдь я не любила... я ничего не понимала... вотъ я и теперь его люблю... люблю наравнѣ съ Андрюшей... да это не то... совсѣмъ не то!“

Дверь ея опочивальни тихо отворилась и къ ней вошла боярыня, за которой сѣнныя дѣвушки несли новый нарядъ для царевны. Она встрѣтила ихъ поклономъ, исполненнымъ достоинства и неспѣшно стала одѣваться.

Потомъ, выйдя къ царевнамъ, гдѣ уже дожидалась ее трапеза, она всѣхъ изумила перемѣной, происшедшей съ нею. Она нашла въ себѣ умѣніе сказать всѣмъ и каждой ласковое и милое слово, держала себя съ полнымъ достоинствомъ, какъ будто всю жизнь провела въ царскомъ теремѣ. Никто не научилъ ее этому, научило одно,—вдругъ явившееся сознаніе своего положенія; научила внезапно родившаяся и наполнившая все существо ея любовь къ молодому царю, достойной невѣстой котораго она должна была всѣмъ казаться. Боярыня Годунова внимательно въ нее всматривалась и одобрительно кивала на каждое ея слово.

„Вонъ она какая!—думала боярыня, — сразу-то я ее не разглядѣла, подумала: такъ себѣ, деревенщина, анъ нѣтъ, знатная будетъ царица!.. и откуда все это берется, подумаешь?!. О Господи, неисповѣдимы пути Твои!..“

Фимѣ доложили, что ея отецъ и мать прибыли въ теремъ и ждутъ свиданія съ нею.

— Гдѣ они, гдѣ?—вся вспыхнувъ крикнула она и побѣжала сама не зная куда, такъ что едва могли догнать ее и указать ей дорогу (Глава VII, часть III).

Случай помогъ злымъ замысламъ Морозова. Къ нему явился врагъ Всеволодскихъ, Осипъ, старый знакомый Бориса Ивановича. Онъ тоже только спалъ и видѣлъ какъ бы помѣшать браку царя съ Всеволодской. Они поняли скоро другъ друга и сговорились.

Нашлась женщина, по имени Манка Харитонова, которую не трудно было подговорить, подкупивъ, на злое дѣло. Она добилась возможности поступить въ царскій теремъ, въ услуженіе царской невѣстѣ. Но Фиму вовремя предупредили и она, съ позволенія царя, призвала къ себѣ свою мамушку, Пафнутьевну, которая берегла ее больше зѣницы ока. Опасность была на время предотвращена. Тогда злая Манка придумала новое.

Утромъ рано проснулась Фима бодрая и веселая. Всѣ ночные страхи пронеслись безслѣдно. Она думала теперь только объ одномъ, что вотъ скоро, скоро она увидитъ жениха своего, а потомъ пройдетъ еще нѣсколько дней—и настанетъ жизнь райская, блаженная.

Царевны, боярыни и служанки Фимы собрались въ ея опочивальню, чтобы присутствовать при ея нарядѣ.

Прежде всего нужно было убрать голову.

Сама боярыня Годунова взялась причесать Фиму, но дѣло это какъ-то не спорилось въ ея старыхъ, дрожавшихъ рукахъ. Она должна была отказаться.

— Кто тутъ изъ всѣхъ изъ васъ искусница косу заплетать да перевивать жемчугомъ?—спросила она, обращаясь къ постельницамъ.

Изъ среды ихъ, скромно опуская глаза, вышла Манка Харитонова.

— Не разъ я покойную государыню причесывала, да и царевенъ тоже, проговорила—Манка, — и за искусство мое государыня къ рукѣ меня жаловала... Прошу дозволить мнѣ причесать красавицу-царевну; такъ ужь сдѣлаю—любо дорого посмотрѣть будетъ!

Всѣ припомнили, что дѣйствительно постельница Харитонова мастерица этого дѣла, только Фима, предупрежденная шутихой относительно Манки, вопросительно взглянула на Пафнутьевну.

— Да ужь позвольте мнѣ, боярыни, причесать мое дитятко. Съ дѣтства ее кажинное утро причесывала, авось справлюсь!—проговорила старая мамка.

Она уже взялась за гребень, но Годунова отстранила.

— Не суйся, старуха,—сказала она,—гдѣ же тебѣ знать, какъ съ жемчугомъ управляться, ты его небось никогда и не видывала!

Годунова взяла изъ ея рукъ гребень и передала его Манкѣ.

Та, вся вспыхнувъ и блеснувъ глазами, принялась за дѣло. Живо расплела она длинные и густые волосы Фимы, взяла нѣсколько нитокъ жемчугу и начала плести косу, искусно вплетая въ нее жемчугъ. Волосы Фимы такъ и извивались, будто живые, подъ ловкими пальцами постельницы. Вдругъ царская невѣста слабо вскрикнула.

— Ой! какъ ты мнѣ стянула волосы, отпусти немного!

— Что-жь это, государыня-царевна, никакъ нельзя иначе. Гляньте-ка, боярыни, развѣ плохо я дѣлаю косу?!..

И она продолжала свою работу.

Фима молчала. Отъ прикосновенія гребня и горячихъ рукъ Манки на нее находило какъ-бы полузабытье. Она отдалась не то мыслямъ, не то грёзамъ и уже не замѣчала, какъ сильно стянуты ея волосы, какъ кровь начинаетъ приливать къ головѣ, и на вискахъ бьются жилы.

Вотъ коса готова—ниже колѣнъ она падаетъ, отливаясь золотомъ и сверкая жемчугомъ. На лобъ красавицы надѣта тяжелая повязка, вся шитая золотомъ, съ падающими внизъ большими бляхами и съ сѣтчатыми длинными золотыми подвѣсями, унизанными жемчугомъ.

Затѣмъ съ большою торжественностью стали одѣвать Фиму. Надѣли на нее длинную, тонкую бѣлую сорочку, а потомъ другую изъ алой шелковой матеріи, шитой золотомъ и унизанной опять жемчугомъ и дорогими каменьями. Затѣмъ наконецъ принесли тѣлогрѣю распашную съ широкими рукавами. Но нарядъ невѣсты былъ еще далеко не конченъ. Принесли нѣсколько ларцевъ съ тяжелыми ожерельями, серьги, запоны, перстни...

Мало по малу Фима начала чувствовать, что и стоять-то ей тяжело въ этомъ торжественномъ, дорогомъ нарядѣ. Грузная повязка сжимала ей лобъ, огромное ожерелье давило горло и оттягивало плечи, а между тѣмъ царевнамъ и боярынямъ все казалось еще мало, онѣ не знали чѣмъ ужь и украсить Фиму.

Никогда еще неиспытанная головная боль усиливалась съ каждой минутой; какъ свинцомъ была голова налита, а тутъ еще принесли вѣнецъ тяжелый и, чтобъ какъ-нибудь не упалъ онъ, плотно надѣли его.

— Я головы повернуть не могу, у меня въ глазахъ рябитъ!—сказала Фима.

— Ну что это ты, государыня-царевна!—наперерывъ другъ за другомъ вскричали боярыни—ужь и тяжело!.. А хотя бы и такъ, потерпи немного, за то и нарядъ же! однихъ камней да жемчугу—цѣлыхъ два ларца опростали!

Манка Харитонова неподвижно стояла, будто любуясь Фимой. Глаза ея блестѣли, на губахъ время отъ времени мелькала торжествующая усмѣшка.

Пафнутьевна ходила кругомъ своей царевны, любовалась ею, и въ то же время на сердцѣ у нея было какъ-то тоскливо, будто она чего боялась, а чего—и сама не знала...

Фиму повели въ палату, гдѣ ужь дожидались ее и царь, и бояре. Она глянула назадъ, на Пафнутьевну, которая стояла и крестила ее вслѣдъ дрожавшей рукою. Ей захотѣлось сбросить съ себя всю эту мучительную роскошь, растоптать эти камни, этотъ жемчугъ, это пудовое золото... Ей захотѣлось броситься на шею мамкѣ и умолять ее, чтобы она увела ее куда-нибудь, дальше, дальше...

Что это? отчего такъ страшно? Отчего такое мученье? Передъ глазами ходятъ зеленые круги... Она шатается...

Двѣ боярыни ведутъ ее подъ руки. Вотъ и палата. Народу видимо—невидимо, но она никого и ничего ужъ не видитъ—въ голову стучитъ точно молоткомъ, совсѣмъ отяжелѣла голова, такъ сама и клонится; а между тѣмъ держать ее нужно прямо, не то, того и жди, упадетъ вѣнецъ—что̀ тогда будетъ!.. Голова горитъ, а руки, ноги, все тѣло—леденѣютъ, что-то сосетъ подъ сердцемъ, что-то подступаетъ къ горлу и на шеѣ жилы надуваются.

«Гдѣ же онъ, гдѣ?» думаетъ Фима и ищетъ глазами царя. Вотъ онъ... онъ направляется къ ней. Вотъ пришла торжественная минута... Она различаетъ ризы собравшагося духовенства... Онъ здѣсь... Онъ возлѣ нея. Онъ протягиваетъ ей руку, а за нимъ опять это ненавистное блѣдное лицо съ черной бородою. О, съ какой страшной злобой глядятъ на нее пронзительные глаза боярина Морозова!.. Вдругъ свѣтъ меркнетъ передъ нею, все сливается... Зеленые круги дѣлаются красными, потомъ желтыми—и ничего не видно...

Фима пошатнулась и съ громкимъ крикомъ упала на полъ.

Трудно передать то впечатлѣніе, какое произвелъ на всѣхъ собравшихся въ палатѣ этотъ крикъ, это паденіе царской невѣсты. Молодой царь, за минуту передъ тѣмъ съ обожаніемъ и восторгомъ глядѣвшій на свою Фиму, самъ вскрикнулъ и бросился къ ней, сталъ поднимать ее.

Она лежала въ своемъ тяжеломъ царственномъ нарядѣ совсѣмъ почти бездыханная. Вѣнецъ спалъ съ головы ея, все лицо и въ особенности лобъ налились кровью.

Бояринъ Морозовъ подалъ знакъ, чтобъ призвали женщинъ и унесли царевну.

— Вотъ горе!—громкимъ голосомъ сказалъ онъ,—недаромъ въ теремѣ поговаривали будто царевна испорчена... а я тѣмъ слухамъ вѣры не далъ... думалъ—то бабьи выдумки... анъ нѣтъ! Только Богъ милостивъ—не допустилъ Онъ конечнаго несчастья и погибели! Во-время оказалось, что у царевны немочь падучая!

Онъ оглянулъ собравшихся торжествующимъ и зоркимъ взглядомъ.

«Немочь падучая!» это слово мигомъ облетѣло всю палату, повторилось всѣми, и не нашлось ни одного человѣка, который бы высказалъ сомнѣніе, который рѣшился бы объяснить обморокъ царской невѣсты какой-нибудь случайной причиной, который обратилъ бы вниманіе на то, до какой степени затянуты ея волосы, какъ тяжелъ головной уборъ ея. Всѣ были рады найденному слову, всѣ были рады этой падучей немочи, которая обѣщала новое избраніе, новую возможность поправить дѣла и тѣхъ и другихъ. Одинъ только человѣкъ, долго неподвижно стоявшій въ углу палаты и безсмысленно озиравшійся, вдругъ вскрикнулъ:

— Немочь падучая! Лжете вы всѣ! здорова дочь моя— никогда никакой за ней не бывало немочи!

Рафъ Родіоновичъ съ искаженнымъ отчаяньемъ лицомъ, расталкивая всѣхъ, кинулся къ Фимѣ, наклонился надъ нею и быстро сорвалъ повязку съ головы ея. Онъ увидѣлъ на лбу ея яркую красную полосу; а Фима въ то же время вздохнула и открыла глаза. Подбѣжали взволнованныя боярыни, и, прежде чѣмъ Рафъ Родіоновичъ вымолвилъ слово, схватили ее и унесли въ теремъ.

Царь закрылъ лицо руками и зарыдалъ какъ малый ребенокъ.

Въ тотъ же день слухъ о происшествіи съ царской невѣстой разнесся по всей Москвѣ. Одни толковали, что Всеволодскіе своими хитростями скрыли отъ царя болѣзнь дочери, что она давно уже испорчена, другіе не вѣрили этому и вспоминали давно позабытую исторію Марьи Хлоповой. «Все это бояре злодѣи; должно полагать опоили, отравили дѣвицу неповинную!»... (Главы XIII, XIV, часть III).

Не смотря на всѣ старанія Пушкина, который былъ увѣренъ, что Всеволодская не испорчена, не страдаетъ никакой болѣзнью, и увѣрялъ въ томъ царя, о бракѣ этомъ нечего было и думать. Царь горевалъ и одарилъ Всеволодскихъ подарками, но все таки-ихъ сослали «за чары и злой умыселъ» въ Тюмень.

Годъ спустя молодой царь женился на Маріи Ильиничнѣ Мило-

славской къ торжеству боярина Морозова, который, въ свою очередь, взялъ за себя ея младшую сестру Анну.

По историческимъ документамъ, относящимся къ царствованію Алексѣя Михайловича, можно прослѣдить дальнѣйшую судьбу Всеволодскихъ. Въ 1649 году, по царскому указу, Рафъ Родіоновичъ былъ пожалованъ съ Тюмени изъ опалы на воеводство въ Верхотурье; но не прошло и года, какъ ему велѣно было снова вернуться въ Тюмень и ждать тамъ государева указу. Несчастный старикъ однако ничего не дождался—умеръ въ 1652 году и уже послѣ его смерти пришелъ указъ, чтобы быть ему въ Тюмени воеводою.

Затѣмъ сохранилась грамота отъ 17 іюля 1653 года, въ которой значится: «Рафову жену Всеволодскаго и дѣтей ея, сына Андрея и дочь Евфимію, и съ людьми отпустить съ Тюмени въ Касимовъ и быти ей и съ дѣтьми и съ людьми въ Касимовскомъ уѣздѣ въ дальней ихъ деревнѣ; а изъ деревни ихъ къ Москвѣ и никуда не отпущать безъ государева указа».

Собственно же о Фимѣ можно найти извѣстіе въ запискахъ современника всѣхъ этихъ событій, Самуила Коллинса. Около 1660 года онъ писалъ: «Развѣнчанная царская невѣста еще жива; со времени высылки ея изъ дворца никто не зналъ за нею никакихъ припадковъ. У ней было много жениховъ изъ высшаго сословія; но она отказывала всѣмъ и берегла платокъ и кольцо, какъ память ея обрученія съ царемъ. Она, говорятъ, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту».

Таковы послѣднія слова, записанныя исторіей о безвинно и безвременно испорченной жизни Касимовской красавицы. (Глава XVII, часть III).

ИЗЪ РОМАНА

Вс. С. Соловьева

„ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО."

Когда царь Алексѣй Михайловичъ женился на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, многіе родственники ея и свойственники наѣхали въ Москву и получили разныя служебныя мѣста. Между прочими пріѣхалъ и Залѣсскій, Никита Матвѣичъ, дальній родственникъ Милославскимъ.

У него былъ единственный сынъ, Александръ, способный и умный юноша.

〰〰〰

Алексаша поступилъ въ ученики къ малороссійскимъ монахамъ.

Откуда взялись эти монахи? А вотъ откуда: Өедоръ Михайловичъ Ртищевъ (постельничій государя, одинъ изъ его любимцевъ) былъ человѣкъ ума яснаго и широкаго, характера рѣшительнаго и смѣлаго, и при этомъ въ немъ не было и признака того недостатка, той болѣзни, какою страдало большинство старинныхъ русскихъ людей—не было лѣности. Напротивъ, ему хотѣлось работать, быть постоянно въ дѣйствіи. Прійдетъ въ голову мысль хорошая—тотчасъ же охота приводить ее въ исполненіе—садить и сѣять, и ждать плодовъ добрыхъ.

Съ ранней юности Өедоръ Михайловичъ познакомился съ нѣкоторыми жившими на Москвѣ и пріѣзжавшими по дѣламъ иностранцами. Отъ нихъ онъ узнавалъ о томъ, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, о томъ, какъ живутъ въ иноземныхъ государствахъ, какіе тамъ порядки, свычаи и обычаи.

И чѣмъ болѣе узнавалъ онъ о чуждой жизни и нравахъ, тѣмъ яснѣе ему становилось, что куда у «нѣмцевъ» лучше, куда они богаче и разумнѣе. А все почему: потому что у

нихъ есть наука, а русскіе люди въ темнотѣ ходятъ, дальше своихъ четырехъ стѣнъ ничего не видятъ.

«Чѣмъ мы хуже иноземцевъ!—думалось ему.—Старики наши какъ пни сидятъ, вросли въ землю, обросли мохомъ, ихъ не сдвинешь... Учиться и учить надо!..»

Съ разрѣшенія, Государя Ѳедоръ Михайловичъ построилъ на берегу Москвы-рѣки, вблизи отъ города, по кіевской дорогѣ, монастырь, получившій названіе Андроньева.

Когда постройка была готова, онъ призвалъ въ свой монастырь тридцать человѣкъ монаховъ изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей. Всѣ эти тридцать человѣкъ отличались ученостью. Имъ было поручено образованіе тѣхъ молодыхъ людей, которые пожелаютъ учиться.

Они должны были преподавать грамоту славянскую, латинскую и греческую, риторику и философію, а также переводить книги (Гл. VII, часть I).

Ртищевъ полюбилъ молодого Александра за его сметку и прекрасныя душевныя качества и принималъ въ немъ большое участіе. Сначала вниманіе царскаго постельничаго къ его сыну льстило Никитѣ Матвѣевичу, но мало по малу, какъ человѣкъ неученый и даже недалекій, онъ сталъ вѣрить людямъ невѣжественнымъ и темнымъ, что просвѣщеніе дѣло вредное и еретическое, что будто такіе образованные люди, какъ Ртищевъ, Морозовъ, патріархъ Никонъ, вводятъ разныя новшества на пагубу людскую,—и его начали очень тревожить ученость сына и любовь къ наукамъ. Чтобы отвлечь его отъ этого, онъ задумалъ женить Александра. Дѣвица, которую Залѣсскій выбралъ сыну, была дурна собой, да къ тому-же молодой Залѣсскій любилъ другую.

Сосѣдній съ Залѣсскимъ „дворъ“ принадлежалъ Алексѣю Прохоровичу Чемоданову. Сначала Никита Матвѣевичъ ничего не имѣлъ противъ этого сосѣдства, напротивъ того — даже былъ радъ ему. Сосѣди полюбовно размежевались безъ малѣйшихъ препирательствъ и затѣмъ стали оказывать другъ другу всякое почтеніе. Оба они были почти однихъ лѣтъ и

занимали почти одинаковое служебное положеніе, только Чемодановъ въ служебномъ дѣлѣ уже не былъ новичкомъ и не спалъ въ приказѣ. Его считали человѣкомъ съ головою и не безъ хитрости. У него не было сильной руки, при дворѣ не было могущественныхъ родственниковъ. Но онъ самъ съумѣлъ мало-по-малу найти и укрѣпить полезныя связи и теперь мечталъ о воеводствѣ. Никому онъ не повѣрялъ своихъ мечтаній, ни съ кѣмъ не совѣтовался, но зная всѣ ходы и выходы мало-по-малу приближался къ достиженію своей завѣтной цѣли. Назначеніе его на воеводство, хотя бы и на самое видное, никого бы ужь не удивило. Но между добивавшимися воеводства было два, три человѣка поважнѣе его именемъ, родствомъ и связями.

Онъ зналъ, что борьба съ этими людьми напрасна, а потому молчаливо уступалъ имъ дорогу, желая только одного, чтобы они прошли скорѣе и очистили ему мѣсто.

Чемодановъ былъ лично извѣстенъ царю, былъ вхожъ къ Морозову и даже къ Ртищеву. Человѣкъ иной разъ вѣдь на языкъ не воздерженъ — и пересмѣшники о немъ отзывались такъ:

„Чемодановъ хотя звѣздъ съ неба и не хватаетъ, по говоритъ красно и съ чувствомъ, и видъ у него важный, какъ есть воеводскій. Что-же, видъ—великое дѣло; бываетъ такъ, человѣкъ и уменъ, и ловокъ, и хитеръ, да вида у него никакого нѣтъ, ну и не пригоденъ къ иному дѣлу“.

И точно, у Алексѣя Прохоровича видъ былъ до такой степени важный, что вся напускная важность Залѣсскаго при немъ совсѣмъ пропадала. Да и важности-то своей Никита Матвѣевичъ научился отъ сосѣда...

Не только сосѣди дружили, но, по примѣру ихъ, сосѣдки тоже. Антонида Галактіоновна съ Анной Семеновной Чемодановой нерѣдко навѣщали другъ-дружку.

Антонида Галактіоновна отправлялась въ сосѣдскія хоромы въ сопровожденіи Алексаши, а Анна Семеновна приводила съ собой свою маленькую дочку Настю, прехорошенькую румяную и здоровую дѣвочку, которая, подобно Алексашѣ, осталась единственной въ живыхъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей.

Алексашѣ шелъ шестнадцатый годъ, Настѣ десятый. Маленькая шустрая дѣвочка всегда радовалась встрѣчѣ съ красивымъ большимъ мальчикомъ.

Онъ такой добрый, забавляетъ ее, смѣется съ нею.

Глядя на этихъ дѣтей, Антонида Галактіоновна иной разъ съ улыбкой говаривала сосѣдкѣ:

— А вотъ моему Алексашѣ и невѣста готова: что ты на это скажешь, матушка Анна Семеновна?

Анна Семеновна тоже улыбалась и отвѣчала:

— А что же... и впрямь, родимая, чего же лучше!

Дѣло, дѣйствительно, казалось совсѣмъ подходящимъ и возможнымъ. Пройдетъ еще годъ, другой, придется разлучить Алексашу съ Настей. Онъ совсѣмъ выростетъ, да и она подростать станетъ. Ему не мѣсто будетъ съ бабами, а ей непристойно станетъ такъ бѣгать на свободѣ какъ теперь, пока она еще малютка. Замкнется она въ теремѣ, въ четырехъ стѣнахъ; въ рѣдкихъ случаяхъ, показываясь на людяхъ, будетъ закутана фатою. И такъ, незрима мужскому глазу, разцвѣтетъ своей красою дѣвичьей. Ну, а затѣмъ... Залѣсскіе зашлютъ сватовъ...

Такъ могло бы кончиться дѣло, но случилось иначе.

Между сосѣдями, дружившими сначала, вдругъ пробѣжала черная кошка—и смѣшно сказать, но и нельзя правды утаить—причина всему заключалась въ черной курицѣ. Курица эта принадлежала Чемодановымъ и повадилась черезъ плохенькій заборчикъ, отдѣлявшій въ то время сосѣдскій садъ, перелетать къ Залѣсскимъ. На бѣду, Никита Матвѣевичъ въ глубинѣ сада огородъ устроилъ и, такъ какъ въ свободное и теплое время любилъ заниматься этимъ дѣломъ, ежедневно хаживалъ глядѣть, хорошо-ли подрастаютъ его овощи... Какъ ни придетъ, а черная курица тутъ какъ тутъ: роетъ землю, вырываетъ коренья, учиняетъ превеликую обиду хозяйскому сердцу. Прогналъ Никита Матвѣевичъ черную курицу разъ, другой и третій, а она все возвращается и съ каждымъ разомъ все больше и больше вреда его овощамъ наноситъ. Не

стерпѣлъ онъ, разгорѣлась въ немъ душа; завидѣлъ онъ черезъ заборъ сосѣда, величественно прогуливавшагося по своему саду, и не своимъ голосомъ закричалъ ему:

— Алексѣй Прохорычъ! а Алексѣй Прохорычъ!

Тотъ подошелъ къ забору все съ тѣмъ же величественнымъ видомъ.

— Здравствуй, Микита Матвѣичъ, какъ Богъ носитъ? давно не видались,—важно проговорилъ онъ.

Но Залѣсскій былъ внѣ себя.

— Да что тутъ здравствуй, а вотъ какъ это ты твою курицу ко мнѣ пускаешь...

— Какую курицу?—изумленно освѣдомился Чемодановъ.

— Какую! Извѣстно какую, черную—будто не видишь... Что же это ты мнѣ, сосѣдушка, въ досаду, на смѣхъ?!.—кричалъ Залѣсскій.

Чемодановъ вспыхнулъ, но все еще продолжалъ сохранять важный, степенный видъ.

— Да чего ты кричишь? — проговорилъ онъ, — тебѣ на меня кричать не приходится; коли хочешь говорить, говори толкомъ, а то болтаетъ человѣкъ нивѣсть что. Какая тамъ тебѣ далась курица?

— Да вотъ вѣдь ты видишь—она мнѣ весь мой огородъ изрыла, кажинный день залѣзаетъ и роетъ, а ты тутъ вотъ ходишь, видишь...

Чемодановъ пожалъ плечами.

— А хоть бы и видѣлъ!—роется курица въ землѣ, что же тутъ диковиннаго? не Богъ знаетъ чудо какое.

— Да твоя это курица?—захлебывался Залѣсскій.

— Можетъ и моя; птичницу спросить надо—равнодушнымъ и насмѣшливымъ тономъ проговорилъ Чемодановъ и зѣвнулъ во весь ротъ.

Никита Матвѣевичъ свѣта не взвидѣлъ. Если-бы сосѣдъ волновался такъ-же какъ онъ, онъ-бы съ нимъ поспорилъ немного да и затихъ-бы. Но эта важность и спокойствіе и, наконецъ, эти насмѣшки его совсѣмъ взорвали. Ему сразу показалось, что Чемодановъ и курицу эту нарочно пріучилъ досаждать ему, что вообще онъ всячески старается показать

передъ нимъ, Залѣсскимъ, свое превосходство. А тутъ еще вдругъ Чемодановъ послѣ зѣвка протянулъ:

— Ну что мнѣ съ тобою съ такимъ нонѣ разговаривать, пойди-ка ты, Микита Матвѣевичъ, да проспись.

— Какъ проспись?! Да что я—пьяный, что-ли!? Да какъ ты смѣешь мнѣ говорить такое, зазнался больно; это ты пойди да проспись, авось сномъ съ тебя глупая спѣсь твоя соскочитъ!..

Чемодановъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на разсвирѣпѣвшаго сосѣда, а потомъ взялъ да и плюнулъ.

— Совсѣмъ ты глупый человѣкъ, какъ я вижу,—сказалъ онъ, и опять-таки, спокойно и величественно, еще разъ плюнулъ, повернулся, да и ушелъ.

Никита Матвѣевичъ нѣсколько мгновеній стоялъ молча и не могъ прійти въ себя отъ такой обиды. Бѣшенство его, какъ съ нимъ часто бывало, внезапно утихло и поднялась теперь въ немъ холодная злость. Черная курица продолжала рыться въ огородѣ. Онъ подкрался къ ней, изловчился, схватилъ ее—и тутъ-же собственноручно свернулъ ей шею. Затѣмъ пришелъ въ домъ, призвалъ холопа и велѣлъ ему сейчасъ-же снести эту мертвую курицу Чемоданову и сказать ему, что всякую другую курицу или какого-бы то ни было звѣря сосѣдскаго, котораго онъ застанетъ у себя въ саду, онъ такъ-же умерщвлять будетъ.

Съ этого дня между сосѣдями началась вражда не на животъ, а на смерть.

Залѣсскій и Чемодановъ, гдѣ только могли и чѣмъ только могли, каждый по своему характеру стали изводить другъ-друга.

Конечно, прекратились всякія добрыя отношенія и между ихъ женами. Враждовать стали и холопья сосѣдскіе и скоро два сосѣдскихъ двора превратились въ два враждебныхъ лагеря.

Вражда эта не подѣйствовала только на Алексашу и на Настю. Они попрежнему питали другъ къ другу влеченье и нерѣдко сходились у забора. Но вотъ пришла зима, и встрѣчи эти прекратились сами собою. Настю рѣдко выпускали изъ дому, садъ занесло снѣгомъ. Весною они свидѣлись снова у того же забора. Настя очень обрадовалась Алексашѣ, но сообщила ему, что отецъ ея строго-на-строго ей запретилъ бѣ-

гать въ эту сторону сада, а тѣмъ паче подбѣгать къ забору, что онъ шибко ругается. Это не помѣшало ей, однако, время отъ времени ослушиваться строгаго родителя.

Но вотъ, къ концу лѣта, самъ Чемодановъ накрылъ какъ-то свою дочку въ мирной и веселой бесѣдѣ съ „Залѣсскимъ парнишкой". Алексаша очень развязно поклонился Алексѣю Прохоровичу, но тотъ ему на поклонъ не отвѣтилъ, молча подошелъ къ Настѣ, взялъ ее за ухо и потащилъ за собою. Бѣдная дѣвочка залилась громкимъ плачемъ.

Съ этого дня Алексаша ее не видалъ больше. Мало того, черезъ нѣсколько дней въ домѣ Залѣсскихъ разнеслась новость: сосѣдъ на мѣсто прежняго низенькаго заборчика сооружаетъ новый. Прошло двѣ, три недѣли—и владѣнья враговъ раздѣлились высочайшимъ заборомъ, утыканнымъ гвоздями. А осенью Чемодановъ добился своего: онъ былъ назначенъ на воеводство въ Переяславль и переѣхалъ туда съ семьею.

— Ну и слава Богу,—говорилъ Залѣсскій,—нетолько въ Переяславль, а хоть-бы въ тартарары провалился, лишь-бы духу его здѣсь не было!

Но это онъ такъ говорилъ, а на душѣ у него было совсѣмъ иное. Первымъ дѣломъ онъ завидовалъ возвышенію Чемоданова, а затѣмъ, съ этимъ отъѣздомъ, онъ терялъ изрядное развлеченье: безъ этой вражды, безъ придумыванья время отъ времени чѣмъ-бы насолить сосѣду—онъ скучалъ. Опустѣлъ дворъ Чемодановыхъ, въ домѣ остались стражами человѣкъ съ пятнадцать прислуги.

Такъ прошелъ годъ, другой, и третій, и четвертый. Чемодановъ все воеводствовалъ въ Переяславлѣ. Къ великой досадѣ Никиты Матвѣевича, онъ тамъ ни въ чемъ не провинился, не сдурилъ, ничѣмъ не навлекъ на себя немилости. Напротивъ, Никита Матвѣевичъ зналъ, что царь и сильные люди имъ весьма даже довольны.

Въ теченіе этихъ лѣтъ Александръ, конечно, и думать забылъ о своей маленькой подругѣ Настѣ. Онъ совсѣмъ ушелъ въ ученье, въ заботы о своемъ Андреевскомъ, такъ ушелъ, что иной разъ даже и не замѣчалъ что̀ дѣлается вокругъ него въ родительскомъ домѣ.

Въ весеннюю и лѣтнюю пору, когда онъ гулялъ по саду, ему и въ голову не приходила мысль о Чемодановыхъ и о Настѣ. Но высокій заборъ, воздвигнутый сосѣдомъ, сослужилъ ему службу. У этого забора, въ гущинѣ кустовъ, даже и въ самое знойное время, было всегда прохладно. Сюда Александръ натащитъ, бывало, сѣна, да и лежитъ себѣ часъ, другой и третій въ полуденную пору за чтеніемъ взятой въ монастырѣ книги, за урокомъ, заданнымъ учеными монахами.

Тутъ хорошо такъ и тихо, никто и ничто не нарушаетъ уединенія. Тишина и у нихъ въ саду, а въ сосѣдскомъ саду и еще того тише. Заросъ онъ совсѣмъ; въ эту сторону, къ забору, даже и сторожа чемодановскіе никогда не заглядываютъ.

Надъ головою и неба не видно — такъ сплелись и переплелись вѣтки. Куда ни взглянешь — всюду зеленые листья и только мѣстами просачивается сквозь нихъ золотой солнечный свѣтъ и скользитъ то тамъ, то здѣсь, будто брызжетъ золотомъ.

Иной разъ гдѣ-то высоко, высоко жужжатъ пчелы — и опять все тихо, и только церковный благовѣстъ, разливаясь въ тихомъ лѣтнемъ воздухѣ, нарушаетъ тишину эту, наводя на душу не то грустное, не то сладкое чувство.

Много, много часовъ въ эти годы провелъ здѣсь Александръ у забора на своемъ сѣнѣ, много всякихъ думъ здѣсь онъ нашелъ и оставилъ.

Бывало, мысли наплываютъ со всѣхъ сторонъ, обгоняютъ одна другую, — на колѣняхъ книга, въ рукѣ карманный ножикъ и, самъ того почти не замѣчая, вырѣзаетъ Александръ этимъ ножикомъ на заборѣ свое имя, вырѣзаетъ его и такъ и этакъ, а потомъ, коли не понравится, совсѣмъ срѣжетъ и высверлитъ онъ вырѣзанныя буквы. И некому попенять ему, что какъ-же это онъ заборъ, да еще и чужой, портитъ...

Кончилось въ пять лѣтъ тѣмъ, что продолбилъ таки Александръ доску, а когда оказалась она продолбленной да засквозила — самъ онъ себѣ подивился: зачѣмъ такую глупость сдѣлалъ. Рѣшилъ онъ даже позвать плотника, задѣлать дыру. Но рѣшеніе это какъ-то все забывалось, а затѣмъ, мало-по-малу, явилась привычка, время отъ времени,

лежа на сѣнѣ, заглядывать въ это отверстіе. Глядѣть-то тамъ, конечно, нечего: за заборомъ такіе-же кусты, такіе-же листья... Но все-же, иной разъ, и это—развлеченіе...

Такъ проломленная доска въ заборѣ и осталась. Александръ уже совсѣмъ выросъ, непохожъ на прежняго, отъ былой жизни ничего не осталось. Да и не вспоминаетъ онъ никогда свои дѣтскіе и отроческіе годы, полный живыми, новыми интересами.

— А слышалъ ты, Алексаша,—какъ-то сказала ему мать,—вѣдь сосѣди-то наши опять въ Москву пріѣзжаютъ...

— Нѣтъ, не слыхалъ!—равнодушно отвѣтилъ онъ.

— Какъ-же, какъ-же, золотой мой, ужъ и обозы пришли изъ Переяславля, людишекъ ихнихъ много наѣхало, черезъ недѣлю, говорятъ, и сами будутъ... Эхъ, начнутся у насъ опять всякія враждованья!.. Отецъ-то какъ узналъ, осерчалъ совсѣмъ... И-и, не приведи Господи... какъ хватитъ по столу кулакомъ! „Возвращается, говоритъ, мой ворогъ лютый. Ну, не сдобровать ему, — такъ, либо этакъ, а вымещу я старую обиду“... Вотъ оно что́, Алексашенька!

— А дочка-то ихъ, Настя, уже заневѣстилась, — прибавила Антонида Галактіоновна инымъ тономъ,—который ей теперь годъ-то, дай Богъ памяти... шестнадцать, либо семнадцать, полагать надо. Помнишь ты, чай, Настю, Алексаша?

— Помню, помню,—опять-таки совсѣмъ равнодушно отвѣтилъ Александръ.

Какое ему дѣло до Чемодановыхъ, до Насти? Своего дѣла всякаго у него много. Вотъ только чего это отецъ старую вражду поднимать хочетъ, совсѣмъ это не хорошо. Ну, да отца не передѣлаешь, какимъ онъ есть, такимъ и останется.

И Александръ позабылъ думать о Чемодановыхъ и ихъ пріѣздѣ.

Вѣсть, сообщенная Антонидой Галактіоновной, оказалась вѣрной. Чемодановъ уже давно соскучился въ Переяславлѣ, его тянуло снова на Москву, свычаи и обычаи которой онъ сильно любилъ, такъ какъ здѣсь ему было больше простору.

Въ первое время своего воеводства онъ находилъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ го-

родѣ; но теперь ему уже хотѣлось быть если не первымъ, то изъ первыхъ въ городѣ. Захотѣлось ему получить большое и видное мѣсто на Москвѣ. Воеводская его служба царскому величеству была извѣстна и онъ разъ даже получилъ царскую грамоту самаго милостиваго содержанія.

Время отъ времени онъ напоминалъ о себѣ и обращался къ благопріятелямъ, прося ихъ приглядѣть ему изрядное мѣстечко, какого онъ заслуживаетъ своимъ радѣніемъ.

„А въ Переяславлѣ на воеводствѣ мнѣ не сидится,—писалъ онъ—все тихо, слава Богу; что надо было привести въ порядокъ, то я привелъ и нынѣ чувствую большую склонность къ царскому посольскому дѣлу“.

Благопріятели въ отвѣтъ ему отписывали о томъ, о другомъ, о третьемъ, и о посольскихъ дѣлахъ между прочимъ, но тѣмъ это и ограничивалось. И вотъ рѣшился Чемодановъ идти на проломъ, рѣшился самъ отказаться отъ воеводства, пріѣхать снова въ Москву и, уже не полагаясь на друзей, которые только на обѣщанія падки, самолично хлопотать за себя передъ сильными людьми и царемъ. Какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ мечталъ о воеводствѣ, такъ мечталъ теперь о посольскомъ дѣлѣ. Оно такъ согласовалось съ его важностью. Онъ уже ясно представлялъ себѣ какъ будетъ посланъ съ царской грамотой, всякими подарками и тайнымъ государевымъ наказомъ къ Полякамъ либо къ Шведамъ, либо къ самому Турецкому султану. Какъ онъ будетъ стоять за государевы интересы, съ какимъ торжествомъ, послѣ удачнаго окончанія посольства, будетъ возвращаться на Москву и какъ царь его будетъ за это жаловать.

Такъ и вернулся Алексѣй Прохоровичъ съ женою и дочерью, поселился въ своемъ домѣ, повидался со всѣми нужными людьми, представлялся и царю, былъ имъ благосклонно принятъ, доложилъ ему красно и обстоятельно о состояніи Переяславскаго воеводства и затѣмъ билъ челомъ за его службишку дать ему работу въ посольскомъ приказѣ, ибо къ этой работѣ влечетъ его сердце.

Просьба его была уважена и онъ уже надѣялся, что, по тревожному времени, требовавшему постоянныхъ сношеній съ

сосѣдними государствами, его немедленно-же выберутъ въ послы. Но покуда такого назначенія не состоялось.

Старые враги, Чемодановъ и Залѣсскій, не разъ уже встрѣчались другъ съ другомъ и каждый разъ повертывались другъ къ другу спиною. Вражда, совсѣмъ уснувшая во время разлуки и въ томъ и другомъ, теперь снова разгорѣлась и оба они придумывали чѣмъ-бы насолить другъ другу. Но пока такого случая не представлялось. Владѣнія ихъ соприкасались только въ одномъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ былъ воздвигнутъ теперь высокій заборъ и куда никто кромѣ Александра не заглядывалъ. Дворы ихъ выходили на двѣ различныя улицы.

Чемодановъ пріѣхалъ въ концѣ лѣта. Александръ, не думая и не помышляя о сосѣдяхъ, продолжалъ въ хорошую погоду забираться на свое любимое мѣстечко на сѣно и проводить тамъ цѣлые часы за чтеніемъ. Хотя и пріѣхали сосѣди, но тишина и уединеніе у забора не нарушались ничѣмъ. Садъ у Чемодановыхъ былъ огромный; быть можетъ тамъ, ближе къ дому, его теперь и расчистили, но въ эту сторону все-же никто не заглядывалъ. Сколько разъ ни прикладывалъ Александръ глазъ къ прорѣзанной имъ доскѣ, онъ ничего новаго не видѣлъ по ту сторону.

Но вотъ, однажды, это было уже къ концу августа, лежа по обычаю на сѣнѣ, ухомъ почти у самаго отверстія, разслышалъ Александръ за заборомъ какой-то шорохъ. Онъ повернулъ голову и сталъ глядѣть. Шорохъ приближается, есть кто-то тамъ, за ближними кустами, кто-то раздвигаетъ вѣтки— и вдругъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, по ту сторону забора, онъ видитъ прекрасную дѣвицу. Онъ глядитъ не шелохнувшись, затаивъ дыханіе... Юное розовое личико съ большими черными глазами, все дышащее свѣжестью и здоровьемъ, пышныя складки кисейной рубашки вздымаются на высокой груди, голубой шелковый сарафанъ охватываетъ гибкій и стройный станъ, длинная, темная, перевитая лентой коса спускается до колѣнъ. Дѣвушка оглядывается. Что́ выражается въ лицѣ ея — сразу разобрать трудно: любопытство, сожалѣніе о чемъ-то... Богъ ее вѣдаетъ!..

Вотъ она склонилась, опустилась на колѣни на траву и теперь уже видно ясно, что по лицу ея скользнуло тайное неудовольствіе, грусть, досада. Да, она недовольна, чѣмъ-то очень недовольна, такъ недовольна, что того и гляди заплачетъ.

Это неожиданное и милое видѣніе совсѣмъ очаровало Александра, онъ сразу все вспомнилъ, узналъ въ этой склонившейся въ двухъ шагахъ отъ него прелестной дѣвушкѣ свою маленькую подругу и, не помня себя, неудержимо воскликнулъ:

— Настя!

Она такъ вздрогнула, что даже схватилась рукой за сердце, даже нѣжная краска сбѣжала со щекъ ея. Она не шевелилась, чутко прислушиваясь.

— Настя! — еще разъ крикнулъ Александръ.

Она опять вздрогнула и въ лицѣ ея, быстро, быстро смѣняя другъ-друга, промелькнули всевозможныя ощущенія. Тутъ былъ и ужасъ, и страхъ, и изумленіе, и стыдъ, и радость. Она глядѣла передъ собою и уже не могла теперь не замѣтить, откуда идетъ этотъ голосъ. Она уже увидѣла отверстіе въ заборѣ... да и какъ это не замѣтила его сразу?! Что-же ей дѣлать! Бѣжать, скрыться, — это была первая мысль, когда мысли явились. Это было первое движенье, когда она получила способность двигаться. Но она не убѣжала, не скрылась.

— Кто-же это зоветъ меня? — проговорила она замирающимъ голосомъ.

— Я.

Александръ уже справился съ собою. Онъ уже былъ такимъ, какимъ знали его и товарищи, и учителя-монахи, и Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, то-есть смѣлымъ, бойкимъ, находчивымъ.

— Я зову, я... — заговорилъ онъ. — Не бойся, Настя, загляни вотъ сюда... — и онъ просунулъ черезъ отверстіе свою руку. — Загляни, тебя отъ того не убудетъ, тогда увидишь меня, а увидишь — можетъ и узнаешь.

Настя закрыла лицо руками, сердце ея такъ и колотилось, готово было выскочить. Бѣжать, скрыться... Она дѣйствительно приподнялась, но двинулась не назадъ, а впередъ,

къ самому забору, и вотъ опять склонилась—и заглянула въ отверстіе.

И она увидѣла стройнаго красиваго юношу съ курчавыми волосами съ мягкой русой бородкой.

И она узнала его, да и кто-же это могъ быть другой? Это онъ, тотъ самый Алексаша, котораго она такъ любила, будучи ребенкомъ, съ которымъ повидаться бѣгала сюда, когда не было тутъ еще этого высокаго забора, Алексаша, изъ-за кого такъ больно досталось ея уху отъ отца пять лѣтъ тому назадъ. Это онъ, тотъ самый Алексаша, котораго она, по пріѣздѣ въ Переяславль, совсѣмъ было забыла, о комъ не думала цѣлыхъ три года, да потомъ вдругъ невѣдомо съ чего, года два тому назадъ, о комъ снова стала думать и думала все чаще и чаще, все больше и больше, о комъ мечтала, кого представляла себѣ, кого ждала, изъ-за кого съ такой радостью встрѣтила вѣсть о переѣздѣ въ Москву, по комъ, сама того не сознавая, томилась все это послѣднее время. Это онъ, о комъ думать и мечтать, опять-таки почти безсознательно, пришла сюда, на старое мѣсто ихъ свиданій, гдѣ съ тоскою и досадой увидѣла высокій заборъ, чрезъ который ничего не видно, ничего не слышно...

Вотъ онъ какой!.. и онъ узналъ ее, и онъ глядитъ такъ ласково, такъ... она сама не знаетъ кàкъ глядитъ онъ, только ей жутко и сладко отъ этого взгляда.

— Алексаша!—шепчутъ ея губы.

Молодые люди по возвращеніи Чемоданова въ Москву продолжали тайкомъ видѣться по обѣ стороны высокаго забора. Въ одно прекрасное утро, когда Александръ рѣшился въ первый разъ перелѣзть черезъ заборъ, его съ Настей накрылъ случайно самъ Чемодановъ и, конечно, пришелъ въ ярость. Во всемъ этомъ признался Александръ своему покровителю и другу, Ртищеву. Тотъ посовѣтовалъ прежде всего постараться отсрочить сватовство на нелюбимой боярышнѣ хоть на одинъ мѣсяцъ, обѣщавъ все устроить.

Какъ разъ въ это время Венеціанское государство просило помощи у Русскаго царя противъ общаго врага, Турціи, да кстати и права торговли въ Россіи. Царь рѣшилъ послать въ Венецію посольство, назначивъ посломъ Чемоданова. Ртищевъ воспользовался этимъ. Онъ

разсказалъ царю все про Александра Залѣсскаго, про его ученость и способности, про любовь его къ Настѣ Чемодановой, про то, что отецъ хочетъ женить его, на другой,—и предложилъ его царю, какъ переводчика и секретаря при посольствѣ. Алексѣй Михайловичъ согласился на это, милостиво принялъ участіе въ чувствахъ молодого человѣка и, не называя Александра, искусно заставилъ Чемоданова обѣщать, что онъ будетъ относиться какъ къ родному сыну къ тому, кого дадутъ ему въ переводчики. О Настѣ же Чемоданову было сказано, что на время его отсутствія царица возьметъ ее къ себѣ въ теремъ.

Въ душѣ своей Чемодановъ, конечно, не радъ былъ такому секретарю, какъ Александръ Залѣсскій и высказывалъ ему постоянное пренебреженіе, но молодой человѣкъ рѣшился терпѣть. Путь въ чужіе края былъ для него очень интересенъ; онъ все записывалъ и чертилъ на картѣ. Въ Венецію послы наши отправились на кораблѣ. На морѣ они пережили сначала небольшое волненіе, и Чемодановъ съ дьякомъ Посниковымъ стали гадать какъ бы вернуться по сушѣ; Посниковъ разсказалъ про чертежи Залѣсскаго и хотя Чемодановъ и прикидывался, что не вѣритъ въ знанія молодого человѣка, однако кончилъ тѣмъ, что попросилъ Посникова взять чертежи какъ бы для себя и показать ему.

~~~~~~~~~~

Посниковъ передалъ Александру свой разговоръ съ Алексѣемъ Прохоровичемъ и взялъ у него чертежи.

— Пусть онъ докажетъ тебѣ, что я ничего не знаю,— сказалъ Александръ съ веселой улыбкой, только-бы намъ благополучно добраться до Ливурны, а ужь тамъ, хочетъ не хочетъ, придется ему преложить гнѣвъ на милость... безъ меня не обойдется.

— Вѣстимо такъ,—отвѣчалъ Посниковъ,—да вѣдь и человѣкъ-то онъ не злой, только нравенъ да упрямъ больно — изъ одного упрямства теперь тебѣ спину показываетъ...

Но Александру не пришлось дожидаться пріѣзда въ „Ливурну“. У береговъ Ирландіи поднялась такая буря, что голландцы, сначала, по обыкновенію, успокоивавшіе своихъ пассажировъ, вдругъ объявили о настоящей, большой опасности. Среди ночного мрака море представляло клокочущую бездну, разверзавшуюся каждую минуту и каждую минуту готовую поглотить корабли. Волны со всѣхъ сторонъ вздымались какъ стѣны и, обрушиваясь на палубу, стекали внутрь потоками, разрушая всѣ препятствія. Корабль метало какъ щепку.

Думать теперь о томъ, что „съ души воротитъ“ никому
~~~~~~~~~~

не приходило и въ голову. Вся посольская прислуга, вмѣстѣ съ матросами, была на ногахъ. То и дѣло выкачивали воду, задѣлывали наглухо окна, многія стекла которыхъ разбились. Волненіе моря усиливалось, казалось, съ каждой минутой.

Капитанъ, опытный старый мореходъ, весь блѣдный, говорилъ, что такой бури онъ еще никогда не испыталъ и что врядъ-ли корабли, хоть и почти новые и очень крѣпко слаженные, ее вынесутъ. При этомъ берегъ далеко и приблизиться къ нему нѣтъ никакой возможности. На помощь извнѣ разсчитывать нечего.

Ко всѣмъ бѣдамъ, среди ночи, оказалась течь и въ трюмѣ воды набралось выше аршина. Течь кое-какъ задѣлали парусомъ и стали усиленно выкачивать воду ведрами и котлами.

Ждали утра въ надеждѣ, что оно принесетъ спасеніе; но утро оказалось еще хуже ночи. Проходили часы, а буря не унималась, а волны все съ новой и новой силой перекидывались черезъ бортъ и заливали палубу. Вода въ трюмѣ не прибывала благодаря непрерывному выкачиванію, но и не убывала. Къ вечеру второго дня всѣ изнемогли отъ усталости. На всѣхъ лицахъ изображалось полное отчаянье. Вотъ уже нѣсколько посольскихъ „людишекъ", въ полномъ изнеможеніи, прекратили работу и никакими мѣрами невозможно было заставить ихъ выйти изъ одолѣвшаго ихъ равнодушія. Они легли тамъ, гдѣ стояли, прямо въ воду, и, казалось, ничего не видѣли, не понимали.

Александръ, бодрившійся до послѣдняго времени и, рукъ не покладая, работавшій не хуже матросовъ, увидѣлъ, наконецъ, что больше не можетъ. Онъ весь будто окаменѣлъ, руки не слушались, не поднимались. Посниковъ, нѣсколько часовъ отдыхавшій, смѣнилъ его, а онъ, шатаясь и падая на каждомъ шагу, кое-какъ добрался по мокрому полу до столовой и въ изнеможеніи опустился на скамью, которая только потому оказалась на мѣстѣ, что ножки ея были крѣпко накрѣпко придѣланы къ полу.

Сквозь блѣдный полусумракъ, лившійся изъ единственнаго оставшагося въ каютѣ неразбитымъ оконца, рисовалась кар-

тина полнаго разрушенія. Вся столовая была исковеркана, даже большой столъ почти выворочень изъ пола. Со всѣхъ сторонъ снесли сюда разные ящики и всякую поклажу, и эти ящики и узлы, при каждомъ сильномъ сотрясеніи и наклонѣ корабля, сдвигались съ мѣста, ударялись другъ о друга и, будто живые, двигались по мокрому полу.

Плескъ огромныхъ волнъ, грузно падавшихъ и разбивавшихся надъ головою, на палубѣ, свистъ и завываніе вѣтра, скрипъ и визгъ снастей и смутный гулъ людскихъ голосовъ— все это сливалось въ немолчный ужасный шумъ, раздражающій и отвратительный.

Крѣпко держась за лавку и упираясь ногами въ какой-то ящикъ, чтобы не упасть, Александръ опустилъ голову на грудь, закрылъ глаза и на нѣсколько мгновеній совсѣмъ забылся. Но отъ сильнаго толчка, отъ котораго страшно застоналъ, затрещалъ и завизжалъ всѣми своими снастями корабль, забытье прошло; мысли прояснились, явилось сознаніе дѣйствительности.

Полное отчаяніе охватило душу Александра. Онъ ужь не вѣрилъ теперь въ возможность спасенія. Онъ зналъ теперь, что приходитъ смерть, ужасная, неминучая, съ которой нельзя бороться, отъ которой некуда бѣжать. Смерть! еще часъ тому назадъ эта мысль не приходила ему въ голову, несмотря на отчаянное положеніе корабля, несмотря на то, что онъ отлично понималъ всю опасность. Но онъ не разсуждалъ, онъ дѣлалъ, что надо, работалъ пока хватало силъ. Теперь-же онъ почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что смерть близко, что она подходитъ все ближе и ближе съ каждой секундой...

Смерть! умереть... да развѣ возможно это? жизнь представлялась до сихъ поръ какой-то безконечностью, все было впереди, и все манило. И вдругъ — впереди ничего... и все ужь осталось позади!.. Въ одинъ мигъ вся жизнь, все прошлое воскресло и стало какъ живое передъ Александромъ. Въ одинъ мигъ онъ будто на яву увидѣлъ всѣхъ близкихъ, онъ услышалъ голоса ихъ... Вотъ это говоритъ отецъ, а это мать, а это Ѳедоръ Михайлычъ... а это Настя!..

— Смерть пришла!—слышитъ онъ, сквозь гулъ и трескъ,

у самаго своего уха чей-то грустный голосъ. Но кто говоритъ это?.. это не отецъ, не мать, не Ртищевъ и не Настя...

Чья-то рука тяжело легла на плечо его. Онъ открылъ глаза и въ полумракѣ разглядѣлъ лицо Чемоданова со спутанными волосами и всклокоченной бородою.

— Смерть пришла!—повторилъ Чемодановъ,—видно такъ Богу угодно!..

Голосъ его дрогнулъ; но вдругъ окрѣпъ и онъ продолжалъ даже почти спокойно:

— Страшно оно и тяжко, да противъ Бога не пойдешь... Его святая воля! Да и то опять — сколько ни живи, а умирать все-же придется... такъ не все-ли равно, гдѣ Господь пошлетъ по̀ душу... Такъ-то... вотъ что̀ я скажу тебѣ, Лексаша: много ты виновенъ предо мною, и ты, и отецъ твой, да коли привелось намъ помирать вмѣстѣ... гдѣ ужь тутъ враждовать... грѣхъ это, особливо передъ смертью... простилъ я тебя... прости и ты меня, Христа ради!..

Александръ вдругъ забылъ все—онъ слышалъ только эти послѣднія слова Чемоданова. Онъ приподнялся, кинулся къ нему на шею—и почувствовалъ, что и старикъ его обнимаетъ.

— Алексѣй Прохорычъ, — сквозь подступавшія рыданія, прерывающимся голосомъ шепталъ онъ,—Господь съ тобою... нешто я что̀... за что̀ мнѣ прощать тебя... въ сердцѣ своемъ я всегда почиталъ тебя и почитаю... что̀ у васъ тамъ съ батюшкой—не мое то дѣло...

— Алексѣй Прохорычъ... да неужто—смерть?—отчаянно закончилъ онъ, и сердце у него остановилось въ ожиданіи отвѣта.

— Смерть, Лексаша!—спокойно и увѣренно проговорилъ Чемодановъ.

— Боже мой... да за что-же? — невольно вырвалось изъ груди Александра.

— Судьбы Божіи неисповѣдимы... Жаль мнѣ тебя... молодъ ты... ну, да что̀ объ этомъ... Молиться давай, Лексаша... И у тебя, чай, грѣхи найдутся... а у меня, стараго... охъ... грѣшенъ я, грѣшенъ!.. Господи, помилуй!..

Онъ, все не выпуская Александра, осѣнилъ себя крест-

нымъ знаменіемъ—и Александръ почувствовалъ, что еще не все погибло, что Богъ близко, что Онъ услышитъ... И онъ всей душой, всѣмъ существомъ своимъ сталъ молиться.

Но смерть ихъ миновала, и послѣ длиннаго и утомительнаго путешествія на голландскомъ кораблѣ, русскіе послы, наконецъ, доплыли до Ливорно.

Пріѣздъ русскаго посольства въ Ливорно не былъ для города неожиданностью. Недавно вернувшійся изъ Москвы посланецъ Венеціанской республики, Вимина, проѣздомъ черезъ Ливорно сообщилъ властямъ, что вслѣдъ за нимъ должно появиться Московское посольство, отправляющееся въ Венецію.

Въ Ливорно уже имѣли кое-какое представленіе о Московіи, такъ какъ между ливорнскими купцами существовали торговыя сношенія съ Архангельскомъ. Россія поставляла тогда въ Италію весьма значительное количество икры и воску, а также собольихъ и иныхъ мѣховъ.

Богатый купецъ Лонгланъ, издавна торговавшій съ Архангельскомъ, убѣдилъ своихъ согражданъ сдѣлать Московскому посольству блестящій пріемъ. Едва русскіе корабли показались у ливорнскаго рейда, какъ со всѣхъ стоявшихъ въ рейдѣ судовъ раздались салюты, выстрѣлы изъ мортиръ. Чемодановъ, нарядившійся въ богатую посольскую одежу, въ высочайшей своей шапкѣ, важно стоялъ на палубѣ и, заслышавъ выстрѣлы, внезапно оживился. Его сердцу было отрадно это выраженіе почета, которымъ его встрѣчали. Онъ немедленно-же распорядился, чтобы отвѣчали такими же выстрѣлами изъ мортиръ.

— Пороху не жалѣть!—крикнулъ онъ,—царь-батюшка не станетъ мнѣ пенять за порохъ... Коли насъ почитаютъ, то и мы должны почтеніемъ отвѣтствовать... Вѣдь мы не простые гости... мы посольство великаго государя—и всѣ должны видѣть это и чувствовать...

— Иванъ Иванычъ... Лександръ Микитичъ! — кричалъ онъ,—что-жь это вы? въ какомъ платьѣ? сейчасъ, скорѣе—дорогіе кафтаны, шапки! Али забыли кто вы?.. Пусть всѣ видятъ... пусть всѣ чувствуютъ!..

Посниковъ и Александръ внезапно прониклись его словами, его чувство сообщилось и имъ—и черезъ пять минутъ они стояли ужъ рядомъ съ посломъ въ кафтанахъ, парча которыхъ сверкала на солнцѣ, и въ высокихъ собольихъ шапкахъ.

— Чуръ, не сходить на берегъ, пока ихнее начальство не пріѣдетъ къ намъ само на поклонъ и не пригласитъ въ свой городъ!—торжественно объявилъ Чемодановъ.

— Ну, а коли они о томъ не догадаются, вѣдь мы не въ Ливурну посланы...—замѣтилъ было Посниковъ.

— Посмотрю я какъ они не окажутъ такого почтенія посламъ его царскаго величества!—все съ возраставшей важностью сказалъ Алексѣй Прохоровичъ, и по его лицу видно было, что онъ не тронется съ мѣста, пока не явится ливорнское начальство.

Ждать, однако, пришлось не долго. Губернаторъ Ливорно, Антоніо Серристори, послалъ чиновника привѣтствовать пріѣзжихъ.

Нарядный синьоръ, въ сопровожденіи вооруженной стражи, взошелъ на палубу и почтительно раскланялся передъ послами, причемъ Чемодановъ важно кивнулъ головою, а Посниковъ поклонился пониже.

— Александръ, переводи... что̀ онъ такое бормочетъ, этотъ куцый, и кто таковъ?—строго поводя глазами произнесъ Алексѣй Прохоровичъ.

Александръ смущенно и нѣсколько робѣя подошелъ къ нарядному синьору и обратился къ нему на латинскомъ языкѣ. Синьоръ сталъ вслушиваться, понялъ, любезно улыбнулся и, мѣшая латинскія и итальянскія фразы, объяснилъ Александру все, что было надо...

— Ну?—нетерпѣливо вопрошалъ Чемодановъ.

— Онъ посланъ здѣшнимъ губернаторомъ поздравить насъ съ пріѣздомъ и проситъ сойти на берегъ... Жить намъ предлагаетъ въ домѣ почтеннаго купца Лонглана... нашъ грузъ, пока его не перевезутъ въ домъ, будетъ охранять стража.

— Ладно!—сказалъ Алексѣй Прохоровичъ,—да спроси ты его—онъ-то кто? что за птица?.. ужь больно что-то невзраченъ...

Александръ спросилъ и перевелъ:

— Онъ говоритъ, что онъ ближній человѣкъ губернатора и что губернаторъ самъ-бы пріѣхалъ, да вотъ ужъ съ недѣлю какъ нездоровъ, изъ дому не выходитъ.

— Ну, коли нездоровъ, такъ ты скажи, что въ этомъ Богъ воленъ и что мы его, за болѣзнью, извиняемъ... Скажи, что о купцѣ Лонгланѣ мы слышали и что ежели онъ сумѣетъ принять насъ, какъ подобаетъ нашему достоинству, то мы погостить въ его домѣ согласны...

Александръ, конечно смягчая высокомѣрную рѣчь посла, передалъ его слова синьору и, выслушавъ все, что тотъ ему отвѣтилъ, обратился къ Алексѣю Прохоровичу:

— Онъ говоритъ, что городъ Ливорно радуется нашему пріѣзду, что городъ готовитъ намъ встрѣчи, пиршества и всякія удовольствія... Онъ надѣется, что послы Московскаго царя останутся довольны пріемомъ.

— Вотъ это онъ ладно говоритъ, — покровительственно кивая синьору произнесъ Чемодановъ,—скажи ему, что я имъ доволенъ, пусть продолжаетъ служить намъ и почтительно вести себя... тогда я сдѣлаю ему подарокъ.

Алексѣй Прохоровичъ очень-бы разсердился, еслибъ могъ понять, что Александръ ничего этого не сказалъ синьору, а только поблагодарилъ его отъ имени царскаго посольства.

Едва послы оглядѣлись и отдохнули, какъ самъ губернаторъ Ливорно, Серристори, сдѣлалъ имъ визитъ.

Онъ оказался красивымъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, въ дорогой бархатной съ позументами одежѣ, поверхъ которой была надѣта епанча, а на шеѣ красовалась золотая цѣпь. На головѣ у него была шляпа съ большимъ перомъ. Онъ явился въ сопровожденіи ассистентовъ.

Чемодановъ встрѣтилъ губернатора привѣтливо, но не безъ важности, протянулъ ему руку, а затѣмъ сѣлъ въ кресло и уже потомъ пригласилъ жестомъ сѣсть и гостя.

— Скажи ему,—обратился онъ къ Александру,—что мы радуемся его видѣть въ добромъ здоровьи и что это онъ очень хорошо сдѣлалъ, что къ намъ пожаловалъ. По возвращеніи на Москву мы похвально о немъ отзовемся великому государю. Скажи ему, что городъ Ливурно намъ пришелся по нраву

и что мы погостимъ здѣсь нѣкоторое время. Да еще скажи, что у насъ съ собою большой запасъ всякихъ товаровъ и мы намѣрены изрядную часть ихъ продать здѣсь, въ Ливурнѣ... такъ вотъ чтобы онъ приказалъ купцамъ здѣшнимъ приходить къ намъ и давать за нашъ товаръ добрыя цѣны.

Александръ передалъ губернатору все это, насколько умѣлъ почтительнѣе и любезнѣе.

Серристори отвѣчалъ, что радъ гостямъ, чтобы они жили въ городѣ сколько имъ будетъ угодно и что купцовъ онъ пришлетъ.

Разспросивъ объ ихъ путешествіи, губернаторъ, движимый нѣкоторымъ любопытствомъ, перешелъ къ вопросамъ о Москвѣ, о царѣ.

Когда Александръ передалъ послу эти вопросы, Алексѣй Прохоровичъ пріосанился.

— Скажи ты ему,—горделиво закидывая назадъ голову и принимая важный видъ, мѣрно началъ онъ,—скажи ты ему, что нашъ государь—самый великій государь во всемъ мірѣ, что богатства его неисчислимы, что страна наша самая великая страна и что всего у насъ въ изобиліи—злата и сéребра, мѣховъ драгоцѣнныхъ, камней самоцвѣтныхъ и всякаго богачества. Скажи ты ему, что у царя у нашего рати вѣрной видимо-невидимо и что царь-батюшка всякаго врага и супостата съ Божіей помощью побѣждаетъ...

— Скажи ты ему,—возвышая голосъ, сверкая глазами и даже вставая съ кресла продолжалъ Чемодановъ,—что нѣтъ еще да и не будетъ въ мірѣ такого народа, который побѣдилъ бы матушку Русь православную, ибо велика ея сила-крѣпость, велико ея терпѣніе!.. Покорила она несмѣтныя полчища татарскія, сбросила съ себя иго поганыхъ, невредимо вышла изо всякихъ смутъ—и во вѣки вѣковъ невредимой останется. Скажи ты ему все это, Лексаша, не пропусти ни единаго слова, пусть все это пойметъ и почувствуетъ, и своимъ разскажетъ!

Вдохновеніе Алексѣя Прохоровича подѣйствовало и на Александра. Онъ самъ исполнился такимъ же вдохновеніемъ. Откуда что взялось—передалъ онъ Серристори слова посла

царя Московскаго и ничего изъ нихъ не выкинулъ, да еще и отъ себя прибавилъ. Красно говорилъ Лексаша.

Иноземецъ слушалъ внимательно—не зная вѣрить или не вѣрить. Но и старый посолъ, и молодой переводчикъ говорили съ такимъ жаромъ, съ такимъ убѣжденіемъ, что ливорнскій губернаторъ невольно имъ повѣрилъ. Къ тому же и до того слыхалъ онъ, что Московія—государство сильное.

Онъ почтительно простился съ Чемодановымъ и съ Посниковымъ, дружественно съ Александромъ—и уѣхалъ.

На слѣдующій день къ Александру явился тотъ синьоръ, который ихъ встрѣтилъ отъ имени губернатора и, поговоривъ о томъ, о семъ, сказалъ Александру, что губернаторъ ждетъ визита пословъ, который они должны ему отдать по правиламъ вѣжливости и не откладывая. Александръ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Алексѣю Прохоровичу.

Но посолъ отвѣтилъ:

— Не знаю я про то, какъ это у нихъ и какая тутъ вѣжливость... Посольскаго визита мы ему возвратить не можемъ, ибо отъ государя не получили па сей предметъ никакихъ полномочій. Самъ знаешь, посланы мы не въ Ливурну, а въ Венецію, а посему визита посольскаго губернатору отдавать намъ не полагается. Ежели-же онъ вечеринку для насъ устроитъ и позоветъ насъ съ почетомъ на ту вечеринку, то мы сдѣлаемъ ему честь, не откажемся. Такъ и передай.

— Только, какъ-же такъ, Алексѣй Прохорычъ?—смущенно возразилъ Александръ,—коли и впрямь вѣжливость того требуетъ. Вѣдь онъ первый былъ. Къ чему-же обижать его...

— А такъ-же вотъ, Лександръ Микитичъ, не твоего ума это дѣло... что ты мнѣ за указчикъ! самъ знаю. Нешто онъ король али тамъ дукъ?—губернаторъ онъ, воевода—значитъ. Ну, самъ я тоже воеводой-то былъ, а теперь повыше его званіемъ. Одно слово—пойди и передай ему, что я сказываю.

Дѣлать нечего, пришлось Александру всячески хитрить передъ синьоромъ и плести какую-то любезную околесицу, въ концѣ которой все-же, со стороны Москвичей, оказывалась крупная невѣжливость.

Однако губернаторъ не сталъ обижаться. Черезъ нѣсколь-

ко дней онъ устроилъ у себя въ губернаторскомъ домѣ балъ и пригласилъ на него московское посольство.

Послѣ Ливорно наше посольство посѣтило еще по пути городъ Флоренцію, восхитившій пословъ своимъ великолѣпіемъ. Наконецъ пріѣхали въ Венецію, которая построена на морѣ; вмѣсто улицъ по всему городу широкіе каналы и ѣздятъ по нимъ въ небольшихъ лодочкахъ, называемыхъ гондолами.

Венеціанское правительство, серьезно разсчитывая на поддержку со стороны Московскаго государства въ своей борьбѣ съ Турціей, рѣшило принять царское посольство со всякимъ почетомъ. Бывшій въ Москвѣ Альбертъ Вимина получилъ назначеніе состоять посредникомъ въ сношеніяхъ пословъ съ республикой. Чемодановъ и Посниковъ видѣли Вимину въ Москвѣ не разъ, и встрѣтились съ нимъ какъ съ знакомцемъ.

Первый вопросъ Чемоданова былъ, конечно:

— Когда можно видѣть дука Молена и вручить ему царскую грамоту?

На это Вимина отвѣчалъ:

— Дукъ Молена правилъ Венеціей десять лѣтъ и болѣе года тому назадъ волею Божіею скончался. Послѣ него было и еще два дука, которыхъ теперь тоже нѣтъ, а правитъ новый дукъ, по имени Вальеро.

Этотъ отвѣтъ такъ поразилъ пословъ, что оба они совсѣмъ растерялись и только молча переглядывались между собою.

— Вотъ тебѣ разъ!—въ смущеніи и почти ужасѣ воскликнулъ, наконецъ, Алексѣй Прохоровичъ,—какъ же намъ теперь быть? вѣдь грамота-то царская къ дуку Молену писана и къ нему мы отъ великаго государя порученіе имѣемъ, а про Валеру у насъ слыхомъ—не слыхано и кто таковъ сей Валера—мы того не знаемъ... Иванъ Иванычъ, какъ ты полагаешь?

Посниковъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Да-а!— протянулъ онъ,—вишь ты дѣло-то оно какое!..

однако такъ сказать надо: въ животѣ и смерти Господь воленъ, и ежели дукъ Моленъ преставился, то царской грамоты вручить ему не можемъ. А такъ какъ сія грамота и посольство наше къ дуку венецейскому, и ежели нынѣ Валера въ дукахъ, то мы должны почитать его яко Молена и за сіе въ отвѣтѣ передъ царскимъ величествомъ быть не можемъ.

— Вѣрно твое слово!—по маломъ размышленіи радостно воскликнулъ Алексѣй Прохоровичъ—и успокоился.

Однако спокойствіе его продолжительнымъ не было. На повторенный вопросъ: „когда можно видѣть дука?"—Вимина, черезъ Александра, отвѣчалъ:

— Дукъ нездоровъ и принять царскаго посольства никакъ не можетъ; но это ничего: онъ назначитъ своимъ представителемъ высшаго сановника республики и послы обо всемъ будутъ договариваться съ верховнымъ совѣтомъ и съ представителемъ дука.

— Что̀ онъ вретъ!—весь багровѣя воскликнулъ Чемодановъ,—ты, Лександръ, лучше мнѣ такихъ глупыхъ его рѣчей и не переводи! Какой-такой тамъ представитель? какой совѣтъ? никакого представителя и никакого представленія совѣта мы не знаемъ и знать не хотимъ! Великій государь приказалъ намъ ѣхать къ дуку и собственноручно вручить ему свою царскую грамоту. Такъ мы и должны сдѣлать. Когда-же дукъ отъ насъ получитъ грамоту и выслушаетъ все, что мы ему сказать имѣемъ—онъ воленъ назначить своихъ сановниковъ вести съ нами дальнѣйшіе переговоры... Вѣдь такъ, Иванъ Иванычъ?

— Такъ, такъ!—рѣшительно подтвердилъ Посниковъ.

— Ну, и переведи ты это, Лександръ, Виминѣ, и скажи, что иначе не будетъ.

Вимина долго объяснялъ, что Венеція—республика, что власть дожа ограничена, и самовольно, безъ согласія верховнаго совѣта, онъ распоряжаться не можетъ.

— Вретъ! вретъ!—въ одинъ голосъ твердили Чемодановъ и Посниковъ;—кабы такъ было, то на государственныхъ бумагахъ стояла-бы подпись не дука, а того самаго верховнаго

совѣта. Анъ на бумагахъ-то чья подпись? дукова небось... Такъ значитъ это подвохъ одинъ.

Вимина увидѣлъ, что всѣ доказательства и объясненія безполезны—и удалился.

Между тѣмъ Александръ Залѣсскій, разгуливая по Венеціи, встрѣтился съ двумя молодыми людьми, которые познакомили его съ богатой и молодой вдовой, прекрасной собой Анжіолеттой Капелло. Она же сама и послала своихъ пріятелей за русскимъ: она очень скучала и ей хотѣлось чего нибудь необыкновеннаго, а молодой «Московитъ» въ парчевомъ кафтанѣ и высокой шапкѣ много заставлялъ о себѣ говорить въ Венеціи. Наружность Александра, его обходительность и ученость, а также хорошій голосъ его восхитили молодую женщину. Александръ въ свою очередь былъ очарованъ ею. Настя была забыта... Послы рѣшили сидѣть дома и никуда не показываться, пока не приметъ ихъ «дукъ»; но Александръ, переждавъ нѣсколько дней, все-таки пошелъ къ своей новой знакомой.

— Что-жь это за наказанье такое! пришелъ Вимина и показываетъ, что принесъ вѣсти важныя...

Такъ говорилъ Посниковъ съ сердитымъ и раздраженнымъ видомъ входя къ Чемоданову, который, послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда, распоясанный и растегнутый, съ растрепавшейся бородою и покраснѣвшимъ лицомъ, лежалъ у себя на широкомъ восточномъ диванѣ.

— Въ чемъ же наказанье-то?—сладко и громогласно зѣвнувъ спросилъ Алексѣй Прохоровичъ, и лѣниво спустилъ на коверъ одну ногу.

— Что вѣсти важныя принесъ Вимина,—это я разумѣю, а какія такія вѣсти — нешто мы съ тобой разберемъ, когда глупый нѣмецъ самаго простого слова сказать не можетъ, а все по нѣмецкому лопочетъ!—еще раздраженнѣе воскликнулъ Посниковъ, очевидно сгоравшій отъ нетерпѣнія скорѣе узнать вѣсти Вимины.

— А Лександра нешто нѣту?

— Лександръ нашъ, батюшка Алексѣй Прохорычъ, вотъ уже третій день съ ранняго утра и до поздней ночи пропадаетъ!

Чемодановъ спустилъ на коверъ и вторую ногу, даже

слѣзъ совсѣмъ съ дивана; но ему очень не хотѣлось выходить изъ своего блаженнаго послѣобѣденнаго состоянія, а потому онъ даже не разсердился на Александра.

— Небось—вернется парнишка, а Вимина и подождать можетъ... Мы вотъ вѣдь ждемъ же столько дней, — снова громко зѣвая, съ полнымъ равнодушіемъ сказалъ онъ.

Посниковъ совсѣмъ разсердился, проворчалъ что-то подъ носъ—и вышелъ изъ комнаты.

По счастью, Александръ скоро вернулся. Онъ прямо прошелъ въ свое помѣщеніе и чрезъ нѣсколько минутъ намѣревался снова выйти изъ дому. Но Посниковъ поймалъ его и накинулся на него съ бранью.

— Бога ты не боишься!.. стыда въ тебѣ нѣтъ! что Ртищевъ за тебя передъ государемъ заступникъ, такъ ты на головѣ ходить начинаешь!.. постой, братъ, погоди... вернемся на Москву, такъ я о твоемъ безпутномъ поведеніи молчать, думаешь, стану? Какъ же! жди!

Александръ за эти послѣдніе три дня сдѣлался дѣйствительно очень страннымъ, даже лицо у него совсѣмъ стало новое. Онъ слушалъ Посникова; но очевидно не понималъ его.

— Да ты пьянъ что-ли?—тряхнулъ его за плечи Иванъ Ивановичъ.

Александръ съ безсознательнымъ вздохомъ покинулъ тотъ лучезарный, очарованный міръ, гдѣ находился безотлучно всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ, и съ изумленіемъ взглянулъ на Посникова.

— А?.. что?.. что ты говоришь?

— Олухъ ты — вотъ что! Вимина тутъ... сто лѣтъ тебя дожидается!

Александръ даже поблѣднѣлъ при вѣсти о невозможности сейчасъ-же устремиться туда, куда притягивали его невидимыя, но крѣпкія, неразрывныя нити. Однако дѣлать было нечего—онъ пошелъ къ Виминѣ и, вмѣстѣ съ нимъ, предсталъ передъ послами.

— Съ чѣмъ этотъ нехристь опять пожаловалъ? — строго спросилъ Чемодановъ.

— А вотъ говоритъ, что у дука нога болѣть перестала и что завтра пріемъ назначенъ.

Чемодановъ и Посниковъ оживились.

— Наконецъ-то! слава Тебѣ Господи!—оба въ одинъ голосъ сказали они.

— Однако пріемъ...—вдругъ становясь озабоченнымъ прибавилъ Чемодановъ.—Каковъ намъ пріемъ будетъ? ты спроси нѣмца, будутъ ли намъ оказаны всякія почести, какія подобаютъ посламъ великаго государя?

Александръ спросилъ и перевелъ, что почести московскому посольству будутъ оказаны такія, какихъ доселѣ не дѣлалось никакимъ посламъ.

— Ладно, коли не надуютъ!—проворчалъ Чемодановъ.

Когда Вимина ушелъ—и Александръ хотѣлъ за нимъ послѣдовать; но Посниковъ такъ въ него и вцѣпился. Пришлось весь вечеръ оставаться дома и приготовляться вмѣстѣ съ послами къ завтрашнему пріему.

На слѣдующее утро—это было 22-го января по русскому счисленію,—къ палаццо, занимаемому посольствомъ, подплыло нѣсколько богато разукрашенныхъ гондолъ. Чемодановъ и Посниковъ стояли у окна, глядѣли и съ каждымъ мгновеніемъ лица ихъ прояснялись больше и больше. Изъ первой подплывшей гондолы вышелъ Вимина, хотя и одѣтый куцымъ нѣмцемъ, но очень богато. За нимъ, тоже въ богатыхъ, блестѣвшихъ золотомъ одеждахъ стали выходить невѣдомые люди и было ихъ всего тридцать человѣкъ. Они размѣстились по двумъ сторонамъ ступеней, ведшихъ въ палаццо.

Послы нарядились въ самые свои парадные кафтаны, опушенные драгоцѣнными соболями, зашитые золотомъ и жемчугомъ, и усердно помолились Богу. Посниковъ торжественно взялъ царскую грамоту, завернутую въ парчевой платъ — и они вышли къ Виминѣ. Черезъ нѣкоторое время со всѣхъ сторонъ собравшійся къ палаццо народъ венецейскій увидѣлъ, какъ они, въ своихъ драгоцѣнныхъ и странныхъ нарядахъ, важно сошли со ступеней, сѣли въ гондолу и отъѣхали. При этомъ Посниковъ все время высоко держалъ обѣими руками парчевой платъ съ царской грамотой.

Даже оторопь взяла пословъ, когда они, окруженные блестящей свитой, очутились передъ палаццо дожей. Поразительная и странная красота этого зданія произвела на нихъ сразу какое-то жуткое впечатлѣніе. У Посникова невольно опустились руки съ царской грамотой, а Чемодановъ забылъ всю свою важность и самообладаніе. У него пробѣжали по спинѣ мурашки, будто онъ шелъ не къ дуку, а къ самому царю, въ его кремлевскія палаты.

Представились эти палаты воображенію посла и показались онѣ, въ сравненіи съ дуковымъ жилищемъ, такими малыми, такими невзрачными. Стало вдругъ стыдно и обидно—зачѣмъ у царя такія малыя палаты. Но и стыдъ, и обида исчезли безъ остатка, прогнанные такою мыслью: „не красна изба углами, а красна пирогами, пуще-жь того красна она хозяиномъ... Тутъ, въ этомъ дивѣ заморскомъ, невиданномъ,—живетъ дукъ басурманскій—выберутъ его—живетъ, не выберутъ—прочь пойдетъ, и вся цѣна ему грошъ будетъ!.. А тамъ-то, въ тѣхъ малыхъ кремлевскихъ палатахъ — кто живетъ?!.. онъ! справедливый и милостивый, великій и могучій, прирожденный, Богомъ на царство поставленный, свой, родной, православный!..“

При мысли этой прошла вся оторопь и дуковы чертоги вдругъ какъ-бы уменьшились, потеряли грозное величіе. Высоко поднялась голова посольская и вся широкая, облеченная въ золототравчатый бархатъ, фигура вѣрнаго слуги царскаго получила истинную важность. Мысль и настроеніе Алексѣя Прохоровича будто передались Посникову—и тотъ выпрямился, поднимая передъ собою, какъ святыню, царскую грамоту.

Подошли къ широкой лѣстницѣ, медленно поднялись на нѣсколько ступеней.

— Что-жь это дукъ не идетъ намъ навстрѣчу? — воскликнулъ останавливаясь Чемодановъ. — Нога-то у него выздоровѣла... Лександръ, спроси Вимину, отчего нѣтъ дука?.. Вѣдь было намъ сказано, что примутъ насъ со всяческимъ почетомъ!

На вопросъ Александра, Вимина отвѣчалъ, что этого ни-

когда не дѣлается, что дукъ ни къ кому не выходитъ навстрѣчу.

— Намъ нѣтъ до того дѣла, — заговорилъ Посниковъ,— дукъ можетъ не выходить къ другимъ посламъ, а къ царскому посольству выходитъ даже султанъ турецкій, даже шахъ персидскій!

— Вѣрно, вѣрно!—подтверждалъ Чемодановъ, не только не подвигаясь впередъ, но даже сойдя назадъ двѣ-три ступени.

Вимина совсѣмъ растерялся и только повторялъ, что этого никакъ нельзя, что этого никогда не бываетъ.

— Глупый ты человѣкъ, совсѣмъ глупый!—обратился къ нему Чемодановъ, — неужто того не понимаешь, что мы не за себя стоимъ и не себѣ хотимъ почестей... Намъ что!— мы сами по себѣ люди не великіе и дукъ твой Валера намъ какъ есть ни на что не нуженъ, изъ почтенія его сапогъ мы себѣ не сошьемъ... Но вѣдь нынѣ мы представляемъ его царское величество, носимъ на себѣ какъ-бы его государевъ образъ и дукъ долженъ на поклонъ выйти къ великому государю!

Но Вимина только повторялъ: „нельзя! никогда не бываетъ!“—и упрашивалъ не дѣлать задержки, идти дальше.

— Дурачье, какъ есть дурачье!.. совсѣмъ темный народъ!— наконецъ презрительно выговорилъ Алексѣй Прохоровичъ — и съ такимъ величіемъ сталъ подниматься по лѣстницѣ, будто всѣ дожи Венеціи, начиная съ Анафеста и Орсо, составляли его провожатыхъ.

Однако посламъ пришлось еще разъ смутиться и растеряться. Вимина ввелъ ихъ въ такой невѣроятно громадный и великолѣпный залъ, что они остановились, не вѣря глазамъ своимъ. Изукрашенный картинами, лѣпною работой и золотомъ потолокъ, уходившій въ удивительную высь, держался какъ-бы волшебствомъ. Въ глубинѣ зала, на возвышеніи, сидѣлъ человѣкъ степеннаго вида, но одѣтый безъ всякой роскоши и богатства. Вокругъ него, на бархатнымъ сидѣньяхъ, устроенныхъ передъ длинными столами, помѣщались еще какіе-то люди, то-же въ скромныхъ, темныхъ одеждахъ.

— Это дукъ и члены совѣта,—перевелъ Александръ слова Вимины.

— Что-же они въ простыхъ одеждахъ?—воскликнулъ Чемодановъ, забывая впечатлѣніе зала и свое невольно мелькнувшее-было сомнѣніе относительно того, что „а вдругъ этотъ чудодѣйственною силою держащійся громадный потолокъ возьметъ да и обрушится?“—Было говорено о почетѣ, какой-же тутъ почетъ, коли царское посольство принимаютъ въ темныхъ и простыхъ одеждахъ?!.. Мы вонъ какъ обрядились, да и дуку богатѣйшіе мѣха въ подарокъ несемъ... Скажи, Лександръ, Виминѣ, что обманно поступилъ онъ съ нами и что мы на такія обиды жалобу принесемъ великому государю...

Вимина только кланялся, улыбался и указывалъ на дожа.

Дѣлать нечего—пошли черезъ залъ, стараясь не поскользнуться на гладкомъ полу. Впереди шелъ Чемодановъ, за нимъ Посниковъ съ грамотой, потомъ Александръ и человѣкъ пятнадцать русскихъ посольскихъ людей, несшихъ подарки.

Приблизясь къ дожу, послы низко поклонились, въ то-же время зорко и тревожно слѣдя—какъ отвѣтятъ на ихъ поклонъ. „Дукъ Валера“ всталъ со своего мѣста и поклонился,—ничего—хорошо поклонился, такъ что обижаться было нечего.

Тогда Алексѣй Прохоровичъ, сдѣлавъ Александру знакъ, чтобы онъ приблизился, началъ говорить—привѣтствовать дука отъ имени царя Алексѣя Михайловича. Гулко раздавался по всему залу длинный титулъ русскаго государя, произносимый зычнымъ посольскимъ голосомъ. По мѣрѣ того, какъ Александръ переводилъ этотъ титулъ — изумленіе выражалось на лицѣ дожа и членовъ совѣта: они не слыхали никогда такого длиннаго титула, никогда не слыхали наименованій странъ, находящихся во владѣніи русскаго самодержца.

— Великій государь,—говорилъ дальше Алексѣй Прохоровичъ, — вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ (при этомъ онъ указалъ рукою на членовъ совѣта) поклонъ посылаетъ и мнѣ, слугѣ и послу своему, приказалъ сказать вамъ свою царскую милость: дозволяетъ онъ венеціанамъ торговать у Архангельска повольною торговлею съ платою обыкновенныхъ пошлинъ.

Когда Александръ перевелъ это на латинскій языкъ, дожъ сталъ отвѣчать по-итальянски, а переводчикъ его переводилъ по-латини:

— Благодарствуемъ его величество царя московскаго за его къ намъ вниманіе, за его поклонъ и разрѣшеніе венеціанамъ торговать въ Московіи. Со вниманіемъ и почтеніемъ готовы слушать все, что вы должны сообщить намъ отъ имени вашего государя и желаемъ знать цѣль вашего посольства.

Когда Александръ перевелъ это, Алексѣй Прохоровичъ обратился къ Посникову и тихо сказалъ ему:

— Ишь ты чего захотѣлъ! Сразу-то мы ему ничего не скажемъ, къ этому надо подойти съ опаской и осторожностью. Иванъ Иванычъ, передавай скорѣй грамоту... затѣмъ... подарки... и, на первый разъ, будетъ съ него...

Посниковъ выступилъ впередъ и, преклонясь передъ дукомъ, передалъ ему письмо царя Алексѣя Михайловича, объяснивъ, что хотя это письмо и къ дуку Молену, но какъ того дука нѣтъ въ живыхъ, то и онъ, дукъ Валера, прочесть его можетъ.

Дукъ принялъ письмо, распечаталъ его, развернулъ, оглядѣлъ съ любопытствомъ и положилъ на столъ передъ собою.

— Такъ какъ письмо это писано на языкѣ, намъ неизвѣстномъ,—сказалъ онъ,—то мы не можемъ тотчасъ прочесть его. Разобравъ его, мы своевременно отвѣтъ приготовимъ.

По знаку Чемоданова приблизились посольскіе люди, развернули и разостлали передъ дукомъ богатые мѣха соболиные. У дука при этомъ глаза разбѣжались и, услыша, что это ему отъ царя подарки, онъ поблагодарилъ пословъ съ бо̀льшимъ жаромъ за мѣха, чѣмъ за разрѣшеніе венеціанамъ торговать въ Московіи.

Затѣмъ послы стали откланиваться, объясняя, что пока дукъ не прочтетъ царской грамоты—говорить имъ больше не полагается.

Послѣ обѣда явился Вимина съ предложеніемъ показать посольству нѣкоторыя достопримѣчательности города, которыхъ «московиты» еще не видѣли.

— Спроси его,—приказалъ Чемодановъ Александру,—есть ли у нихъ окромя уже показанныхъ намъ, святыни?

— Святынь, говоритъ Вимина, много — отвѣчалъ Александръ,—есть въ церквахъ нетлѣнныя мощи угодниковъ.

— Спроси—какихъ угодниковъ мощи?

Собравъ всѣ свѣдѣнія и убѣдясь, что святыня венецiйская, по большой части,—истинная святыня, Алексѣй Прохоровичъ, въ сопровожденіи Вимины и своей свиты, отправился по церквамъ, поклонялся мощамъ, интересовался всѣмъ, что видѣлъ, и то и дѣло повторялъ Александру, чтобы онъ не забылъ чего и какъ есть обо всемъ записалъ въ дневникъ путешествія.

Прощаясь съ Виминой, онъ выразилъ ему свое большое удовольствіе по случаю видѣннаго въ этотъ день и спросилъ, не извѣстно-ли ему, скоро-ли дукъ назначитъ царскимъ посламъ новую аудіенцію?

Вимина отвѣтилъ:

— Аудіенція, насколько мнѣ извѣстно, назначается черезъ два дня и, полагаю, сегодня-же вы получите приглашеніе. Все окончилось-бы очень скоро и къ общему удовольствію, если бы вы сказали мнѣ, чего именно угодно вашему государю. Зная его желанія, дожъ обсудилъ-бы ихъ въ Совѣтѣ и на аудіенціи передалъ-бы вамъ уже рѣшительный отвѣтъ. Увѣряю васъ, что такъ всегда дѣлается съ послами всѣхъ государствъ и не только въ Венеціи, но и повсюду.

Когда Александръ перевелъ эти слова, Чемодановъ ударилъ кулакомъ себѣ о колѣно и съ нескрываемымъ раздраженіемъ воскликнулъ:

— Да скажи ты этому пролазу, чтобъ онъ оставилъ свое плутовство и за старое не принимался! Вѣдь ужь было ему говорено, что насъ не надуешь и что мы такого глупства не сдѣлаемъ: всякому не станемъ объявлять о такихъ предметахъ, вѣдать которые надлежитъ дуку. Такъ вотъ и скажи ему прямо, безъ обиняковъ: ѣшь, молъ, нѣмецъ, пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами!

У Александра не хватило, конечно, искусства перевести Риминѣ этотъ совѣтъ Алексѣя Прохоровича, но онъ все-же

съ достаточной ясностью и твердостью объяснилъ ему, что лучше и не задавать посламъ подобныхъ вопросовъ, такъ какъ они все равно никому ничего не скажутъ.

— Однако войдите въ положеніе дожа и членовъ Совѣта!— начиналъ горячиться Вимина.—Они заранѣе хотятъ знать цѣль вашего посольства единственно для того, чтобы васъ же избавить отъ неловкости въ томъ случаѣ, если республика не можетъ исполнить желанія вашего государя. Развѣ пріятно будетъ вамъ получить во всеуслышаніе отказъ?

Александръ перевелъ это слово въ слово. Алексѣй Прохоровичъ на минуту задумался и даже глаза выпучилъ, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда бывалъ поставленъ неожиданно втупикъ. Но недоумѣніе его было непродолжительно.

— Пустое!—воскликнулъ онъ.—Первымъ дѣломъ—отказъ— всегда отказъ, какъ ни поверни его, а вторымъ дѣломъ спросика ты нѣмца, почему-жь это онъ въ головѣ держитъ, что дукъ откажетъ великому государю?

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ Вимина,—но предупреждаю васъ, что если вы будете просить денегъ, то это врядъ-ли понравится дожу. Въ такомъ случаѣ ожидайте неблагопріятнаго отвѣта.

Чемодановъ переглянулся съ Посниковымъ и затѣмъ сказалъ Александру:

— Смотри, братъ, не проговорись, и спроси его, откуда это онъ взялъ, что мы будемъ просить денегъ.

— Онъ говоритъ, что это ему самому такъ показалось.

— Ну и ладно, пускай себѣ остается при своемъ, а мы тоже при своемъ останемся.

Опять ни съ чѣмъ пришлось отъѣхать Виминѣ отъ упрямыхъ московитовъ.

Дѣйствительно, черезъ два дня происходила аудіенція у дожа. На этотъ разъ царское посольство уже не испытывало никакого смущенія и величина гигантскаго зала казалась не столь чудесной. Алексѣй Прохоровичъ почтительно, въ поясъ поклонился дожу и членамъ Совѣта. Дожъ обратился къ посламъ и сказалъ, что онъ съ почтеніемъ и радостью прочелъ

письмо московскаго государя, царя Алексѣя Михайловича, переведенное для него на языкъ итальянскій, что изъ письма этого онъ узналъ о посольствѣ въ Венецію именитыхъ людей, которыхъ онъ съ удовольствіемъ передъ собой видитъ, и что онъ ожидаетъ услышать отъ нихъ, въ чемъ состоитъ порученіе, данное имъ царемъ къ Венеціанской республикѣ.

Чемодановъ пріосанился и началъ говорить объ отношеніяхъ Русскаго государства къ Польшѣ, о многихъ великихъ побѣдахъ, одержанныхъ русскими войсками, о взятіи многихъ польскихъ городовъ.

Дожъ отвѣчалъ, что все это ему извѣстно, что, кромѣ того онъ знаетъ, съ какою любовью, почитаніемъ и надеждой относятся къ Московіи христіанскіе народы, находящіеся въ предѣлахъ Балканскаго полуострова и страдающіе отъ Турокъ. Поэтому-то онъ и обращается къ могучему царю Московіи въ надеждѣ, что онъ поможетъ Венеціанской республикѣ въ борьбѣ ея съ невѣрными и пошлетъ противъ нихъ полчища казаковъ.

— Великій государь всегда о томъ тщаніе имѣетъ, чтобы православное христіанство изъ басурманскихъ рукъ высвободилось,—отвѣчалъ Алексѣй Прохоровичъ,—только теперь его царскому величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего, а какъ, за Божіею помощью, съ непріятелемъ управится, то заключитъ договоръ съ вами, какъ стоять на общаго христіанскаго непріятеля.

На это дожъ сказалъ о своемъ желаніи, чтобы его увѣдомили, когда будетъ окончена польская война.

— Скажи ему, что противъ такого его желанія великій государь ничего имѣть не можетъ и что мы обѣщаемъ увѣдомить его немедленно вслѣдъ за окончаніемъ войны,—приказалъ Чемодановъ Александру.

— Эхъ, пора вѣдь и къ большему дѣлу приступать,—обратился онъ къ Посникову, а жутко!.. ну какъ и впрямь откажетъ?

— Что-жь ты тутъ подѣлаешь!—отвѣтилъ Посниковъ,—съ насъ за тотъ отказъ взыскать не могутъ, мы тутъ непричинны, а за чѣмъ посланы, то дѣло и надо справить.

— Вѣстимо такъ!

Но все-же сразу Алексѣй Прохоровичъ никакъ не могъ рѣшиться. Онъ завелъ рѣчь о разрывѣ Польши со Швеціей, объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи, о худыхъ дѣйствіяхъ короля Густава и о всѣхъ его великихъ неправдахъ. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и заключилъ такимъ образомъ:

— И, видя таковыя неправды короля шведскаго, его царское величество злому его начинанію терпѣть не станетъ,— такъ вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ (онъ и Посниковъ низко поклонились при этомъ дожу и членамъ Совѣта) къ царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ въ займы золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать-бы поскорѣе.

У Александра голосъ дрожалъ, когда онъ переводилъ слова эти. Онъ ясно видѣлъ на лицѣ дожа неудовольствіе.

— Мы сейчасъ не можемъ дать вамъ никакого отвѣта,— холодно отвѣтилъ дожъ,—все сказанное вами будетъ записано, обсуждено—и тогда вы получите отвѣтъ нашъ...

На этомъ и кончилась аудіенція. Хотя они и не получили еще отказа, но уже по многимъ неуловимымъ признакамъ каждый изъ нихъ чувствовалъ, что ничего хорошаго нельзя предвидѣть.

— Только какъ же это? неужто дукъ осмѣлится огорчить и обидѣть великаго государя отказомъ?—спрашивалъ Алексѣй Прохоровичъ Посникова.

— А мы-то нешто не отказали ему? — отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ,—онъ казаковъ на Турокъ проситъ, а мы: постой, молъ, подожди, дай войну кончить...

Чемодановъ совсѣмъ повѣсилъ голову.

Черезъ два дня явился Вимина и изъ первыхъ же словъ его оказалось, что Посниковъ правъ: выходило, коли какъ слѣдуетъ раскусить слова эти, что дукъ и его совѣтники не понимаютъ, какимъ образомъ царь проситъ денегъ поскорѣе, а помощь свою въ борьбѣ противъ Турціи откладываетъ.

— За то ли государь вашъ проситъ у республики денегъ, что хочетъ помочь ей въ войнѣ съ Турками? — прямо спросилъ наконецъ Вимина.

Алексѣй Прохоровичъ такъ весь и вспыхнулъ и, строго глядя на Вимину, проговорилъ въ волненіи:

— Ты говоришь непристойныя слова, простыя! Великій государь нашъ если изволитъ послать рать свою на Турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за денегъ. По чьему указу говоришь ты эти бездѣльныя слова: приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?

Александръ, самъ взволнованный и негодующій, перевелъ эти слова, нисколько не смягчая ихъ тона. Вимина растерялся и, помолчавъ немного, отвѣтилъ:

— Я это сказалъ отъ себя.

— Ну такъ впередъ ни отъ себя, да и ни отъ кого, такихъ непристойныхъ словъ не говори, не то мы съ тобой вовсе говорить не станемъ да и на порогъ тебя къ себѣ не пустимъ!—произнесъ Алексѣй Прохоровичъ и величественно вышелъ, даже не кивнувъ головой Виминѣ.

Между тѣмъ рѣшающій день быстро приближался. Алексѣй Прохоровичъ, переломивъ себя и отказавшись отъ всякихъ соблазновъ, торопилъ Вимину, требуя отвѣта дожа и объявляя, что имъ попусту ждать нечего, что надо спѣшить отъѣздомъ, такъ какъ моремъ они ѣхать не хотятъ, а на сухомъ пути, въ виду войны, могутъ быть всякія задержки на русскихъ границахъ.

— И что это за повадка такая!—толковалъ онъ, — дѣло простое и ясное: либо да, либо нѣтъ, а томить понапрасну добрыхъ людей къ чему-же?..

Наконецъ Вимина пріѣхалъ и сказалъ, что отвѣтъ готовъ и что члены Совѣта вручатъ его послу царя московскаго.

— Какъ такъ члены Совѣта?.. почему-жь не дукъ? Дукъ долженъ великому государю отвѣтъ передать мнѣ изъ рукъ въ руки!—воскликнулъ Чемодановъ.

— Дожъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ нездоровъ,— отвѣчалъ Вимина.

Но посолъ и слышать ничего не хотѣлъ.

— Пустое, пустое!—повторялъ онъ,—да и что-жь это дукъ-

-то у васъ какой лядащій! Съ виду, кажись, ничего себѣ, жидокъ малость—это точно, а все-же бодрость въ немъ есть... Не вертись, нѣмецъ, насъ не проведешь! Ужъ какъ тамъ его дуковой княжеской милости угодно, притворство въ немъ, либо и взаправду немощь какая проявилась, а грамоту онъ мнѣ изъ рукъ въ руки передай. Ему я царскую грамоту отдалъ, къ нему посланъ, отъ него и отвѣтъ приму. Отпустить онъ насъ долженъ съ честью и пока мы его не увидимъ и съ нимъ не простимся—уѣхать не можемъ. Скажи ты ему, нѣмецъ, что слово мое твердо и никакого ущерба чести великаго государя я терпѣть не стану.

Пометался, пометался Вимина, поломался, поломался дукъ, а все же пришлось уступить. Какъ сказалъ Алексѣй Прохоровичъ, такъ и ни съ мѣста.

— Къ членамъ Совѣта не пойду, отвѣта отъ нихъ не приму, дука мнѣ подать—вотъ и все тутъ.

Принялъ дожъ московитовъ въ торжественной прощальной аудіенціи, и даже въ платье парадное вырядился, а когда передавалъ свою отвѣтную грамоту, то на печать указалъ и объяснилъ:

— Печать золотая—всѣмъ прочимъ государямъ, королямъ и инымъ королевской крови князьямъ грамоты серебряной печатью запечатываю, а его царскому величеству золотую приложилъ въ знакъ особливаго почитанія.

Золотая печать и таковыя дуковыя слова посламъ пришлись по нраву и они въ отвѣтъ отвѣсили пренизкіе поклоны. Все было-бы хорошо, да дукъ, хоть хитрилъ, хоть и прикидывался всячески, а все же въ выдачѣ казны—золотыхъ и ефимковъ—наотрѣзъ отказалъ.

— Много лѣтъ,—сказалъ онъ,—республика венецiйская ведетъ прежестокую войну съ турками и отъ той многолѣтней и тяжкой войны казна ея истощилася, такъ что ссудить денегъ великому государю никоимъ образомъ невозможно.

Помялись послы на мѣстѣ, вздохнули, переглянулись между собою.

— Ну что-жь,—не безъ печали вымолвилъ Алексѣй Прохоровичъ,—такъ и доложимъ великому государю... на нѣтъ—и суда нѣтъ!

Откланялись, поблагодарили за ласковый пріемъ и поѣхали къ себѣ собираться въ путь-дорогу.

— Какъ гора съ плечъ,—говорилъ, отдуваясь, Чемодановъ,—по крайности все какъ слѣдъ окончено и дѣло свое мы справили по совѣсти, честь русскую сохранили, въ грязь лицомъ не ударили!

Александръ былъ въ отчаяніи—приходилось навсегда покидать Венецію. Любовь его къ Анжіолеттѣ Капелло становилась все сильнѣе. Она предлагала ему выйти за него замужъ, просила остаться въ Венеціи. Но Александръ не въ силахъ былъ отказаться отъ родины. Въ его душѣ происходила сильная борьба. Наконецъ молодая синьора одержала полную побѣду: онъ рѣшился остаться въ Венеціи! Анжіолетта уговорила его спрятаться покамѣсть въ тайникѣ ея дворца, чтобы товарищи его по посольству думали, что онъ утонулъ. Александръ на все согласился. Но случилось такъ, что когда Анжіолетта провела его въ потайную комнату въ полной темнотѣ, ей вздумалось пошутить. Она начала плакать, что забыла какую то предосторожность въ механизмѣ, чтобы открыть стѣну во дворецъ, что будто они теперь замурованы и ихъ ждетъ смерть. Александръ повѣрилъ этому и близость смерти вдругъ все измѣнила въ его душѣ. Ощутительно и ясно вспомнилъ онъ звонъ родныхъ колоколовъ, любовь къ Настѣ опять вернулась въ его сердце и онъ почувствовалъ, что Анжіолетта, ради которой онъ чуть было не поплатился всѣмъ роднымъ и близкимъ, потеряла для него всю свою прелесть.

Хитростью освободился онъ изъ заточенія, которое представлялось ему прежде раемъ. Ему стало казаться даже, что его опоили зельемъ, навели на него чары—и вотъ теперь это прошло.

Не помня себя отъ радости, что послы еще не успѣли уѣхать безъ него изъ Венеціи, онъ вернулся съ ними въ Москву.

Между тѣмъ Настя жила въ теремѣ у царицы, дожидаясь своего суженаго. Царь исполнилъ обѣщаніе, данное Ртищеву о молодомъ Залѣсскомъ и, по возвращеніи посольства изъ Венеціи, уговаривалъ Чемоданова согласится на бракъ его дочери съ Александромъ.

Дни продолжали стоять свѣжіе и ясные. Въ саду собирали послѣдніе яблоки и рыли въ огородѣ. Никита Матвѣевичъ выходилъ глядѣть на эти работы, а потомъ долго бродилъ по саду, погруженный въ никому невѣдомыя думы. Во время одной изъ такихъ прогулокъ, онъ вдругъ услышалъ какъ-бы стукъ топора. Прислушался—точно: стучитъ топоръ въ сторонѣ сосѣдскаго сада.

Пошелъ онъ въ ту сторону, заглянулъ за кусты и видитъ: ломаютъ заборъ, отдѣлявшій его владѣнія отъ владѣній вражескихъ. Такъ какъ заборъ этотъ былъ воздвигнутъ, въ первое время вражды, Чемодановымъ, то разрушеніе его, хоть и съ невѣдомой еще цѣлью, не могло почесться какимъ либо нарушеніемъ правъ Никиты Матвѣевича. Поэтому у него не было никакого предлога разсердиться. Но онъ почувствовалъ большое любопытство, пробрался сквозь кусты и увидѣлъ работника, сидѣвшаго на заборѣ и его рубившаго.

— Ты это что-жь такое дѣлаешь? — строго, но въ тоже время спокойно спросилъ Залѣсскій.

Работникъ снялъ шапку и почтительно отвѣтилъ:

— А вотъ, батюшка, по приказу господскому заборъ ломаю.

— Зачѣмъ-же ты его ломаешь?

— Да какъ-бы это сказать... оно точно... стоялъ себѣ заборъ заборомъ, ну, вѣстимо, отъ лѣтъ обветшалъ малость, только все-же еще сколько-бы времени продержался. А какъ вернулся изъ-за моря Лексѣй-то Прохорычъ да пришелъ сюда, такъ и говоритъ: плохъ, молъ, заборъ, сломать его надо... ну, дѣло хозяйское, дѣло господское, плохъ такъ плохъ, по мнѣ что—приказано рубить—я и рублю...

— Что-жь... новый заборъ онъ ставить будетъ?

— Про то, батюшка, я ничего не вѣдаю... коли прикажутъ новый заборъ ставить—я и стану ставить, потому — я плотникъ...

Отошелъ Никита Матвѣевичъ и задумался. А потомъ подъвечеръ, какъ смеркаться стало, опять пошелъ въ садъ да къ забору. Видитъ: добрыхъ саженъ пять, не то шесть разобрано, видитъ: сосѣдскій садъ, когда-то столь знакомый; по осеннему времени облетѣлъ онъ, осыпался, сквозитъ весь и въ глубинѣ его, въ окошкахъ Чемодановскаго дома, огоньки свѣтятся.

Странное ощущеніе охватило Никиту Матвѣевича; ему вдругъ показалось, будто вмѣстѣ съ этимъ разобраннымъ заборомъ рушилась и еще какая-то преграда, будто между его домомъ и домомъ сосѣда мостъ перекинулся и можно пройти по этому мосту. Глядѣлъ онъ на огоньки, мигавшіе

въ чемодановскихъ окошкахъ, и вспоминалъ устройство этого дома—гдѣ какой покойчикъ и что въ тѣхъ покойчикахъ есть.

„Да поди, чай, нынѣ у нихъ совсѣмъ не такъ, чай многое измѣнилось!“ — подумалъ онъ и въ первый разъ, послѣ долгихъ лѣтъ, при мысли о Чемодановыхъ, никакой злобы и горечи не поднималось въ его сердцѣ.

Впрочемъ, онъ этого самъ не замѣтилъ.

На слѣдующее утро, будто что притянуло его, оказался онъ опять у сломаннаго забора. Стоитъ да смотритъ. И вотъ слышитъ онъ—кто-то идетъ по ту сторону. Да, идетъ, приближается, шуршатъ опавшіе листья подъ тяжелыми шагами.

Уйти!.. Онъ уже и двинулся, да остановился, только ужь не смотритъ, не замѣчаетъ, будто ничего даже и не слышитъ. Подошелъ къ забору, оперся о торчавшую изъ земли доску— и не шевелится.

Кто-то близко—и вотъ остановился... слышно даже какъ дышетъ. Никита Матвѣевичъ все не глядитъ; но уже навѣрное знаетъ, кто это въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Такъ проходитъ минута, другая и третья въ глубокомъ молчаніи. Только слышно, какъ вѣтеръ шелеститъ сухими листьями. Ворона грузно поднялась съ вѣтки, шарахнула крыломъ и каркнула.

И опять тихо.

Никита Матвѣевичъ повелъ однимъ глазомъ и видитъ его, своего стариннаго друга-пріятеля, своего ворога. Чемодановъ тоже повелъ однимъ глазомъ — и эти два глаза встрѣтились. Тогда, будто по командѣ, сосѣди повернули головы и, послѣ десяти лѣтъ, въ первый разъ прямо взглянули другъ на друга.

~~~

Съ этого мгновенія всѣ чувства и мысли двухъ почтенныхъ сосѣдей совершенно отождествились. Никита Матвѣевичъ и Алексѣй Прохоровичъ сразу потеряли всѣ свои особенности и превратились какъ-бы въ одного человѣка. На первомъ планѣ стала забота —какъ-бы не сказать или не сдѣлать чего-нибудь такого, чего не сказалъ и не сдѣлалъ „онъ“.

Задача оказывалась крайне затруднительной, ибо неизбѣж-
~~~

но кто-нибудь изъ нихъ да долженъ же былъ принять на себя починъ перваго движенія и перваго слова. Поэтому они очень долго оставались неподвижными и молча глядѣли другъ на друга.

Наконецъ у Чемоданова запершило въ горлѣ и онъ произнесъ:

— Гм!

— Гм!—было ему отвѣтомъ со стороны Никиты Матвѣевича.

Онъ кашлянулъ и повторилъ свое: „гм!“

— Гм! гм! кх... кх!..—совсѣмъ закашлялся Никита Матвѣевичъ и въ то же время правая рука его стала медленно приподниматься, какъ-бы съ цѣлью снять шапку.

То же самое движеніе сдѣлалъ и Алексѣй Прохоровичъ— и вотъ двѣ правыхъ руки тихонько поднимались все выше и выше, одновременно взялись за шапки и сняли ихъ.

— Здра...

— Здра...

— Здравствуй, Алексѣй Прохорычъ!

— Здравствуй, Микита Матвѣичъ!

Это было произнесено разомъ, какъ по командѣ, и оба почувствовали, что самое трудное сдѣлано, и на сердцѣ легче стало.

— Въ добромъ-ли здоровьи, сосѣдушка?—опять принялъ на себя починъ Алексѣй Прохоровичъ.

— Спасибо; какъ тебя, сосѣдушка, Богъ милуетъ?

— Живемъ помаленьку.

— Что это ты заборъ-то ломать вздумалъ? никакъ новый ставить хочешь?..

— Ломаю я его потому, вишь ты, подгнивать онъ сталъ что-то... Меня-то вотъ почитай цѣлыхъ полтора года дома не было, въ бусурманскихъ странахъ важную службу царскую справлялъ, — такъ безъ хозяина-то, самъ знаешь, упущеніе всякое... и заборъ тоже этотъ самый...

Передернуло было Никиту Матвѣевича, какъ услышалъ онъ про „важную службу царскую“, да по счастью подумалось ему, что отъ такой службы, сопряженной съ необходи-

мостью покидать домъ и ѣхать невѣдомо къ какимъ нехристямъ, самъ онъ бѣжалъ-бы хоть въ преисподнюю, — и эта мысль его успокоила.

— Да, вѣдомо мнѣ все это... и про службу твою вѣдомо, Алексѣй Прохорычъ,—спокойно сказалъ онъ, — вѣдь ты съ моимъ парнишкой ѣздилъ-то.

— Какъ-же, какъ-же... славный у тебя парнишка, Микита Матвѣевичъ!—совсѣмъ добродушно воскликнулъ Чемодановъ, вдругъ вспоминая пріятнѣйшія минуты своего путешествія, въ которыхъ не малую роль игралъ Александръ.

— А у тебя, слыхалъ я, дѣвица возросла преизрядная,— отвѣтилъ широко улыбаясь Залѣсскій.

Доска затрещала подъ его ногою и онъ ступилъ шагъ по направленію къ сосѣду. Ступилъ на шагъ впередъ и Чемодановъ. Еще разъ и другой, и третій ступили они — и очутились вплотную другъ противъ друга. Шагать ужь было некуда, а потому они побрались за шапки и троекратно, звучно облобызались.

— Эхъ, братъ!—сказалъ Чемодановъ.

— Да, братъ!—отвѣтилъ Залѣсскій.

Въ этихъ повидимому неопредѣленныхъ восклицаніяхъ заключался для нихъ самый ясный смыслъ и двумя словами было сказано очень много.

Мелькнуло было передъ ними слабое воспоминаніе о черной курицѣ, которая около десяти лѣтъ тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, была причиной ихъ ссоры; но черная курица тотчасъ-же и забылась. Вмѣсто нея стало вспоминаться старое хорошее время, когда этого высокаго, разрушаемаго теперь забора еще не было, когда два сада раздѣлялись только ветхой, мѣстами совсѣмъ повалившейся оградой, когда друзья и сосѣди частенько перелѣзали сквозь ту ограду, навѣщая другъ друга и долгіе тихіе часы проводя въ благодушной бесѣдѣ.

— А вѣдь шибко постарѣлъ ты за эти годы! — говорилъ Чемодановъ,—ишь, сѣдой совсѣмъ становишься!

— Да и ты не молодѣешь, Алексѣй Прохорычъ, только раздаешься во всѣ стороны... чай ты нынѣ, какъ стоишь, сразу

не скажешь — есть-ли у тебя ноги и что на тѣхъ ногахъ надѣто!

И оба разсмѣялись этой незатѣйливой шуткѣ. Засмѣялись, а потомъ и вздохнули.

— Вотъ то-то, братъ,—раздумчиво произнесъ Алексѣй Прохоровичъ,—кажись вчерась оно было, какъ мы съ тобой здѣсь этакъ-то бесѣдовали, анъ сколько лѣтъ ушло... мы постарѣли, дѣти выросли... Вотъ она, жизнь наша, бѣжитъ ровно вода изъ рѣшета — не удержишь... Да и кто знаетъ, сколько еще той воды осталось... можетъ и оглянуться не успѣешь, анъ ужь и нѣтъ ея—вся вытекла. А мы тутъ враждуемъ, когда о душѣ надо думать!

— Такъ, братъ, такъ!—со вздохомъ сказалъ Никита Матвѣевичъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Ну, а теперича мы что-жь... къ великому государю значитъ завтра пойдемъ съ тобою?

Чемодановъ поднялъ брови и съ изумленіемъ взглянулъ на сосѣда.

— Къ великому государю!.. такъ, значитъ, онъ и тебя призывалъ, и съ тобой толковалъ объ этомъ?

— А то какъ-же?! Мирись, говоритъ... Я ему: какъ-же такъ мириться, мнѣ мириться невозможно. А онъ мнѣ: „Богъ, говоритъ, поможетъ“. Вотъ и сталось по его царскому слову... И говоритъ онъ еще: „какъ, говоритъ, помиритесь—тотчасъже ко мнѣ ступайте, вмѣстѣ, чтобъ я своими глазами видѣлъ вашъ миръ...“

— Такъ вотъ оно что́-о!—протянулъ Чемодановъ. — Ну, коли такъ, нечего намъ съ тобой и дѣлать, Микита Матвѣевичъ... Противъ царской воли не пойдешь... Видно такъ суждено...

— Видно такъ суждено, Алексѣй Прохорычъ!.. Отдаешь что-ль за моего парня свою дочку?

— А вотъ ты научи меня, какъ не отдать коли царь приказываетъ...

— Нешто онъ приказываетъ!.. онъ, вишь ты, говоритъ: я, говоритъ, противъ родительской власти не могу, я васъ не неволю, а только совѣтъ подаю добрый...

— Да ладно, что́ ужь тутъ! Видно судьба такова. Пойдемъ завтра къ царю... А нынѣ-то... вечеръ-то длиненъ... надо намъ съ тобой по чарочкѣ пройтись, чтобы, значитъ, миръ нашъ и свойство были добры, да крѣпки.

— Вѣрно твое слово, Алексѣй Прохорычъ,—идемъ ко мнѣ, у меня, братъ, осталась та самая романея... помнишь чай... и она видно за десять лѣтъ-то постарѣла, только стала отъ того не хуже, а много лучше.

— Вотъ это ты совсѣмъ не такъ говоришь!—воскликнулъ Чемодановъ.—Самъ посуди: мнѣ-ли къ тебѣ нынѣ идти, тебѣ-ли ко мнѣ: я твоего Лексашу вдоль и поперекъ знаю, полтора года съ нимъ возжался, а ты мою дочку и не видалъ ни разу... А ну, завтра царь тебя про нее спроситъ? что ты ему отвѣтишь? Да такъ оно и по всему подобаетъ... прежде чѣмъ сватовъ засылать, самъ разгляди ее... Я, братъ, товаръ продаю хорошій... взгляни на товаръ мой... А ужь какая у меня романея! да что́ романея, я, друже, такихъ напитковъ заморскихъ изъ нѣмечины вывезъ, что уму помраченіе.

Говоря это, онъ такъ причмокнулъ языкомъ, что у Никиты Матвѣевича слюнки потекли.

— Ладно ужь, къ тебѣ, такъ къ тебѣ... Идемъ что-ли!—рѣшилъ онъ, окончательно убѣжденный.—И вотъ я тебя еще про нѣмечину поразспросить-бы хотѣлъ... Лексаша-то, какъ вернулся, болталъ тамъ, да что́ онъ, молокососъ, смыслитъ... Тебя бы послушать...

— Что-жь, я не прочь, — оживился Алексѣй Прохоровичъ,—твой парнишка, хоть и смышленъ онъ, да гдѣ-же ему... онъ многого и не видѣлъ... Я тебѣ, братъ, такое разскажу, такое...

Сосѣди, какъ во время оно, двинулись по направленію Чемодановскаго дома.

~~~~~~~~~~~

Александръ сидѣлъ утромъ у себя и читалъ, когда послышался стукъ въ его дверь, которую онъ имѣлъ обычай запирать на задвижку.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ.
~~~~~~~~~~~

— Санюшка, дитятко, отомкнись! — послышался голосъ матери.

Онъ отворилъ дверь и впустилъ Антониду Галактіоновну. Ея нарумяненное и набѣленное лицо носило всѣ признаки крайняго изумленія. Въ ней была какая-то таинственность. Она присѣла на кровать Александра и, приложивъ палецъ къ губамъ, многозначительно произнесла:

— Шш!

— Что́ такое, матушка?

— А такое, дитятко, что и ума приложить не могу... Хоть убей меня на семъ мѣстѣ,—нечегошеньки-то я не понимаю!.. Чудеса у насъ въ домѣ творятся...

Александръ, хорошо зная, что мать сразу, безъ предисловій, никогда ничего не скажетъ и что спрашивать ее— значитъ только удлинять эти предисловія,—терпѣливо ждалъ.

— Въ среду-то, когда онъ нарядный-то кафтанъ надѣвалъ, какъ полагаешь—гдѣ онъ былъ?—торжественно спросила Антонида Галактіоновна.

— Не знаю я.

— А я такъ вотъ знаю... У царя онъ былъ, Санюшка, у царя онъ былъ, родименькій! Какъ вернулся тогда, скинулъ кафтанъ, и—ни слова. Гдѣ, молъ, былъ, Никита Матвѣичъ, спрашиваю. А онъ мнѣ: „отвяжись, дура!“—и только. И все молчалъ...

Она передохнула и продолжала:

— Это одно, а вотъ и другое: вчерась вечеромъ въ садъ вышелъ, жду я часъ—нѣтъ его... смерклось совсѣмъ, работниковъ спрашиваю: видѣли Микиту Матвѣича? Видѣли, говорятъ, какъ по саду ходилъ, а потомъ и не видали. Сама пошла, весь садъ обошла—нѣтъ его. Страхъ меня взялъ, да потомъ и думаю: можетъ онъ какъ непримѣтно въ ворота ушелъ. Опять жду, сторожу наказала отъ воротъ ни на шагъ. А сама, будто тянетъ меня что́—нѣтъ-нѣтъ, да въ садъ-то и выгляну. Ночь совсѣмъ... темень — хоть глазъ выколи, и вотъ, какъ выглянула-то я въ послѣдній разъ—слышу будто кто-то по саду къ дому пробирается. Я такъ и замерла, двинуться не могу, крикнуть хотѣла—голосу нѣтъ. А онъ идетъ

себѣ да и бормочетъ что-то. Тутъ я и разслышала, что это Микита Матвѣичъ, окликнула его, онъ и отозвался. Вошелъ въ домъ, красный такой, а самъ усмѣхается.

— Гдѣ-жь это онъ былъ?—съ невольно забившимся сердцемъ спросилъ Александръ.

— Вотъ и я тоже объ этомъ ему сказала... гдѣ, молъ, былъ? А онъ мнѣ... Охъ, Санюшка, наказалъ онъ мнѣ крѣпко накрѣпко до поры до времени тебѣ не сказывать; да не могу я вытерпѣть... Какъ спросила я его, онъ мнѣ и отвѣчаетъ: „а я, вотъ, говоритъ, сына женить надумалъ, такъ невѣсту его глядѣть ходилъ". Что́ ты, говорю, опомнись, батюшка!.. Вижу я—хлебнулъ онъ порядкомъ и винный духъ отъ него идетъ по всей горницѣ. А онъ какъ засмѣется: „Правду сказываю, говоритъ, невѣсту Лексашкѣ смотрѣлъ, хороша невѣста". „Да вѣдь ты ее, Матюшкину дочку, не разъ ужь видалъ, не больно-то, молъ, хороша она. „Какая тамъ, говоритъ, Матюшкина дочка, ей Лексашкиной невѣстой не бывать. Невѣста ему—Настя, Чемодановыхъ, Алексѣя Прохорыча дочка. Мы, говоритъ, это дѣло, когда еще, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, порѣшили, ну вотъ я и посмотрѣлъ Настю. Дѣвица перворазрядная. Изъ себя красавица, у царицы въ большой милости, одна дочка у Алексѣя Прохоровича, а достатки у него не малые. Только ежели ты объ этомъ хоть одно слово шепнешь Александру до поры до времени — убью!" Ну, я дальше ужь и не слушала, потому—отъ пьянаго человѣка какого толку добиться можно... Только онъ, ложась спать, приказалъ разбудить себя пораньше. Разбудила я его. Богу помолился, да и говоритъ: „подавай нарядный кафтанъ". Почто онъ тебѣ? спрашиваю. „А я, говоритъ, съ Алексѣемъ Прохорычемъ къ царю собираюсь". Такъ я и ахнула, всю-то ночь спалъ и всежь не проспался, какъ хмѣльнымъ легъ, такъ хмѣльнымъ и всталъ. Одѣлся, а уходя опять вчерашнее: „ежели, говоритъ, ты хоть слово одно Лександру,—убью!" Гляжу я, гляжу—онъ, во всемъ нарядѣ-то, прямо въ садъ. Хоть и страхъ меня разбиралъ, а всежь-таки не утерпѣла: какъ вышелъ онъ—я за нимъ, кусточками пробираюсь. И что-жь бы ты думалъ: прямехонько онъ къ

Чемодановскому забору... я за нимъ... гляжу, заборъ-то поваленъ, онъ перешагнулъ въ сосѣдскій садъ да и былъ таковъ... Что-жь это такое дѣется у насъ, Санюшка? скажи мнѣ—рехнулась я что-ли, навожденіе дьявольское это на меня, чудится мнѣ... Охъ, пропала моя головушка!

Антонида Галактіоновна схватилась за голову и заунывнымъ голосомъ начала причитанія надъ собою.

— Матушка, успокойся!—радостно сказалъ Александръ,—какое тамъ навожденіе, какое тамъ чудится! Ничего тебѣ не чудится, а все такъ и есть, какъ говорилъ тебѣ батюшка: и у царя онъ былъ, и къ Алексѣю Прохорычу вчерась ходилъ смотрѣть мою невѣсту ненаглядную, Настю мою милую...

Антонида Галактіоновна опять схватилась за голову.

— Мутится! мутится... чудится!—завопила она, — и ты тоже!.. Ахти мнѣ!..

— Вотъ что ты мнѣ скажи, матушка, давно это было? давно ты изъ саду вернулась?

— Охъ, сейчасъ только, прямо къ тебѣ... охъ, мутится... совсѣмъ помутилась!..

Александръ безжалостно оставилъ мать съ ея мутящейся головою и кинулся изъ покойчика. Забывъ надѣть шапку и не соображая, что на немъ легкій домашній кафтанъ, а на дворѣ свѣжо и вѣтряно, онъ выбѣжалъ въ садъ и какъ стрѣла помчался къ Чемодановскому забору. Смотритъ—часть забора сломана. Подбѣжалъ и остановился, а сердце такъ и колотится.

„Придетъ, безпремѣнно придетъ!—рѣшаетъ онъ, — какъ отцы уѣдутъ къ царю, такъ и придетъ она... никто... ничто ее не удержитъ!“

И она пришла. Онъ издали, еще не видя и не слыша, ее почуялъ. И она знала, что онъ ждетъ ее. Они кинулись въ объятья другъ къ другу, и цѣловались, и смѣялись, и молчали, и говорили, и не могли наглядѣться другъ на друга. Передавать ихъ безсвязнаго, влюбленнаго шопота — нечего, ибо всякій легко его себѣ можетъ представить, а кто не представитъ—для того онъ совсѣмъ не интересенъ.

Одно только слѣдуетъ замѣтить: у Александра не оказалось ни стыда, ни совѣсти: онъ цѣловалъ и ласкалъ Настю

такъ, будто кромѣ нея никого не цѣловалъ въ жизни. И среди этихъ поцѣлуевъ ни сердце, ни память не подсказали ему имени далекой венеціанской красавицы, Анжіолетты Каппелло.

Черезъ мѣсяцъ была ихъ свадьба.

ИЗЪ РАЗСКАЗА

Г. П. Данилевскаго

ВЕЧЕРЪ ВЪ ТЕРЕМѢ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ.

Молва передавала вѣсти о потѣшныхъ теремахъ въ Кремлѣ и въ селѣ Коломенскомъ. Иноземцы отписывали на родину о присылкѣ къ московскому двору новыхъ заморскихъ игрушекъ, „клавикортовъ“, „охтавокъ“ и „часовъ съ курантами“, и выхваляли щедрость и общедоступность царя. Гонцы боярина Матвѣева чаще сновали отъ государскихъ теремовъ къ посольскому приказу и обратно. Бояринъ, въ тишинѣ своихъ палатъ, изыскивалъ способы къ отпечатанію разумныхъ книжекъ: „Космографіи“, „Риторики“, „Фундаментовъ“ или „Максимовъ фортификаціи“. А въ теремномъ саду, гдѣ надъ деревьями, отъ птицъ, были раскинуты мѣдныя сѣтки и въ шелковыхъ клѣткахъ висѣли любимыя царскія птицы, перепелки, его же хлопотами были устроены размалеванныя деревянныя горы. Съ нихъ, по праздникамъ, на повозочкахъ катались царевны, сокровенныя еще отъ постороннихъ взоровъ. Въ другомъ углу сада сооружалась веселая потѣшная площадка и прудъ для младшаго изъ царевичей, четырехлѣтняго младенца Петра, также стараніями боярина Матвѣева и старшаго брата царевича, разслабленнаго Ѳеодора. На площадкѣ устанавливались деревянныя пушки, на рѣзныхъ лафетахъ, а на прудъ спускались маленькіе катеръ и шлюпъ.

Что ни вечеръ, съ недавней поры, въ низенькой комнатѣ посольскаго приказа усаживался на залавокъ толстый дьякъ и съ посольскимъ толмачомъ считывалъ какія-то бумаги. Передъ дьякомъ, на столикѣ, лежали разбросанные свертки и

листы вѣдомостей гамбургскихъ, гарлемскихъ, венецейскихъ, кенигсбергскихъ и амстердамскихъ, получавшихся въ Москвѣ съ той поры, какъ голландецъ Фанъ-Сведенъ устроилъ сюда, отъ нѣмецкой границы, постоянную почту, чрезъ Новгородъ и Псковъ. Понюхивая изъ-подъ полы запретное зелье, табачокъ, дьякъ занимался любопытнымъ дѣломъ: онъ повѣрялъ переводимыя ежедневно, на сонъ грядущій царю, зѣло предивныя выписки изъ курантовъ о заморскихъ дѣлахъ и слухахъ. Въ комнатѣ слышалось: „о Кесарской же землѣ изъ Амстердама паки пишутъ, что Кесарская земля тебѣ, Государь, и всему твоему царству самое невѣрное сосѣдство, и дружба вельми коварственная. А и гдѣ же то вѣрность, коли отъ франкскаго короля тайно и индѣ чужія войска затягаетъ и свои даетъ, и съ туркомъ водится, и бусурману и султану кланяется, и всей Московіи искони невѣрность и гибель сулитъ. И, аки рыба левіаѳанъ глаголемая, своихъ ближнихъ поѣдаетъ...“

Куранты занимали царя. Но, будучи вещью хорошею, почта въ то же время пускалась и на лихія продѣлки. Нѣмецъ Марселисъ, содержатель ея и преемникъ Фонъ-Сведена, былъ торжественно уличенъ въ томъ, что прежде лицъ, къ кому писались письма, распечатывалъ ихъ и тайкомъ вычитывалъ изъ нихъ разныя новости. Вышло множество ссоръ и пересудовъ.

Но ничто такъ не волновало умовъ, какъ недавно возникшія забавы царя въ потѣшныхъ теремахъ. Иные, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, или въ сосѣдней Польшѣ, говорили, что это просто театръ, гдѣ играетъ музыка и комедіанты пляшутъ. Другіе, посмѣлѣе, или изъ партіи недовольныхъ, утверждали, что царь, съ приближенными и съ бояриномъ Матвѣевымъ, переодѣвается тамъ въ заморскія платья, читаетъ нѣмецкія книжки и готовится поворотить Россію въ бусурманы.

Вездѣ, и за прилавками въ гостиномъ ряду, гдѣ, развѣсивъ бухарскіе ковры и мѣха и щелкая орѣхи, толковали и перебрасывались шутками молодые сидѣльцы, и въ боярскихъ палатахъ, вездѣ шли рѣчи о новыхъ царскихъ забавахъ. Въ

хоромахъ боярина Мосальскаго, зазванный отъ ранней обѣдни набожною боярыней, сидѣлъ, въ обтертой скуфейкѣ и босикомъ, разстрига-дьяконъ и, поводя косыми глазами, поминутно вздыхалъ и крестился. „Что тебѣ, Касьянычъ?“ допрашивала заботливая боярыня, доставая гостю изъ стекольчатаго поставца графинчикъ и серебряную чарку. „Міръ, матушка, къ концу клонится, міръ!“ отвѣчалъ онъ. А въ углу той же горенки молодой князь Пехтеревъ, изъ хозяйскихъ племянниковъ, уже обвѣянный новымъ духомъ, рвавшимся сюда сквозь запоры и стѣны, сидѣлъ у рѣшетчатаго окна и полушепотомъ, на-скоро, пересказывалъ двоюроднымъ сестрамъ, какъ онъ былъ въ Коломенскомъ и какъ онъ увидѣлъ въ щелку двери, что̀ такое потѣшные терема и что́ тамъ дѣлается.— „Мишенька, голубчикъ! Что-жь тамъ такое, говори?“ допытывались двоюродныя сестры. „Дѣйства, миленькія, дѣйства!“— „Какія дѣйства?“—„А вотъ какія!“ И онъ разсказывалъ, подъ набожную бесѣду тетушки съ Касьянычемъ: „намедни играли о томъ, какъ Алаферну голову отсѣкли; а тамъ другое: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и по Мордахеину наученію! И такъ-то все это мудрено, сестрицы, такъ мудрено! Это выходитъ, сперва всѣ чинно усядутся, вотъ хоть бы какъ и мы; царь съ царевичами по одну сторону, а царевны съ няньками по другую. Дворскіе и гости сядутъ чинно сзади, поодаль. Тутъ виситъ такая занавѣсочка шелковая и свѣчки разныхъ цвѣтовъ горятъ. Проиграютъ на гусляхъ да на трубахъ. А бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выйдетъ, ударитъ въ ладоши, занавѣсъ и отдернется. Тутъ явится палата, и часовые стоятъ, и цвѣты, и звѣрь кентавръ, и городъ заморскій, а потомъ и выйдетъ человѣкъ. А на немъ всего наверчено, наверчено! Разведетъ руками и станетъ говорить скоро, али виршу. А тамъ выдернетъ мечъ, другой человѣкъ тоже выскочитъ. Вотъ ходятъ они, ходятъ, говорятъ виршу. Занавѣсъ и задернется. Тутъ опять въ гусли да въ трубы заиграютъ. Дѣйство и кончено. Тогда уже бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ только подойдетъ къ царю, въ поясъ поклонится. А царь такъ милостиво говоритъ съ нимъ али съ царевичами шутитъ, забавляется. А то еще было та-

кое, говорятъ, дѣло, что какъ отдернули разъ занавѣсъ, а тамъ стоятъ человѣкъ десять, одинъ на другомъ. Выходитъ, пирамидъ дѣлали. Балансеръ тоже, скоморохъ, изъ Марселіи града, съ имперскими послами пріѣзжалъ. Натянулъ это канатъ передъ царемъ, да и ходитъ по немъ, вотъ какъ по мосточку, да все качается, да царю красными платочками и машетъ, и такой-то нарядно одѣтый. Эхъ, вѣдь какъ мило-то! Не вышелъ бы оттолѣ! А наши бояре еще ершатся, кобенятся!“—„А что?“—„Да то, сестрицы, что царю они непокорны! Нынче уже не охотою токмо, а всѣмъ и нарочито велятъ быть при дѣйствахъ: кто нейдетъ, за тѣмъ посылаютъ, силою берутъ и велятъ идти! Самъ намедни видѣлъ, какъ Горюшкина Илью, до Лыкова Алексашку тащили по Басманной такъ-таки царскіе вершники, какъ застали ихъ въ дядевыхъ хоромахъ, и тянули къ дѣйствамъ. Инда со смѣху помирали всѣ!“

На святки царскія забавы увеличились. Къ нимъ, заботами главы посольскаго приказа, допускались и заморскіе послы. Царь не разумѣлъ чужеземныхъ языковъ, послы тоже не понимали по-русски. Но посредствомъ переводчиковъ дѣло улаживалось, и заморскіе гости возвращались домой, не нахвалясь царскими ласками и царскими угощеніями.

Однажды, незадолго передъ вечеромъ, постельничій Парамоновъ вошелъ въ покои посольскаго приказа и объявилъ, что царь назавтра приглашаетъ голландскаго чрезвычайнаго посла Фанъ-Кленка, имперскихъ пословъ Франциска де-Баттони и Карла Тирлингера де-Гусмана, на свои царскія забавы и на вечернее кушанье. Заморскихъ гостей повѣстили и въ раззолоченныхъ колымагахъ привезли въ Коломенское къ царскому терему. Они шли, предводимые переводчикомъ, рядомъ невысокихъ жилыхъ царскихъ покоевъ, гдѣ носился легкій запахъ ладана отъ близости теремныхъ молеленъ, въ которыхъ еще недавно было на молитвѣ царское семейство. Передъ дверью на половину царевичей и царевенъ послы увидѣли на часахъ стрѣльцовъ. Стоя на маленькомъ коврикѣ, стрѣльцы перешептывались между собою. Ихъ разноцвѣтные кафтаны, золоченыя винтовки и обтянутыя по древкамъ крас-

нымъ бархатомъ алебарды ярко отсвѣчивались въ отблескѣ вечерней зари, проливавшей радужные огни сквозь разностекольныя, рѣшетчатыя окна терема. Послы вошли въ обширную комнату, съ изразцовою зеленою печью и съ желтыми, въ золотыхъ травахъ, кожаными обоями. Тутъ послы увидѣли самого царя...

Царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами, сидѣлъ за небольшимъ столикомъ. Онъ доигрывалъ съ княземъ Ромодановскимъ игру въ шахматы и, оспаривая у противника побѣду, едва замѣтилъ вошедшихъ иностранцевъ. Почти пятидесятилѣтній царь Алексѣй былъ дороденъ, съ просѣдью, но свѣжъ. Нарядъ его ослѣплялъ обиліемъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Смѣлые каріе глаза, смотрѣвшіе нѣсколько исподлобья и важное, горделивое лицо оправдывали народное прозванье: царь-соколъ. Онъ сидѣлъ на рѣзной высокой скамеечкѣ, облокотясь бѣлой полной рукой о шахматную доску. На головѣ его была золотая шапочка, съ лисьимъ мѣхомъ, утыканная жемчугомъ и изумрудами. На немъ былъ шелковый зеленаго цвѣта опашень; на груди—наперстный, усыпанный алмазами, крестъ. А возлѣ, по бокамъ царя, неотлучно стояли два рында, съ нѣжными, отроческими лицами, въ бѣлыхъ серебристыхъ одеждахъ до земли. Одинъ держалъ царскій посохъ, изъ чернаго индійскаго дерева, а другой—царское полотенце.

Одна изъ дверей комнаты была занавѣшена легкимъ парчевымъ пологомъ. Онъ поминутно колыхался, точно нетерпѣливая и вмѣстѣ робкая рука его отдергивала. Пока царь доигрывалъ игру, пологъ отодвинулся. Изъ-за него вошли двѣ тучныя мамы, въ бархатныхъ кичкахъ и въ шелковыхъ душегрѣйкахъ. Съ одною объ руку вошла бѣлокурая дѣвочка, старшая царская дочка, царевна Софія Алексѣевна, въ алой, подбитой горностаемъ шубкѣ и въ мѣховой шапочкѣ. Она усѣлась поодаль, съ неотлучною своей забавницей, съ маленькой сморщенной служкой-карлицей, столѣтней царицыной дуркой-шутихой. Вслѣдъ за нею явился и тотчасъ занялъ иностранцевъ черноглазый и чернокудрый мальчикъ, тотъ самый четырехлѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ, для котораго стараніями старшаго брата устроивались стрѣльцовая площадка и потѣш-

ный прудъ. Стоя возлѣ полной и статной мамы, онъ быстрыми глазками слѣдилъ за движеніями заѣзжаго рыжаго нѣмчина. Помѣстившись на скамеечкѣ у печи, нѣмчинъ заводилъ и устроивалъ заморскій органъ, только что привезенный изъ чужихъ краевъ и подаренный бояриномъ Матвѣевымъ большому царевичу Өеодору, вмѣстѣ съ голландскими клавикортами и венецейскими охтáвками. Полная мама, восклицая: «ахъ ты, соколъ мой, ахъ ты, батюшка-непосѣда!“ то и дѣло останавливала быстрые порывы царевича, который размахивалъ ручками и, потягиваясь къ нѣмчину, допрашивалъ у него едва внятными дѣтскими рѣчами: гдѣ дѣлаютъ такіе органы, и далеко ли живутъ нѣмцы; и хорошо ли у нихъ, ѣздятъ ли тамъ на корабляхъ, и стрѣляютъ ли изъ пушекъ?..

Никто не зналъ навѣрное, чѣмъ угоститъ теперь царь на своей вечеринкѣ: придетъ ли балансеръ и станетъ съ помощниками пирамидъ дѣлать; будутъ ли только играть на органѣ да обносить сластями, дѣйства ли покажутъ? Ничего не знали.

Царь кончилъ игру. „Ну, бояринъ“, сказалъ онъ, вставая: «ты враговъ лучше бьешь, чемъ берешь копей да ферязей!» Царь выигралъ и былъ, очевидно, въ духѣ. Завидѣвъ пословъ, онъ тутъ же ласково кивнулъ имъ головою; поручилъ черезъ переводчика сказать имъ, что по случаю новаго года позвалъ ихъ къ себѣ на веселье; спросилъ, довольны ли они содержаніемъ и обхожденіемъ окружающихъ, и, обратившись къ голландцу Фанъ-Кленку, сказалъ ему: „Минъ-геръ, поди сюда!“ Минъ-геръ подошелъ и нѣсколькими словами съ царемъ возбудилъ зависть не очень-то довольныхъ недавнимъ объясненіемъ царя съ смѣлыми моряками и торговцами-голландцами. А между тѣмъ нѣмчинъ, по данному знаку, завертѣлъ ручку органа, сначала невпопадъ, но потомъ оправился, и веселыя извилистыя варьяціи тирольской плясовой мелодіи наполнили комнату...

Царь уже не въ первый разъ говорилъ съ голландскимъ посломъ. Онъ говорилъ съ ними о торговлѣ и о чужихъ странахъ, о наукѣ и о морскомъ дѣлѣ; разспрашивалъ его о дворѣ франкскаго короля, у котораго Фанъ-Кленкъ былъ незадолго передъ тѣмъ; перешелъ потомъ къ своей особѣ, говорилъ, что

намѣренъ улучшить у себя воинское и судное дѣло; жаловался на то, что пропалъ его любимый соколъ, и что онъ самъ уже какъ-то старѣетъ и, охладѣваетъ къ этой охотѣ; спрашивалъ у Фанъ-Кленка, какъ бы ему завести настоящій театръ съ комедіянтами, такой, какой, по слухамъ, заведенъ у польскаго короля.

Въ это время вошелъ бояринъ Матвѣевъ и что-то сказалъ царю, склонившись передъ нимъ. Царь отвѣтилъ ему легкимъ мановеніемъ головы и вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ Фанъ-Кленку, сказалъ: „передай своимъ товарищамъ, что сегодня придется услышать вамъ у меня захожаго изъ вятскихъ лѣсовъ русскаго сказочника. Вамъ это, чай, въ диковинку?“ И дѣйствительно, царь Алексѣй Михайловичъ хоть и любилъ заморскія игры и забавы, но, по его собственнымъ словамъ, не было для него ничего слаще, какъ слушать, въ часы отдыха, разнообразныя и поучительныя повѣствованія странниковъ. „Въ ихъ рѣчахъ о старинѣ“, говорилъ онъ, „складные уроки для новаго времени; а въ разсказахъ о новомъ времени познаешь то, чего не увидѣть своими глазами!“ Еще не далѣе, какъ мѣсяцъ назадъ *передъ тѣмъ*, царь оплакалъ и, какъ друга, проводилъ до могилы лучшаго изъ своихъ дворскихъ повѣствователей, Венедихта Тимофеева. Послѣдній поистинѣ былъ скрижалью лѣтъ давно минувшихъ и услаждалъ царскіе досуги разсказами о кіевскихъ и новгородскихъ князьяхъ и о татарщинѣ.

Бояринъ Матвѣевъ снова вошелъ въ комнату и, въ поясъ поклонившись царю, сказалъ: „по твоей по волѣ, государь, привели ко двору твоему вѣрнаго раба и слугу твоего, прохожаго бахаря-сказочника. А зовутъ его Устиномъ, а сказываетъ онъ сказки и пѣсни изъ дѣтства и идетъ издалеча. Былъ въ Кіевѣ, на Волгѣ и за Ураломъ. Прикажешь его звать?“ Царь сказалъ: „зови!“ Вошли два покоевыхъ стражника и стали у двери. За ними на порогѣ показался сказочникъ, мало чѣмъ выше средняго роста, лѣтъ подъ шестьдесятъ, невзрачный, въ старомъ потертомъ кафтанишкѣ, съ рѣдкою бородою клиномъ и стриженный въ скобку. Онъ низко поклонился и сперва было сробѣлъ и смѣшался. „Здравствуй!“ сказалъ звучнымъ голосомъ царь. Сказочникъ устремилъ несмѣ-

лый взоръ на царя: „Не робѣй!“ продолжалъ царь: „ты гость нашъ и нашихъ гостей. Откуда ты идешь и гдѣ жилъ?“ Устинъ. Иволга по прозванію, оправился, глянулъ на бояръ и на прочихъ гостей, стоявшихъ вкругъ царя, ступилъ отъ двери и отвѣтилъ: „иду я нонѣ, царь-батюшка, изъ далекой Украйны, изъ даурской, зауральской стороны, мѣховой да золотой твоей землицы. Въ Сибири руду копалъ. Много тамъ у насъ, по заводамъ да раздольямъ, гудочниковъ да пѣсенниковъ. Холодно жить, и людишки все перехожіе. Ну, да весело жить, и милостью твоею сыты и вскормлены!» — «Ну, выпей же чарку вина да повѣдай намъ, Устинъ, сказку или притчу какую, повесели насъ, да и семью нашу. Вотъ и господа послы заморскіе, хоть не поймутъ тебя, да послушаютъ».

Царь сѣлъ. За нимъ сѣли и всѣ присутствующіе. Сказочнику внесли его гусли, и онъ сѣлъ ихъ ладить. Дворскіе слуги тѣмъ временемъ пошли между скамьями, съ кубами романеи, мальвазіи и ренскаго. Царскимъ дѣтямъ и кому хотѣлось, подавались леденцы, шептала́, обсахаренныя дынныя корки и индійскія сласти, мускатъ и инбирь въ меду. Царь спросилъ: «а гдѣ же князь Ѳеодоръ?» Дверь отворилась и старшій сынъ царя, разслабленный царевичъ Ѳеодоръ, появился въ носилкахъ изъ чернаго дерева. Взоры присутствующихъ съ жалостью обратились къ нему. Тутъ царскіе гусельники и скрипотчики проиграли родъ вводной музыки. Бояринъ Матвѣевъ вышелъ передъ царя и произнесъ: «*Повѣсть, по преподобному Нестору, зѣло предивна о князѣ Владимірѣ и о томъ, какъ парень Янъ побѣдилъ Печенѣжина*»!..

Сказочнику поднесли романеи. Онъ выпилъ, утерся и сталъ, изрѣдка поигрывая на гусляхъ, нараспѣвъ сказывать о князѣ Владимірѣ Красномъ солнышкѣ.

~~~~~~

Разсказчикъ замолкъ. Одобрительный говоръ пошелъ между слушателями. Переводчики передавали иностранцамъ содержаніе сказки. „Ну, спасибо тебѣ, Устинъ! И тебѣ спасибо, Артамонъ Сергѣевичъ!“ сказалъ царь. Матвѣевъ далъ знакъ. Царскій кравчій поднесъ Устину на серебряномъ блюдцѣ кубокъ ренскаго. И кубокъ и блюдцо царь пожаловалъ сказочнику. „Ну,
~~~~~~

Устинъ", продолжалъ царь: „не полно ли тебѣ шататься по свѣту? Оставайся-ка у насъ на Москвѣ. Ты замѣнишь намъ Венедихта Тимофеева..."—„Прости, государь", возразилъ сказочникъ, „смилуйся и не прогнѣвайся! Канарейка-птица хорошо поетъ въ клѣткѣ, а супротивъ соловья въ лѣсу ей не справиться! Тѣсно мнѣ будетъ въ твоемъ теремѣ, да и платья-то золоченаго носить не съумѣю. Отпусти, царь-батюшка. Довольны мы твоею государскою милостью. И внукамъ, и правнукамъ о ней скажемъ!" Царь не настаивалъ и отпустилъ его съ миромъ.

Когда иностранцы разошлись, два стрѣльца внесли и поставили на столъ передъ царемъ невысокій желѣзный ящикъ, съ ликами святыхъ угодниковъ по сторонамъ и съ скважиною въ крышкѣ. Ящикъ былъ запертъ на замокъ, ключъ отъ котораго висѣлъ у царя за поясомъ. Его вносили, такимъ же порядкомъ, каждый вечеръ въ царскіе покои. Этотъ ящикъ прикрѣплялся къ столбу, у оконъ, для всѣхъ проходящихъ. „А! челобитныя! Это по твоей части Фролъ Демьяновичъ!" сказалъ царь, обращаясь къ низенькому сѣдому старичку, правившему судными дѣлами, и подавая Демьянычу для прочтенія челобитныя, опущенныя въ ящикъ съ утра того дня. Старичекъ читалъ:—„Челобитная на Степанка, да на Иванка, да на Алексѣйку Карнаухова, да на Микитку Груздева; бьютъ тебѣ, великому царю и государю всея Русіи, сироты твои хресьяне, Ортемка, да Лука, да Костя Суздальскіе. А намъ, господине, жалоба на нихъ, что взяли они у насъ и оттягали прудъ и меленку; а гуси ихъ огороды наши и сады, и грядки портятъ. Смилуйся, батюшка, и защити!"—„Отпиши, Демьянычъ, къ воеводѣ, чтобъ собралъ и выслушалъ челобитчиковъ, и дѣло бы рѣшилъ, и намъ бы отписалъ". — „Челобитная Ѳедьки Чемеря", продолжалъ старикъ: „на Аѳонасія Периннова. Доношу, государь отецъ, что онъ, лихой человѣкъ Аѳонька Перинновъ изъ пограничной крѣпости, изъ Тора на Донцѣ бѣжалъ, и съ туркомъ не дрался, и въ бой не шелъ. А у меня, Ѳедьки Чемеря, укралъ шубу баранью, да пять алтынъ денегъ, да новую ширинку".—Царь улыбнулся. — „Запиши, Демьянычъ: сдѣлать обыскъ, и коли вернется Аѳонька изъ

побѣгу, за воровство бить батоги нещадно, и отдать Ѳедькѣ Чемерю взятое, шубу, деньги и ширинку".—Старикъ продолжалъ: „Челобитная тебѣ, великому царю и многомилостивцу, сирыхъ защитнику и правды поборнику, на ярославскаго воеводу, на грабителя и губителя. Заграбилъ онъ у насъ, сиротъ, и у немощныхъ, и убогихъ, всякое состояніе и гонитъ всѣхъ и губитъ. А у Андрея Шестипалова дочь отнялъ и держитъ... Донесеніе смиреннаго раба и богомольца твоего инока Евстигнея".—Долго царь не произносилъ рѣшенія. Напослѣдокъ онъ сказалъ: „нарядить сейчасъ гонца за воеводою, везти его сюда неуклонно. Давно я считаю за нимъ грѣхъ и добираюсь до него. Инока же Евстигнея подъ стражу взять и держать до конца дѣла. Правъ будетъ, дать ему мѣсто архимандрита, али вотчину изъ воеводскихъ, а нѣтъ, такъ батоги! Смотри, Демьянычъ, не покривить душою! Гляди чтобъ судьи судили поистинѣ, правили бы дѣло по правдѣ и отнюдь бы не стыдились лица сильныхъ!" —Старикъ читалъ далѣе: „Батюшка царь, берегись! Тебя извести хотятъ! Ондрейко Лодіевъ да Сухоня Василій, да поповичъ Серёжка, на торгу, на Москвѣ-рѣкѣ, онамедни ходили и хвалились извести тебя и всякія зелья собирали, и злобныя словесы говорили, и тебя и твоихъ бояръ корили, и царское твое имя поносили!..."—Царь не дослушалъ.—„Брось, Демьянычъ, эту ябеду, да и самъ не читай, кто писалъ! Мало ли что̀ языки мелютъ! Одни корятъ и хулятъ, другіе хвалятъ. Коли смотрѣть на собаку, что лаетъ, такъ еще подумаетъ, что и на льва похожа"...—Демьянычъ прочелъ еще двѣ-три незначительныя челобитныя. Въ одной погорѣлые зарайскіе крестьяне просили помощи, а въ другой жена жаловалась на мужа. Царь велѣлъ произвести слѣдствіе, пожаловать погорѣлыхъ крестьянъ; а обвиняемаго мужа, коли окажется виноватымъ, постращать хорошенько, чтобы жилъ въ мирѣ и согласіи съ женою... . . . . . .

Царь снова заперъ челобитный ящикъ, отдалъ его Фролу Демьяновичу и пошелъ въ опочивальню. Тамъ онъ зажегъ лампадку у образа Казанской Богородицы и долго молился. Царь заснулъ, когда занималась заря и въ Донскомъ монастырѣ раздался благовѣстъ къ заутрени.

ИЗЪ РАЗСКАЗА

П. Р. Фурмана.

„Князь Яковъ Өедоровичъ Долгоруковъ“.

Послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича на престолъ вступилъ старшій сынъ его отъ перваго брака, царевичъ Өедоръ Алексѣевичъ.

Важнѣйшимъ подвигомъ молодого царя было уничтоженіе *мѣстничества.*

Такъ называлось старинное злоупотребленіе, по которому родовые дворяне имѣли право ссылаться на заслуги предковъ при занятіи должностныхъ мѣстъ. Напримѣръ: никто не согласился бы занять мѣсто, какъ бы почтенно оно ни было, еслибъ оно было равно другому мѣсту, занимаемому дворяниномъ, предки котораго были хоть одною степенью ниже предковъ перваго.

Сынъ или внукъ боярина навлекъ бы безчестіе себѣ и своему дому, еслибъ вступилъ подъ начальство сына или внука окольничаго.

Вслѣдствіе такого порядка, на важнѣйшія мѣста избирали людей не по личнымъ достоинствамъ, а по родословнымъ правамъ; и выборъ часто падалъ на дворянъ вовсе неспособныхъ.

Хотя при каждомъ походѣ повелѣвалось быть *безъ мѣстъ*, но воеводы не повиновались, и разсчеты ихъ о мѣстахъ служили помѣхою ходу военныхъ дѣйствій; самая очевидная опасность не могла образумить людей упрямыхъ: нерѣдко они считались мѣстами въ виду непріятеля, въ минуты сраженія, и выдавали другъ друга...

Вотъ для примѣра, до какой степени доходило упрямство бояръ относительно мѣстничества.

Въ 1635 году, въ день именинъ царевны и великой княжны Ирины Михайловны, государь *пожаловалъ боярство* князю Репнину. Такъ какъ о великихъ милостяхъ объявлялъ кто-либо изъ знатнѣйшихъ сановниковъ, то царь повелѣлъ князю Голицыну *сказать* Репнину боярство.

Бояринъ Голицынъ обидѣлся.

— Родители мои, отвѣчалъ онъ, никому боярства не сказывали.

Царь приказалъ повторить Голицыну свое повелѣніе, объяснивъ ему:

— „На то приговоръ Государской, что большіе меньшимъ *сказываютъ*, а отечеству ихъ тѣмъ порухи нѣтъ; да при Государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси, бояринъ князь Ѳедоръ Михайловичъ сказывалъ боярство Борису Годунову, и у стола Борисъ Годуновъ былъ съ нимъ, а послѣ того бывалъ меньше его; а и нынѣ сказывали многіе меньше себя боярство... И ты не упрямливайся, князь Петру боярство скажи, и тѣмъ отечеству твоему порухи не будетъ, и у стола будетъ онъ съ тобой".

А князь Голицынъ Государева слова не послушалъ, князь Петру боярства не сказывалъ.

Разгнѣванный Царь велѣлъ посадить упрямаго князя въ тюрьму. Голицынъ просидѣлъ три дня, потомъ его выпустили, но въ тотъ же день Государь прислалъ къ нему разряднаго дьяка.

— Поди, князь, сказалъ послѣдній, скажи князь Петру боярство.

— Не скажу, отвѣчалъ Голицынъ.

— Ой скажи, не будетъ отечеству твоему порухи.

— Родители мои никому боярства не сказывали, и я не скажу.

— А не скажешь, быть тебѣ разорену и сослану.

— Въ разореньи и ссылкѣ вольны Богъ да Государь, а мнѣ князю Репнину не пригоже сказывать боярство.

— Не скажешь? спросилъ въ послѣдній разъ дьякъ.

— Не скажу.

И князь Голицынъ князю Репнину боярства не сказалъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, не желая раздражать бояръ и воеводъ, не рѣшился на уничтоженіе вреднаго учрежденія.

Подвигъ этотъ предстоялъ Царю Ѳедору Алексѣевичу.

При немъ начальникомъ Разряднаго Приказа былъ князь Михаилъ Юрьевичъ Долгоруковъ, сынъ князя Юрія Алексѣевича.

Вотъ какимъ образомъ Царь приступилъ къ этому важному подвигу.

Онъ приказалъ учредить совѣтъ изъ выборныхъ людей. Настоящая цѣль этого учрежденія была скрыта, и въ указѣ было только сказано:

„Непріятели оказали въ дѣлахъ ратныхъ новые вымыслы и хитрости, а наше устроеніе оказалось въ бояхъ не прибыльнымъ. и потому надобно перемѣнить его на лучшее!“

Главою совѣта назначенъ былъ князь Голицынъ.

Совѣтъ, разсмотрѣвъ дѣло, постановилъ:

„Вмѣсто сотенныхъ головъ опредѣлить *ротмистровъ* и *поручиковъ*, а головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ называться впредь *полковниками и капитанами*, и всѣмъ, назначеннымъ въ новыя должности, служить *безъ мѣстъ*“.

Представляя это рѣшеніе царю, Голицынъ совѣтовалъ предать вѣчному забвенію разрядныя книги и мѣста.

Государь, выслушавъ его мнѣніе, охотно согласился и повелѣлъ всѣмъ властямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, собраться во дворецъ.

Въ назначенный день, 12-го января 1682 года, всѣ собрались въ царскія палаты.

Царь вышелъ, допустилъ собравшихся къ рукѣ и приказалъ Голицыну объявить сановникамъ, зачѣмъ царь созвалъ ихъ.

Потомъ государь самъ обратился къ нимъ:

Вамъ извѣстно, пастыри духовные, сказалъ онъ, что Тотъ, Который правитъ Своими помазанниками, повелѣваетъ имъ блюсти правду; что Сый источникъ устроенія и всея правды,

Имъ же цари царствуютъ и сильніи державствуютъ, вручилъ намъ скипетръ и всѣ тяжести царскія державы, потому, скажу словами Божественнаго Учителя, не свою волю творю, но волю пославшаго мя!...

Θедоръ Алексѣевичъ обратилъ взоръ къ небу и продолжалъ:

— Если Небесный Сынъ сошелъ на землю для того только, чтобы совершить волю Пославшаго Его, то мы, творенія земли, не также ли точно должны оправдывать Его Божественный призывъ?... По врученнымъ намъ свыше хоругвямъ правленія, не должны-ли мы словомъ и дѣломъ исполнять непреложно велѣнія Его?... По Его Божественному уставу, по Его кроткому и исполненному любви предначертанію, намъ предстоитъ устроять и уставлять все къ лучшему, къ добру... Принятый нами скипетръ отъ высшія десницы указываетъ намъ: *говорить и творить правду.*

Царь замолчалъ. Въ черныхъ, полуугасшихъ глазахъ его блеснула искра жизни; на юношескихъ, но блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ выступилъ яркій лихорадочный румянецъ...

Царское высокое слово, казалось, возвратило жизнь и силу двадцатилѣтнему Царю... Съ восторгомъ глядѣли присутствующіе на вдохновенное лицо его; радостная надежда пробудилась въ сердцахъ ихъ, но увы! надежда эта была обманчива...

Дни юноши-Царя были сочтены... жизнь боролась еще со смертію въ груди, но смерть одолѣвала...

Собравшись съ новыми силами, Царь Θедоръ продолжалъ:

— До насъ дошли слухи, что роды бояръ и воеводъ, ознаменовавшихъ себя съ глубокихъ временъ славными дѣлами, *недостойно возгордились ими,* полюбивъ мѣстничные случаи, отъ которыхъ въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходитъ великій для государства вредъ. Усмотрѣвъ, что всему тому виной несправедливое мѣстничество, которое къ вѣчному безславію родовъ, поселяя между ними раздоры, давало непріятелямъ, во время войны, возможность употреблять ихъ въ свою пользу; усмотрѣвъ это, мы желаемъ отнынѣ навсегда уничтожить безразсудное считаніе мѣстъ, попирающее благо цѣлой Россіи, и любовь нашу предоставить однимъ заслугамъ...

За этими словами, произнесенными твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, послышался глухой ропотъ между боярами.

Царь бросилъ на нихъ взоръ, исполненный непоколебимой рѣшимости, и продолжалъ спокойнымъ голосомъ:

— Дѣдъ нашъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, равно желалъ, чтобы во всѣхъ царскихъ дѣлахъ не считались мѣстами, и доброму тому порядку первый положилъ начало. Бояре, окольничіе, думные и разныхъ чиновъ ратные люди остались во многихъ разрядахъ безъ мѣстъ. Отецъ нашъ, Алексѣй Михаиловичъ, когда шелъ войною на недруговъ своихъ, польскаго и шведскаго королей, не велѣлъ считаться мѣстами. Такому порядку обязаны мы и славными побѣдами нашими, и тѣмъ, что бояре, воеводы и всѣ воинскіе мужи передавали имена свои на похвалу отдаленнаго потомства. Правда, и тогда нѣкоторые вздумали было величаться предками своими, за то они и были въ опалѣ. Отъ несогласія въ мѣстахъ ратники часто гибли, какъ напримѣръ подъ Конотопомъ, Чудновымъ и многими другими мѣстами. Слѣдуя благому намѣренію нашихъ предковъ, мы всегда имѣли мысль о совершенномъ уничтоженіи ненавистнаго мѣстничества, и чтобы каждый служилъ для пользы отечества, а не для удовлетворенія своего честолюбія. Настоящее время должно сокрушить всѣ препятствія!..

Ѳедоръ Алексѣевичъ опять замолчалъ, какъ бы для того, чтобы перевести духъ.

Многіе изъ бояръ сидѣли, насупивъ брови и опустивъ головы.

Посреди глубокаго, торжественнаго молчанія Царь продолжалъ съ жаромъ:

— Водимый мыслію дѣда и отца нашего, покорный доброму желаю истребить вражду, я обращаюсь къ вамъ, духовные отцы! Объявите намъ свое мнѣніе:

„Быть ли безъ мѣстъ, или по прежнему считаться мѣстами?“

Нѣсколько секундъ длилось еще торжественное молчаніе.

Патріархъ Іоакимъ всталъ:

— Государь! — сказалъ онъ: ты началъ дѣло, достойное, похвалы, и не обинуясь можешь сказать:

„Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, яко же Азъ возлюбилъ вы!“

Опять послышался ропотъ громче прежняго, но патріархъ продолжалъ смѣло:

— Царь! ты поступаешь по заповѣди и нынѣ исполняешь ее. Отъ исполненія святаго закона проистекаетъ любовь, а гдѣ любовь, тамъ Богъ и вся благая. Извѣстно намъ, что до настоящаго часа происходило несогласіе между высокими родами, въ противность завѣщанной Богомъ любви; что вражда ихъ, источникъ горчайшаго зла, гибель царственныхъ дѣлъ, поядала благое начинаніе, и какъ зараза разносилась въ благородныхъ домахъ...

„Не только высокіе роды, преслѣдуя себя взаимно, мстительною ненавистью, но и низшіе, враждуя другъ противъ друга, питали злобу отъ самаго младенчества...

„Если бы мнѣ о всѣхъ примѣрахъ сегодня слѣдовало донести тебѣ, Царь, то, конечно, слухъ твой усталъ бы; прекращаю дальнѣйшія подробности; изъ словъ твоихъ всѣ мы уразумѣли, что Самъ Творецъ, на преумноженіе славы твоей, вдохнулъ въ тебя мысль искоренить мѣстничество, противное благу отечества.

„Я, непрестанный твой богомолецъ, приношу со всѣмъ священнымъ соборомъ сердечное благодареніе Всевышнему, и молю Его, чтобы Онъ привелъ твое благое намѣреніе къ счастливому концу“.

Слова патріарха произвели глубокое впечатлѣніе на все собраніе. Даже самые упрямые защитники мѣстничества подняли головы и уже не роптали.

— Теперь обращаюсь къ вамъ, бояре и воеводы! произнесъ Царь;—всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть ли безъ мѣста, или, по прежнему съ мѣстами?

Многіе бояре молчали; но нѣкоторые стали превозносить мудрость Царя, и одинъ изъ нихъ произнесъ длинную рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами:

— Будемъ молить, дабы Господь Богъ такое царское на-

мѣреніе благоволилъ привести къ совершенію; чтобы отъ того любовь сохранялась, вкоренялась въ сердца, и царствіе твое, великій государь, мирно строилось!

Тогда Царь приказалъ представить въ собраніе всѣ разрядныя книги, въ которыхъ были *написаны случаи съ мѣсты.*

Когда сложили ихъ въ одно мѣсто, Өедоръ Алексѣевичъ сказалъ:

— Видимо Самъ Богъ помогаетъ намъ въ добромъ дѣлѣ! Вся наша палата, руководимая благоразуміемъ, желаетъ истребленія отеческаго мѣстничества. Вы согласились съ радостію: вы, святительскій сонмъ, и вы, ревностные сыны отечества!

„Внявъ общему голосу собранія, мы велимъ навсегда искоренить *случаи съ мѣсты* и, чтобы всѣ прошенія о нихъ были преданы вѣчному забвенію, повергаемъ самыя книги въ огонь...

„*Пусть такъ истлѣютъ злоба и нелюбовь къ заслугамъ!*"

Эти слова нанесли послѣдній ударъ гордости и спѣси нѣкоторыхъ бояръ... Никто уже не смѣлъ прекословить.

Царь продолжалъ громкимъ повелительнымъ голосомъ:

— Если у кого сохранились записки о мѣстахъ, мы повелѣваемъ и тѣ ввергнуть въ пламень.

„Повелѣваемъ отнынѣ, начиная отъ государственныхъ сановниковъ до послѣднихъ чиновъ, чтобы у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ межъ себя безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, никого ни въ чемъ не укорять, никому ни предъ кѣмъ минувшими походы не возноситься, не упрекать, и гдѣ нынѣ при какомъ чинѣ кто остался, тому не ставить въ укоризну!..

— Гибни ненавистное дѣло! — воскликнули патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ и государскій совѣтъ.

Засѣданіе кончилось.

Царь поклонился собранію и удалился въ свои чертоги.

Благородное самодовольствіе блистало на прояснившемся лицѣ юнаго монарха... Онъ чувствовалъ, что свершилъ великій подвигъ; онъ угадывалъ, что сдѣлалъ великій шагъ къ сближенію отчизны своей съ просвѣщенными государствами...

Но побѣда эта надъ древнимъ, укоренившимся предразсудкомъ утомила юнаго страдальца... Когда внутренній огонь, поддерживавшій силы его, угасъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ въ изнеможеніи опустился на подушки, и глухой, болѣзненный стонъ вырвался изъ груди его...

Въ тотъ же день приступили къ торжественному сожженію разрядныхъ книгъ.

Въ сѣняхъ Грановитой Палаты развели огонь.

Вокругъ него стали патріархъ, бояре и думные мужи.

Сожженіе книгъ было возложено на Михаила Юрьевича Долгорукова.

Съ непобѣдимою горестію глядѣли бояре, какъ пламя обхватывало листъ за листомъ... Бумага превращалась въ пепелъ, но и на пеплѣ виднѣлись еще слѣды письменъ... Но вотъ вспыхивалъ другой листокъ... пепелъ прежняго разсыпался и съ нимъ исчезали слѣды заслугъ предковъ.

Книги сгорѣли.

Бояре все еще хранили молчаніе. Они какъ бы оспротѣли... и тягостна стала имъ служба отечеству, къ которой велъ теперь одинъ путь, озаренный лучезарными словами: *личная заслуга*.

Послѣднія искры угасли.

Патріархъ благословилъ всѣхъ присутствовавшихъ.

— Если кто,—произнесъ онъ торжественнымъ голосомъ,—вопреки царскаго повелѣнія, утаитъ у себя разрядныя книги, на того падетъ и тяжкій государскій гнѣвъ и церковный грѣхъ!..

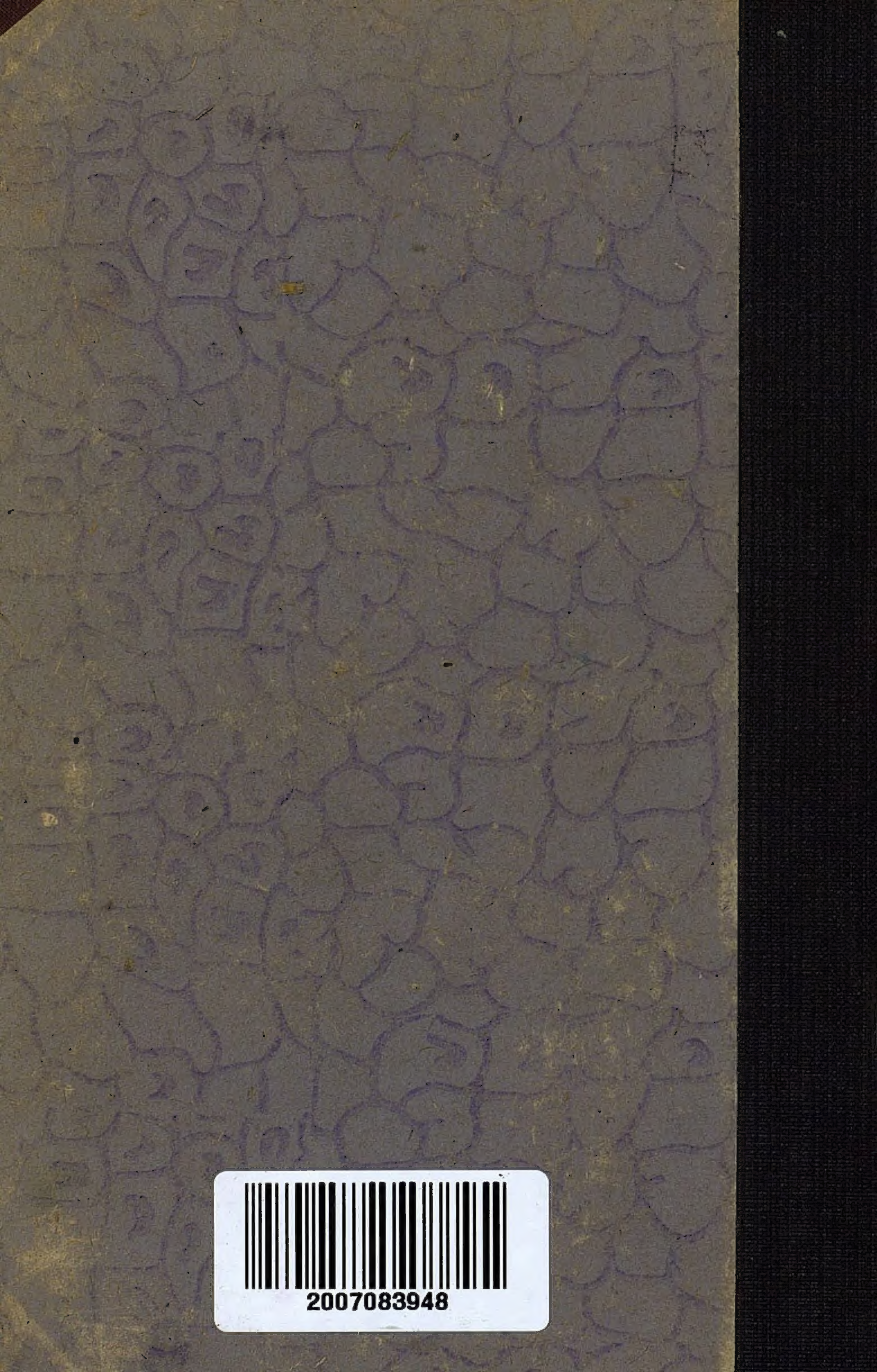
— Да будетъ такъ!—произнесло собраніе.

Для сохраненія памяти о заслугахъ бояръ и родословныхъ знаменитыхъ родовъ земли русской, велѣно было сдѣлать извлеченіе изъ разрядныхъ записей и составить особую книгу, извѣстную нынѣ подъ названіемъ *Бархатной*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007083948